

Б И Б Л И О Т Е К А П О Э Т А
малая серия № 1

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Ф И Н Ч Е С К А Я
П О Э З И Я

Общая редакция

M. Азадовской

Статьи,

редакция и примечания

A. Астаховой и H. Андреева

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1935

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящей книгой открывается малая серия «Библиотеки поэта». «Библиотека поэта», основанная и руководимая М. Горьким, «ставит целью своей познакомить молодежь с историей русской поэзии и дать начинающим поэтам материал для технической учебы».¹

В задачи «Библиотеки поэта» входит издание как крупнейших поэтов XVIII и XIX веков, так и авторов, менее известных современному читателю, но сыгравших существенную роль в развитии русского стиха. Вместо с тем предпринят сбор материалов по неисследованным до сих пор областям русской поэзии.

Неразработанность истории русской поэзии и отсутствие проверенных текстов заставило редакцию «Библиотеки поэта» сосредоточить свое внимание на пересмотре памятников поэзии с текстовой стороны, что в ряде случаев изменило представление о художественном и общественном

¹ М. Горький, О Библиотеке поэта. Державин, Стихотворения, Изд-во Писателей в Ленинграде, 1933, стр. 16.

облике поэта, сложившееся в традиционной истории литературы.

В целом «Библиотека поэта» должна составить энциклопедию русской поэзии за два века ее существования.

Малая серия «Библиотеки поэта», базирующаяся на проделанной научно-исследовательской и текстологической работе, строится по принципу простоты и доступности. Она дает избранные произведения русских поэтов. Ее цель — познакомить широкие круги советского читателя и, в частности, подрастающие поэтические кадры с главнейшими явлениями русской поэзии. Первые два выпуска посвящены фольклору — эпосу и лирике. Дальнейшие — показывают последовательное развитие русской поэзии от силлабических виршей петровской эпохи до литературы предоктябрьской поры.

Всего серия содержит шестьдесят шесть книг:

1. Русский фольклор. Эпическая поэзия.
2. Русский фольклор. Крестьянская лирика.
3. Вирши (Полоцкий, Прокопович, Паус, Медведев, Истомин, Буслаев, Собакин, Кантемир).
4. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков.
5. Поэты XVIII века (Херасков, Майков, Богданович, Петров, Нопов, Кашист, Хемиштер, Радищев).
6. Державин.

7. Карамзин и поэты его круга (Дмитриев, Милонов, Нелединский-Мелеркий, В. Пушкин).
8. Крылов — Басни.
9. Батюшков.
10. Востоков.
11. Гnedич.
12. Жуковский.
13. Вяземский.
14. Давыдов.
15. Кюхельбекер.
16. Катенин.
17. Рылеев.
18. Дельвиг.
19. Пушкин.
20. Баратынский.
21. Веневитинов, Хомяков, Шевырев.
22. Козлов и Подолинский.
23. Языков.
24. Полежаев.
25. Одоевский.
26. Лермонтов.
27. Кольцов.
28. Бенедиктов.
29. К. Навкова.
30. Мятлев.
31. Ершов.
32. Мей.
33. А. Григорьев.
34. Плещеев.
35. Никитин.
36. Огарев.
37. Тютчев.
38. Фет.

39. Майков.
40. Щербина.
41. А. Толстой.
42. Полонский.
43. К. Прутков.
44. Некрасов.
45. Добролюбов.
46. М. Михайлов.
47. Поэты «Искры».
48. Революционная поэзия эпохи народничества.
49. Надсон и Минский.
50. Апухтин.
51. Случевский.
52. Фофанов.
53. В. Соловьев.
54. Ф. Сологуб.
55. Брюсов.
56. И. Анненский.
57. Блок.
58. Белый.
59. Поэты-акмеисты.
60. Есенин.
61. Д. Бедный.
62. Хлебников.
63. Маяковский.
64. Поэты-футуристы.
65. Пролетарская поэзия (1895—1917).
66. Городской фольклор.

Как видно из плана, каждому поэту посвящен отдельный выпуск. Только в некоторых случаях объединены в один вы-

РУССКИЕ БЫЛИНЫ

1

Когда-то один из крупнейших русских исследователей былевого эпоса назвал его «обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен». «В этом здании, — писал он, — жили иногда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусней и восточными коврами. В свое время погребали в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки и, наконец, в кое-каких еще обитаемых закутах устроился несприхотливый олонецкий крестьянин». ¹

Действительно, в том составе и виде, в каком былевой эпос доехал до нас, в устах последних его носителей — крестьянства и казачества — он представляет чрезвычайно сложное и во многом загадочное явление. Но, конечно, дело не только в том, что былина на протяжении своей многовековой

¹ В. с. Иллэр, Экскурсы в область русского народного эпоса. Предисловие, М., 1892.

фольклорной жизни испытала ряд частичных изменений в виде «наслоений» или, по приведенному выражению, «пристроек» и «надстроек». Проблема былевого эпоса глубже и сложнее. Мы не знаем, в конечном счете, что представляли собой былины или те песни, которые легли в их основу, в древнейшую пору своего существования, так как самые ранние записи эпоса восходят только к XVII веку. Кроме записей нескольких исторических песен, сделанных для англичанина Ричарда Джемса в 1619—1620 году, мы имеем еще незначительное число рукописных текстов, внесенных в списки XVII—XVIII и начала XIX века, видимо, в целях занимательного чтения. Эти записи, так же как и позднейшие, XIX и XX веков, произведенные учеными собирателями, — уже коренная и органическая переработка каких-то древнейших основ, и все попытки, иногда чрезвычайно острые, воссоздать первоначальный вид былины остаются спорными, а изыскания о происхождении той или иной былины не выходят за пределы более или менее вероятных предположений.

Однако несомненно, что эти неизвестные нам основы значительной части былевого эпоса мы должны искать в ранних веках феодализма. К ним приводят нас не только яркие зарисовки характернейших черт исторической обстановки этого периода, но и определенные следы феодальной идеологии,

конкретно — идеологии княжеско-дружинного класса.

Широкие степные просторы — «раздольице чистое поле», «заставы богатырские», эти пограничные сторожевые посты, стерегущие подступы к Киеву, кровавые схватки с врагами, осмелившимися проникнуть в пределы русских владений, осмелившимися угрожать русскому князю: «что возьмет Казань царь столной Киев-град, а Владимира князя в полон положит», — все это яркие, живые отражения реального исторического прошлого. Это — киевская Русь с ее неустаний, упорной борьбой со «степью», с ее непрекращающимся «военным положением», порожденным своего рода торговой конкуренцией русских князей с кочевниками и необходимостью ограждать регулярные торговые отношения от грозящих опасностей.

Идеологическая направленность древнейшего ядра былевого эпоса обнаруживает и ту социальную среду, в которой оно сложилось. Но только отмеченная тематика — все эти военные подвиги, бои, схватки, не только бытовая военная обстановка, но и общий характер центрального образа — «славного могучего богатыря» ведет нас к княжеско-дружинной среде. Именно эта среда была наиболее заинтересована в прославлении иувековечении выдающихся событий своего времени: походов, боевых столкновений, побед. Ряд свидетельств лето-

писей и древнерусских писателей говорит нам о существовании особых дружиных певцов-поэтов, «несиетворцев», которые «несли пояса князьям, совершившим военные подвиги, и которые «преклоняли свою слуху в бытия рати и ополчение да украсят словесы». Поэтический образ такого дружищного певца запечатлен самой былинной (Добрыни).

Характерно, что в былинах, возникших на основе этой книжеско-дружиинной поэзии, все внимание по преимуществу уделяется подвигам богатырей-дружиинников, подвиги самих князей воспеваются значительно реже; сплошь и рядом подчеркивается огромное значение дружины и зависимость от нее князя. В былине о Калине царе рассказывается, как получает Владимир предложение Калина сдать Киев «без боя, без драки»:

Владимир князь занечался,
А паскоре ярлыки распечатывал и
просматривал.

Глядючи в ярлыки, занякал вслед:
«По грехам над князем учинилося, —
Богатырей в Киеве не случилося,
А Калин царь под стеной стоит.¹

В то же время былины донесли до нас и отзвуки внутреннего антагонизма в кня-

¹ Кирша Даудов, Древнерусские стихотворения, № 163, изд. 3, М., 1878.

жеско-дружииной среде. Богатыри отказываются защищать Киев, потому что Владимир больше жалует «князей-бояр», чем их. «Князья-бояра» — это княжьи мужи, бояре киевской Руси, верхний слой, «старшая дружина», оседлая, богатая, пополнявшаяся из класса богатых местных землевладельцев. У младшей дружины, несшей военную службу, были свои счеты с этими ближайшими советниками князя из числа его «думы». С особой силой расслоение внутри дружины выражено в одном из самых замечательных вариантов былины о Калине царе известного сказителя времени Гильфердинга — Трофима Григорьевича Рябинина:

Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой королевичной:
У него ведь есте много да князей бояр,
Кормит их и пойнт да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.¹

Былина отразила по преимуществу общее направление интересов и весь военно-кочевой быт именно этого второго слоя дружины. Все это привело исследователей к предположению, что «древнерусские воинские былины имеют два слоя: один составлен из хвалебных песен в честь князей, другой, более значительный по количеству,

¹ Гильфердинг, Ошежские былины, № 73
СЦБ. 1873.

возник из недр самой дружины и выдвинул героев богатырей-дружинников, естественно выставлявших на первый план свои социальные интересы и чувства, далеко и не всегда совпадавшие с интересами набиравшего их к себе на службу князя».¹

Что касается образов врага, с которым в былинах сражаются богатыри, то в них отразились и смешались воспоминания о различных событиях, бывших в разные исторические периоды: впечатления ранних времен от столкновений с хазарами, а затем с печенегами, более поздние — с половцами, борьба с которыми была особенно затяжной и трудной, и, наконец, впечатления татарщины. Последняя оказала особенно большое влияние на былевой эпос. Нашествие татар стало источником сложения новых эпических песен. Таковы, например, все былины о Калине, Батыге, Скурле, Мамаевом побоище и т. д. Но и в древнейший слой тоже вплетаются новые впечатления: «татарии поганый» как враг богатыря — постоянная фигура былины и даже тех из них, где мы можем предположить более старую основу, возникшую еще в ранние периоды борьбы с кочевниками.

Военные темы — лишь часть содержания эпического наследия. Другие исторические

¹ Б. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1931, стр. 60.

явления эпохи феодализма — рост боярства и ослабление власти князей в больших торговых городах, борьба городских партий, заморская торговля, вообще торговые интересы и осознание силы торгового капитала, быт и нравы торговой буржуазии — также нашли в былинах яркое отражение.

Как и в отношении первой группы былин мы не можем и здесь в большинстве случаев с полной уверенностью приурочить ту или иную былицу к определенному месту или времени, установить конкретное событие, легшее в основу былины; опять-таки многие изыскания в этой области имеют лишь большую или меньшую степень вероятности. Но общий характер жизни большого феодального города в преломлении сознания торговой буржуазии передан сильно и красочно. Бой-драка Василия Буслаевича с «мужиками новгородскими» как отражение борьбы общественных групп в среде самой социальной верхушки — бояр и богатого купечества, «велик заклад Садко», «новы-купить товары новгородские» — поэтическое воспроизведение торговой конкуренции, столкновение богатых «гостей» с князем, в результате которого посрамленный и униженный князь дает право «торговать безданию и беспошлино», — все это драгоценнейшие черты прошлого, облеченные в высокохудожественные образы.

В сложении этих былин-новелл, как их обычно называют в отличие от воинских

или «боевых», большую роль сыграли скоморохи. Эти профессиональные потешники, артисты, музыканты, фокусники, постоянные участники цирков, свадеб и всякого рода празднеств, в области эпической поэзии явились до известной степени преемниками дружинных певцов, переняв от них и их песни и искусство играть на гуслях. С течением времени обе эти категории певцов слились вместе, образовав единую категорию скоморохов — веселых людей.

Мы не можем в точности указать, когда окончательно оформилась былица, получив тот композиционный и ритмический строй, в котором она дошла до нас. Но несомненно, что главное место в деле этого оформления принадлежит именно скоморохам, заинтересованным как в выработке всех художественных приемов, направленных на овладение вниманием слушателя, — особых зачинов, прибауток и т. п., так и приемов, помогающих запоминать и удерживать в памяти огромное количество стихов. Они производили отбор наиболее актуальных песен, соответственно интересам и вкусам тех общественных классов, которым они служили; они же подвергали их переработке. Но они, как уже выше сказано, слагали и новые песни-былицы, преимущественно новеллистического типа с увлекательной интригой, с романическим сюжетом, богато насыщенные бытом того класса, для раз-

влечения которого они служили. Им же, несомненно, принадлежат и былины юмористического характера, в которых нередко действующими лицами являлись сами скоморохи. К более поздним образованиям в области эпической поэзии нужно отнести также и былины, приближающиеся к типу баллад, в сжатой и напряженной форме повествующие о каком-нибудь исключительном эпизоде семейно-бытового характера и заключающие часто яркие штрихи феодальных понятий о чести, положении и роли женщины и т. д.

Необходимо отметить еще одну категорию участников формирования былевого эпоса: церковно-паломническую среду — пилигримов, странников по святым местам, «калико». Творчеству их принадлежит не только религиозный эпос — духовные стихи, но и известная доля в обработке некоторых былин. В этом находит свое объяснение наличие в былинах ряда мотивов житийных и апокрифических.

Бродячий образ жизни профессиональных слагателей былин обусловил широкое использование эпосом международных сюжетов и мотивов. Мы находим целый ряд параллелей между русским эпосом и сказаниями других стран — Востока и Запада. Так, например, на создание былины о бое Ильи Муромца с сыном несомненное воздействие оказали восточные иранские сказания о Рустеме и его сыне Сохрабе-Зорабе,

на былинах о женитьбе Владимира («Дунай») отразились скандинавские сказания и песни о Брунгильде и т. д.

Итак, процесс создания былин хронологически охватывает очень длительный период, начиная с X века. Былины создавались в различных областях феодальной Руси — Киевской, Галицко-Волынской, Ростово-Суздальской, в Новгороде. В XV—XVII веках занесенные в Московскую область былины подвергаются новым переработкам в соответствии с идеологией новой среды — боярской, казаческой и др. Одновременно не прекращается и образование новых песен. Это формирование былевого эпоса нужно считать в основном законченным в XVII веке. Однако, как мы увидим ниже, живые творческие процессы продолжают сопутствовать былине и в новых условиях бытования, среди крестьянства и казачества, куда она в дальнейшем попадает.

Трудность изучения и осознания исторического смысла былинных образов именно в том, что они не являлись застывшими, раз навсегда данными, а вбирали в себя черты различных идеологий на протяжении целого ряда исторических эпох. В этом отношении особенно показательной является историческая судьба былинного образа Ильи Муромца.

В том, как он дан в ряде древнейших былин, слились и воплотились идеальные представления княжеско-дружинной среды о воине-дружиннике. Это образ огромной и осознающей себя силы, спокойной и уравновешенной. Храбрость его велика, но без неизвестного и вредного задора. В минуту опасности имению Илья Муромец оказывает помощь. Он всегда победитель. Поражение его может быть лишь временным и всегда обусловлено несчастным случаем:

Махнет Илейко ручкой правою,—
Поскользит у Илейки пожка левая,
Нал Илья на сырьу землю.¹

Этот идеал богатыря — защитника князя и «матушки Руси земли» — несомненно объединял направленность интересов как князя, так и дружины и был общим для обоих слоев последней. Отмеченный облик дополняется еще чертой благочестия и набожности, особо важной в глазах правящего класса, опиравшегося на поддержку церкви. Эта черта, яркий след идеологии, прививаемой сверху, тоже донесена в ряде былин до настоящего времени.

Но такой образ не остается неподвижным. В обрисовку Ильи Муромца вторгаются совершение иные черты.

¹ П. В. Киреевский, Песни, т. I, в. 1, М., 1863,
стр. 51.

Он дружит с «голями кабацкими», которых называет «своими людьми». Обиженный князем Владимиром, он стреляет по церквам, сбивает «маковки золоченые» и пропивает их с голями в кабаке. Чтобы угостить их, он даже бросает свой «чуден золот крест» на прилавок. В противоположность спокойному, владеющему собой богатырю, мы видим разбушевавшегося бунтаря.

А что мне молодцу буде поделати,
А я нынь молодец е розгневанной,
А я нынь молодец е раздраженной.¹

В другой былине оп обзывают Владимира «собакой», говоря, что не ради него он идет на борьбу с Калином; срывает «золотые ключи», объявляя: «завтра сам буду править княжеством», грозит Владимиру убийством и т. д.

В то же время сам князь Владимир выводится крайне ничтожным. Он трусит, ищет примирения с Ильей Муромцем, устраивает специально для него пир, всячески старается его задобрить и т. д.

В таком изображении Ильи Муромца заключены явственные ноты социального протеста. Такой именно образ бунтаря совершенно не соответствует общей идеологической настроенности дружинной среды. Здесь чувствуются уже отзвуки более

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПБ., 1873, стр. 234.

позднего времени. Предполагают, что на эти былины наложило свой отпечаток начало XVII века — эпоха массовых движений, направленных против московского правительства и господствующих классов. Именно в это время, когда происходит казачья революция, вызванная крайним обострением отношений между правительством и казаками, когда (несколько позже), к казакам примикиают крестьянские массы, доведенные жестокой эксплуатацией помещиков до крайней степени разорения и обнищания, — и мог быть создан новый образ Ильи Муромца — беснабашного удальца и протестанта. В бунтарских выходках его следует видеть протест угнетенных слоев, преимущественно казачьей среды, против правительства, правящего класса и церкви. В этом и заключается большой исторический и социальный смысл былии о ссоре с Владимиром и о голях кабацких. Для этой же эпохи характерен также образ жалкого, приниженного правителя, дрожащего от страха перед разбушевавшимися народными массами. Возможно, что уже в эту пору начинает появляться в былинах об Илье Муромце и самое наименование его — «старый казак».

Последний этап в исторической судьбе былины — это бытование ее в крестьянской и казачьей среде. Отражение казацких настроений XVII века на образе Ильи Муромца мы отметили. В дальнейшем мы находим

уже полное превращение Ильи Муромца — дружищика в атамана казаков, предводителя их в борьбе с татарами и турками. Таковы былины, записанные среди казаков и в Сибири, об Илье Муромце на Соколёк-корабле, а также многочисленные казачьи песни о «старом казаке-атамане» — Илье Муромце.

Крестьянство по-своему преломило, окрасило образ Ильи Муромца, идеального воина-дружищика феодальной эпохи. Некоторые из его черт оказались в этом новом преломлении близкими и понятными определенным слоям крестьянства. Илья Муромец защищает страну, землю от врагов, которые ее разоряют. Он стоит «за вдов, за сирот, за бедных людей». Он борется с разбойниками, от которых страдает население. Он самый сильный, самый храбрый, только на него можно положиться в трудную минуту. В эту характеристику вкладывалось содержание, отвечающее идеологии той основной массы крестьянства, для которой такое значение имели земля, собственность, хозяйство. Образ, дошедший из глубины веков, получает новую социальную функцию. Наиболее консервативные слои любовно культивировали также такие черты, как патриотизм и благочестие.

С другой стороны, в слоях бедняцких, оппозиционно настроенных, живейшее сочувствие вызывали иные моменты в былинках об Илье Муромце: противопоставление

его и других богатырей князьям и боярам «столстоброхим», «кособрохим», беспомощность князя, которого из беды может выручить только Илья Муромец, самое бунтарство богатыря, вызванное несправедливым отношением к нему князя, который обижает и оскорбляет своего «да что лучшего, а что лучшего, да лучшего богатыря». Таким образом, существование в крестьянской среде разных образов Ильи Муромца говорит о тех идеологических противоречиях, которые были так характерны для разнородной по социальному составу крестьянской среды.

Илья Муромец и в новой среде остается самым популярным богатырем. Естественно поэтому и последнее превращение его в крестьянского сына.

С наибольшей силой тенденция превращения дружиинника в крестьянина выражалась в одной из самых поздних былин об исцелении Ильи Муромца. Здесь особенно выдвигается его отношение к крестьянскому хозяйству. Первый подвиг после получения здоровья и силы Илья Муромец совершает на хозяйственном фронте.

Он дубье-колодье все новырубил,
В глубоку реку новыгрузил,
А сам и сшел домой... и т. д.¹

¹ Песни, собранные И. И. Рыбниковым, ч. I, Ч., 1861, стр. 35.

В этом отношении особенно интересен один из более поздних вариантов, в котором оказавшая родителям помощь описана в красках, особенно характерных для крестьянина:

А пошел он как хранить полѣ ётцовское,
Он завидел-де в поле ионде скот ходит,
Он как из поля скота ионде выганивал,
Кабы полѣ то сырым дубом огораживал,
Он ведь рвал тут как дубыцо с корень-
ицом,
Он окдал-огородил людям на юдивленьице.¹

Образ Ильи, наиболее сложный и запутанный из всех эпических образов, вызвал обширную литературу. На анализе его четко выявились основные тенденции дареволюционных научных течений. Мифологи со своих славянофильских позиций — реакционного крепостнического дворянства — видели «в эпическом типе Муромца много великих доблестей идеального героя», воплощение высоких «общественных» черт. Корни этого они усматривали в «духе общины», который впитал в себя образ Ильи Муромца, выработавшийся из первоначального мифического образа бога-громовника и прошедший через посредствующий образ Ильи-пророка. По мысли мифологов, именно «общинная струя», насытив-

¹ Овчуков, Печорские былины, № 53, СПБ., 1904.

шая эпический образ Ильи, и привела к тому, что он сделался выразителем нравственных идеалов «всего народа». Характерно, что те былины, которые разбивали эту концепцию, мифологи просто отбрасывали, как «пересказы, стоящие совершенно особняком»¹ и несущие следы «позднейшей бытовой грубости» и «исторически вынужденной жестокости народа».²

В противовес славянофильско-мифологическим теориям первые представители сравнительной школы, отразившие буржуазно-западнические взгляды, подчеркивали в образе Ильи черты чуждого, нерусского происхождения, восточного и западного. В их работах образ Ильи совершенно утрачивал национальные черты. Вместе с тем конкретная социальная действительность, определившая этот образ во всей его сложности и противоречивости, ими совершенно игнорировалась.

Однако в дальнейшем, разгромив патриотико-националистско-замкнутые концепции славянофильства, компаративизм как идеология крепнувшей буржуазии, с ее задачами изучения реальной среды и конкретной действительности, должен былineизбежно выдвинуть задачу вскрытия исторических основ бытевого эпоса. Этую миссию выпол-

¹ Орест Миллер, Илья Муромец и богатыре: виновское. СПБ., 1870, стр. 801, примеч.

² Ibid., стр. 804.

пила историческая школа, возглавляемая Вс. Миллером. Он и его ученики (особенно А. Марков) уже отчетливо видели роль различных социальных элементов в создании сложного образа главного героя русского эпоса (Марков даже говорил о классовых основах). Но они не сумели увидеть в этом процессе органической переработки, заново переосмыслившей всю былину в целом, а видели лишь определенный социальный «спектр», под которым, казалось им, легко рассмотреть древнейшую основу былины. Стоя на позиции буржуазного социологии, Миллер не понимал также всей творческой силы социальных противоречий. Правильно вскрыв в былине о ссоре Ильи Муромца с Владимиром и о голях кабацких преломлении протеста казачьей среды начала XVII века, он в аналогичной былине о Василии Игнатьеве видел лишь продукт «грубой среды любителей кружала государева», «кабацких заседателей», «веселых людей скоморохов», смакующих, по его выражению, «кабацкие сцены», «зелено вино» и проч.¹ Он совершенно не учитывал большого социально-исторического значения этой былины, в которой роль спасителя Киева, Ильи Муромца, перенесена на Василия Игнатьева, представителя гали, что заостряет былину в сторону противопоставления господству-

¹ Вс. Миллер, Очерки русской народной словесности, в. 1, М., 1897, стр. 310.

ющему классу не младшей дружины — боярьицей, и не «крестьянского сына», а самых низов социальной лестницы.

Мы задержались выше на трансформации эпического образа Ильи Муромца в виду особого интереса и показательности прослеженного процесса. Но аналогичные явления мы наблюдаем и в жизни других былинных образов. Так, например, ранний образ Алеши Поповича вполне положителен. Он «смелый Олешенька Попович млад». Смелость отмечается как главное его качество. Он хитер и находчив в столкновении с врагом. Таков Алеша Попович в ранних воинских былинах. Следы этого образа сохранились и в других былинах в постоянном эпитете Алеши «смелый».

В руках скоморохов Алеша Попович становится одним из главных героев романтических историй былин-новелл. Именно в среде скоморохов, идущих навстречу социальным настроениям своих потребителей, в данном случае мелкого городского населения и крестьянства, используется историческое прозвище Алеши — Попович, и образ Алеши получает социальную оценку как представителя «поповских родов».

Алешенька рода поповского;
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие;
Увидит Алеша на пахвальщике
Много золота, серебра, —

**Злату Алеша позавидует,
Погинёт Алеша поницрасному.¹**

Этот социальный мотив крепко входит в былинную традицию. Особенное заострение он получает при подчеркивании некрестьянского происхождения Алеши:

А Олеша не роду да хрестьянского,
А Олеша та роду да все поповского,
Ише руки у Олеши да загребущие
А глаза у Олеши да завидущие и т. д.²

Алеша Попович превращается в комическую фигуру. Взамен храбрости начинают подчеркиваться черты хитрости, хвастиливости и неразумного задора, трусости. Алеше придаются черты женского прелестника. Он «бабий пересмешник», «дивочий надсмешник», «похавный вор».³

Чрезвычайно интересна также судьба и переосмысление на различных этапах жизни былии образа князя Владимира, вокруг которого собираются богатыри.

Сопоставление былинных деталей с летописными данными говорит о том, что в этом эпическом образе преломились и скрестились воспоминания о двух истори-

¹ Песни, собранные И. В. Киреевским, № 46, вып. 1, М., 1863.

² Архангельские былины и исторические песни, собр. А. Д. Григорьевым, т. III, СПБ., 1910, стр. 323.

³ В этом заострении сатирических черт в образе Алеши сыграло роль и то, что с церковью скоморохи жили не в ладах.

ческих Владимирах: князю Владимиру Святославовичу конца X и начала XI веков и популярном князю XII века — Владимиру Мономаху. Первый, «тищичный князь варяг, полукупец, полуразбойник, начальник наемной дружины, правительственная деятельность которого ограничивалась сбором даны с подвластных племен»,¹ впоследствии объявляет христианство официальной религией и в церковной организации получает новое оружие для эксплоатации. Этот князь, деятельность которого отвечала интересам высшего класса, нашел очень сочувственное изображение на страницах летописи. Летописцы — придворные историки — старались подчеркнуть его заботу о дружине, описывали, например, пиры, которые он для дружины устраивал, и т. п. Эти черты совпадают с былинным образом «лакского Владимира Красное солнышко». Кроме того в основе ряда былин установлены определенные исторические эпизоды, связанные с личностью князя Владимира Святославовича.

Владимир Мономах, один из крупнейших феодалов древней Руси, к концу своей жизни объединивший в своих руках и в руках своей семьи почти три четверти тогдашней Руси, вел энергичную борьбу с половцами, наиболее опасными врагами

¹ Большая советская энциклопедия, т. XI, М., 1930, стр. 571.

киевской торговли в XII веке. Это сделало его популярным как среди верхушки, так и в массах, страдавших от половецких набегов. Популярность Мономаха еще более выросла после киевской революции начала XII века, когда он искусственной дипломатической социальной политикой (уступками мелкому городскому люду и смердам) восстановил спокойствие.

Но рядом со следами сочувственного отношения к этим князьям, сохраненными по преимуществу в застывших хвалебных эпитетах, мы наблюдаем в былинах явную тенденцию к снижению образа князя, идущую, как это уже было отмечено, от настроений младшей дружины. Выше мы видели черты беспомощного и в то же время несправедливого «властителя», которому вместе с его «князьями-боярами» противополагаются младшие дружиинники-богатыри, совершающие труднейшие подвиги и часто не получающие за это от князя должной награды. Эти отголоски социальных взаимоотношений раннего феодализма должны были особенно приттись по вкусу боярской и купеческой среде тех богатых торговых городов, которые соперничали и вели борьбу с князьями-феодалами. Здесь эти черты, ведущие к развенчанию князя, получили особое усиление и дальнейшее развитие. Владимиру присваивают роль сводника, поддерживающего интригана Алешу всеми неблаговидными средствами,

вплоть до угроз и обмана, заставляющего жену Добрыни Никитича «от живого мужа» итти под венец с Алешией. Заключительный укор Добрыни по адресу Владимира в целом ряде вариантов данной былины оттеняет и подчеркивает неблаговидность поступка князя.

Владимир ежечасно посрамляется не только богатырями, но и боярами, и «гостями», приезжающими из других городов и мест, при этом заключительное разрешение униженным Владимиром: «а торгуй в нашем во-б граде во Киеве, ты во Киеве во граде век без пошлины» — выпускло передает основную направленность той среды, в которой культивировалась былина на определенном историческом этапе.

Наконец, на том же образе былинного Владимира оказались вноследствии и впечатления от московских царей и обстановки их двора.

С одной стороны, в него вносятся черты деспотизма, например, рассказывается об отсылке неугодных Владимиру богатырей на «службу великую» с целью их гибели, с другой стороны — резкое изображение князя, обезличенного «боярами толстобрюхими», с которыми он «думу думает» и против которых он «ничего говорить не смет», — переносит нас в сферу тех настроений московского честного дворянства и купечества, которые подготовили государственный переворот середины

XVI века, направленный на ликвидацию «боярщины».

Так видоизменялся и переосмысливался былинный образ в период наиболее интенсивной жизни былины, в период ее сложения, с ранних времен феодализма вплоть до конца XVII века. Но и в среде последних носителей эпического наследия — крестьян — былина не застывает в определенных и неизменных формах, а продолжает жить творческой жизнью, изменяясь под воздействием социальной среды, местности и личных свойств исполнителя.

3

Проблема подвижности былинного текста в крестьянской среде не сразу была выдвинута в науке о былине. Наоборот, долгое время, начиная с 20—30-х годов XIX века, когда, собственно, и начинается научное изучение «устной словесности», вплоть до второй половины XIX века господствовало представление о механическом сохранении крестьянами эпического наследия, доставшегося им от далеких предков.

Это наследие понималось как результат глубокого в прошлом процесса некоего «коллективного», «безличного», «общенародного» творчества, отразившего «народную душу» и «народную мудрость». Отдельные же изменения в пересказах рассматривались как явления индивидуальной па-

мяти — забывание и вытекающее из него искашение, которое не следует принимать в расчет. Исследователь должен оперировать лишь исконным, подлинным текстом.

Такова была основная концепция в отношении фольклора мифологической школы. Это игнорирование непрекращающихся живых творческих процессов в фольклоре, вытекающее из общей тенденции славянофильства отыскать в прошлом и познать «истинную народность», находило как раз в области былины опору в действительно крепкой традиционности всего композиционного и ритмического ее строя.

Однако, когда новые научные течения второй половины XIX века, связанные с интересами крепущей буржуазии, выдвинули задачу изучения конкретной действительности, то и в жизни былины были вскрыты следы живого индивидуального творчества, отразившего влияние окружающей обстановки.

Первые шаги в этой области принадлежат А. Ф. Гильфердингу и В. В. Радлову, почти одновременно опубликовавшим свои наблюдения над различным материалом эпического творчества,— Гильфердинг над северными былинами, Радлов над эпическими поэмами сибирских народностей.¹ Оба отме-

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПБ., 1873; Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собралы В. В. Радловым, СПБ., 1885.

чали в исполнении певцов-сказителей сосуществование унаследованной традиции и чисто творческих моментов. Эти последние сказываются преимущественно в «ловком соединении готовых уже частичек картины в одно целое», в воссоздании текста на основе усвоенного общего остова былины и «типических» мест. «В каждой былине, — говорит Гильфердинг, — есть две составные части: места типические, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собою типические места и в которых рассказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял ее; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только общий состав, так что всякий раз, как сказитель поет былицу, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения».¹ Но и типические места несут отпечаток личности сказителя, так как у каждого имеют свои особенности. По мысли Гильфердинга, как раз именно типические места «всего более отражают на себе личность сказителя», так как он производит определенный отбор из массы готовых типических картин.

¹ А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, СПб., 1873, стр. XXVII.

Но дело не только в отборе, как думал Гильфердинг. Дальнейшие наблюдения показали, что и типические места сказитель перерабатывает, внося известные изменения и дополнения соответственно своему отношению к изображаемому, своим вкусам и настроениям. Так, при повторении выезда богатыря в погоню за врагом (сперва, например, Алеша Попович или Добрыня Никитич, потом Илья Муромец) обычно в точности повторяется картина снаряжения богатыря, в частности седлания коня. В публикуемом нами варианте «бой Ильи Муромца с сыном» при выезде Добрыни сперва передаются традиционные подробности:

Он ведь скоро седлат то своего коня доб-
рого,
Он седлат, все убирает коня богатырского.
Он двенадцать шелковых упружиноок
застегиват... и т. д.

Когда же после возвращения напуганного врагом Добрыни едет сам Илья Муромец, то сказительница делает неожиданное противопоставление:

Недосуг Ильи коня учисывать-углаживать,
Недосуг ему двенадцать шелковых упру-
жинок застёгивать...

Вообще особенно четко вырисовываются индивидуальные привнесения на фоне определенной традиции. Так, например, за-

ключительный эпизод былины о Соловьеве-разбойнике — известное описание исполнения соловьем свиста на дворе Владимира — развернут во всех былинах в традиционном плане изображения общего испуга. Картина эта дает большой простор для юмора. Некоторые сосредоточивают внимание на комической фигуре князя, падающего от страха со стула, укрывающегося «под куцей шубочкой» или под пазухой Ильи Муромца, другие переносят сатирический акцент на бояр, ходящих «окаракою», и т. д. В этих оттенках, в изменениях отдельных деталей не только проявляется степень одаренности исполнителя, его художественное чутье, не только сквозится влияние профессии и особенностей быта, но и находит выражение его социальная психология. Драгоценными штрихами являются, например, такие детали, как возражение князя Владимира послу, сватающемуся за его племянницу: «Моя племянница ведь царская дочь, а жених-то, може, есть батрак»; гневный ответ посла: «Я крестьянский сын и крестьянью, а про богачество и не спрашивай», или следующая выразительная мотивация женои Добрыни Никитича ее согласия на замужество с Алешей Поповичем, данного под влиянием угроз Владимира взять ее к себе в работницы: «Под боярином жить да быдто под чортом, лучше ити за Алешеньку в замужество».

Вся эта индивидуальная чисто творческая деятельность протекает в пределах определенной и очень крепкой поэтической традиции. Выше было уже отмечено падение в прошлом певцов-профессионалов, в руках которых и была выработана богатая и своеобразная художественная техника былии.

Некоторые черты былинной поэтики назывались нами попутно. Например, так называемые общие или типические места, то есть традиционные формулы, устойчивые, постоянные выражения и обороты, повторяющиеся в былинах с разным содержанием. Таково описание выезда богатыря в поле, седлание коня, скачки богатырские, единоборство богатырей; поклоны богатыря при входе в терем, вопросы, к нему обращаемые, его ответы, похвальба богатырей на пиру, сватовство, прощание с матерью и т. п. В четкую форму отлилась и сама композиция былины. Начинаясь чаще всего с «зачина», дающего обычно конкретные географические указания, откуда и куда едет былинный герой, она развертывает действие чаще всего в хронологической последовательности событий, эпизодов, связанных с главным действующим лицом. Направление сюжетного развития часто указано уже в самом на-

чале. Развитие это тормозится обстоятельными, подробными описаниями каждого действия героя и постоянными повторениями. В этом богатстве описательных деталей, в подробном развертывании отдельных эпизодов — главная прелесть словесной ткани былины. Иногда быльне предшествует «занев» или «прибаутка», не имеющие прямой связи с содержанием былины и служащие лишь своего рода художественной прелюдией, увертюрой к быльне. Цель занева — создать настроение, подготовить слушателя к восприятию. Таков, например, знаменитый запев к быльне о Соловье Будимировиче в сборнике Кирши Данилова:

Высота ли высота поднебесная,
Глубота глубота океан море,
Широко разолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские.¹

Основным композиционным приемом в быльне, помогающим развертывать действие, является антитеза — прием контраста. Черниговские мужики советуют Илье ехать прямоезжею дорогою, — Илья Муромец едет и встречается с Соловьем Разбойником, Василий Буслаевич не слушает наставлений матери и озорничает во время путешествия в Иерусалим и т. д.

¹ Кирша Данилов. Древнероссийские стихотворения, № 1, изд. 3, М., 1878.

Контрастность самих выведенных лиц тоже часто служит основой для развертывания сюжета: Илья Муромец и Идолище, Илья и Сокольник и т. п. В целях дальнейшего движения сюжета широко используется диалог. Давая общую информацию о том, что произошло или происходит, он вызывает новое действие с вмешательством нового лица. Заканчивается былина четкой развязкой, дающей разрешение конфликта. Некоторые былины сопровождаются еще особыми концовками, выражающими впечатление от изображенного, дающими сен-тацию или величание.

То старина, то и дёяние...

А тут Соловью ему и славу поют,
Ай славу поют ему век по веку...

Синему морю на тишину,
Всем добрым людям на послушание...

Неизбежным спутником былины, спецификой ее стиля является гипербола, обусловленная общей художественной целеустремленностью героической поэмы — стремлением поразить воображение слушателя грандиозностью подвигов силы и храбрости. Так богатыри боятся «день до вечера, с вечера боятся до полуночи, с полуночи боятся до бела света», богатырь скакет «выше лесу стоячего, чуть пониже облака ходячего» и т. д. Многочисленные

и разнообразные повторения, с обычным соблюдением троесочности с нарастанием, несут, кроме композиционных, изобразительные и эмоциональные функции. Наиболее часты повторения следующих типов: 1) повторение коренных, то есть смысловых частей слова: «У того ли Чернигова нагнало-то силушки черным-черно, ай черным-черно, как черна ворона» (Гильфердинг, № 74); 2) повторение синонимов: «Без бою, без драки, без кроволития»; 3) повторение путем отрицания противоположности: «А и холост хожу, не женат гуляю»; 4) повторение слов и выражений с нарастанием: «Калика эта старая, эта старая калика да седая, седая калика да племешатая» и др. Удерживая внимание на смысле повторяемых слов или путем нагнетания новых признаков постепенно разворачивая образ, повторения помогают более острому восприятию и сообщают образу художественную четкость.

Широко применяются в былине и сравнения, параллелизмы и постоянные эпитеты. В них мы часто находим не только отражение определенных эстетических вкусов (поле чистое, белая березка, красное солнышко), но и указания на историко-бытовые и социальные черты и исторические отношения (печка муравлена, терема златоверхие, бояра толстобрюхие, славный великий Новгород, татарин поганый и др.).

Былина издавна была связана с музы-

кой. В старину она не только пелась, но и сопровождалась игрой на гуслях. В крестьянской среде она лишь поется, обычно одним лицом, значительно реже хором. Этот последний способ исполнения существует главным образом у казаков. В противоположность песне напев былины не так крепко и органически связан с текстом, он является лишь средством его подачи. Напев может сопровождать различные былины, так же как самий текст может легко быть оторван от напева и существовать отдельно от него. Но в то же время освобождение былины от напева влечет за собой обычно разложение былины. Она теряет четкость своего ритма, рассказ становится более свободным, приближается к прозаическому пересказу.

Напев формирует стихотворный ритм былины. Стих принадлежит к типу «вольного стиха», не укладываюсь в строгие рамки классических размеров. В большинстве случаев он характеризуется четырьмя главными ударениями, из которых последнее, представляющее некоторое отягчение последнего слога, при пении обычно протягивается: «Из того ли то из города из Муромля, из того села да с Карабирова...». Но так как ударение последнего слога легче, чем третьего с конца, то окончания былинных стихов воспринимаются как дактилические. Рядом с таким преобладающим типом былинного стиха есть другие —

с меньшим количеством ударений и с двухсложными окончаниями. Такого рода стих формируется и более короткими, быстрыми напевами. Рифмы постоянной в былинках нет, опа появляется лишь в результате синтактического параллелизма и чаще всего представляет неполное созвучие — ассонанс.

Там пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица, черный вороп не пролетыват,
Серый волк да не прорыскиват.

То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются.

(Гильфердинг, № 74)

Ассонансы и другие звуковые сочетания мы встречаем часто и в середине былинного стиха.

Различное использование и применение указанных нами художественных средств выражает личную творческую манеру. Но былина несет на себе не только следы индивидуальной поэтической деятельности. Мы наблюдаем также наличие определенных художественных школ в пределах того или иного района. Так, например, отмеченный выше социальный элемент в характеристике Алекси Ионовича различным способом используется в плане ком-

позиционном. В прионежской группе былии он обычно включается в былину • Дюкое Степановиче, в которой социальные черты Алеша становятся препятствием для посыпи его на опись «животов Дюковых».

Его глазищецка поповские,
Поповские глазищецка завидливы;
А ему отоль с Пиден да не выехать! ¹

В вариантах же, записанных на Мезени, этот мотив вносится в былнику о Добрыне и Алеше, где указанными чертами Добрыня обосновывает свой запрет жене выходить в случае его гибели за Алешу.

Вопрос о художественных школах в былевом эпосе совершение не разработан, так же как не изучен и не выяснен вообще областной тип былины. Мы видели, что былина впитала в себя целый ряд черт, идущих от различных социальных групп в различные исторические эпохи. На последнем этапе своего бытия в крестьянской среде она тоже получает отпечаток социальной среды определенной местности, в которой бытует. Так не случайным является в былинах, записанных в Средней России и в Поволжье, в районах крепостного землевладения, упорная замена «древнего боярина»— «барином» или внесение в традиционную

¹ Гильфердинг. Онежские быличы, № 132, СПБ., 1873.

формулу похвалы на пиру следующего сюжетного штриха: «Барни хвалятся своими крестьянами». Интересно также сплетение в северных былинах черт южного пейзажа, сохраненного крепкой традиционностью былин, с географическими бытовыми чертами севера. «Раздолице чистое поле», «дуб кряковистый», часто совершенно неизвестные северному крестьянину, перемежаются со «щельями-каменьями», «мхами и болотами», «мелкими озерками», полями, на которых пахарю Микule приходится «вывертывать» камешки, — типичные черты северного, в частности карельского пейзажа.

5

Основные массивы эпического наследия были открыты преимущественно на севере: в районе нынешней Карелии и в Северном крае: в бывшей Архангельской и отчасти Вологодской губерниях, по рекам Ваге, Онеге, Пинеге, Мезени, Нечоре, в Поморье, на Терском и Зимнем берегах Белого моря. Кроме того былины оказались еще у казаков — донских, терских и оренбургских, в Новоджыне и, наконец, в Сибири, как Западной, так и Восточной. Во все эти места былина заносилась вместе с колонизацией, идущей из Новгорода, игравшего большую роль в сложении и оформлении эпоса. Среди них Россия и Украина, места, где тоже создавалась часть былового

эпоса или те песни, которые послужили ее основой, оказались наиболее бедны, дав всего несколько отдельных и случайных записей. Бурная смена исторических впечатлений, с одной стороны, крепостное право, с другой, привели к исчезновению здесь былинной традиции, остатки которой до нашего времени лучше всего сохранились в наиболее глухих и менее всего затронутых промышленным духом местах. Общие черты бытового уклада северных крестьян, особые условия, способствовавшие сохранению эпоса, как, например, некоторые промыслы, обесценили здесь эту сохранность.

В средних же районах из всего эпического наследия сохранились более поздние былины балладного типа, по складу почти перешедшие в песню, и другой вид эпического творчества — исторические песни.

Но и на севере процесс постепенного угасания былинной традиции налицо. Засвидетельствованный еще первыми собирателями конца XIX века, он значительно усилился в условиях современной революционной деревни, приобщенной даже на самых отдаленных окраинах к общим интересам и заботам социалистической стройки. Этот процесс исчезновения, однако, совершается медленно и в разных местах в разной степени. В некоторых районах, как, например, в Поморье, на Карельском

п Терском берегах, в северных частях Заонежья, знание былин чуть теснится, жалкие остатки эпоса хранятся в памяти лишь немногих преемников былого сказительства. В других районах, на Иниге, в Южном Заонежье и Пудожье, былина еще существует, но сказители используют ее чаще для себя; былина все больше и больше замыкается в узком кругу любителей и редко находит аудиторию за пределами семьи. Наконец, есть и такие места (Мезень, Печора), где еще в последние годы (1928—1929 гг.), былина бытowała в полной мере. Сказителей здесь было довольно много, они использовали былины и в тесном кругу семьи, и для себя во время работы, и для односельчан. Бывали даже случаи специальных собраний для совместного пения. Знание былин зарегистрировано здесь и в среде более молодых. Отмечена также забота сказителей о пополнении своего репертуара. Однако и здесь заметно общее падение былинной традиции. Репертуар сокращается. В Усть-Цильме, по данным 1929 года, репертуар свелся к двадцати пяти сюжетам вместо сорока восьми, записанных Ончуковым. Различные степени сохранности и живучести былинной традиции обусловлены различными темпами и характером социально-экономического роста районов.

Стремление записать все, что еще сохранилось из эпического творчества, в виду

**Максим Григорьевич Антонов,
современный мезенский сказитель**

его несомненного падения, а также новые задачи, выдвинутые советской фольклористикой, требовавшие повторных изучений, привели к ряду новых обследований. Последние записи, среди которых мы находим еще целый ряд прекрасных, художественных текстов, все же в значительной своей части обнаруживают явные моменты разрушения: тенденцию к ускорению действия, что приводит к разрушению былинной обрядности и к обеднению былинного стиля, освобождению текста от напева, при котором текст подвергается оппозиционному, и т. п.

Медленность угасания творчества, идеалы и образы которого — глубокая архаика, говорит с несомненностью о том, что былина заключает в себе какие-то жизнеспособные элементы, долго удерживавшие ее от окончательного исчезновения. Мы уже видели, что былевой эпос включает ряд таких идеологических моментов, которые были привнесены в него оппозиционно настроенным слоями: отдельные ноты социального протesta, критика господствующих классов, бунтарство против устоев. Благодаря этому некоторые мотивы и образы могли наполняться новым содержанием и становиться близкими передовым слоям крестьянства.

Былина как одно из самых значительных явлений фольклора вызвала обширную научную литературу. Ее богатое истори-

ческое, социальное и художественное содержание привлекло, как мы видели на примере былин об Илье Муромце, внимание представителей различных научных течений.

К былине также не раз обращаются поэты, писатели, художники, композиторы, вдохновляясь эпическими образами и используя их для воплощения своих творческих замыслов. На этом пути мы находим идеологов различных классов и социальных групп, насыщающих свои стилизации определенными социальными тенденциями (например, Чулков, Львов, Карамзин—XVIII и начало XIX века, Лермонтов, А. Толстой—XIX век, Бальмонт, Брюсов—XX век). С точки зрения художественной, эти произведения тоже далеко не равнодечны. Часто мы видим слабые, сладковатые, фальшивые подделки, но мы имеем и такие вершины поэтических достижений, как лермонтовская «Песня о купце Калашникове».

Эта замечательная поэма живо свидетельствует о том, каких художественных высот можно достичь путем подлинного и глубокого проникновения в богатство эпического наследия.

Проблема освоения этого наследия с большой силой выдвинута и поставлена в наши дни.

В. И. Ленин высоко ценил фольклор в художественном и социально-политиче-

ском отношении. В своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич пишет: «Когда однажды зашла речь об устно-поэтическом творчестве, Владимир Ильич попросил дать ему просмотреть некоторые сборники былин, песен и сказок. Его просьба была исполнена. «Какой интересный материал, — сказал он.— Я бегло просмотрел вот эти книги, но вижу, что нехватает очевидно рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных».¹

А. М. Горький, который неустанно подчеркивал необходимость обращаться к фольклору как к «началу искусства слова», как к богатейшему источнику высоких образов и словесного мастерства, не раз также отмечал огромное значение былинных образов.

«Наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев, — говорил он на Первом съезде писателей, — созданы фольклором, устным творчеством трудового народа».² В галерее ярких мировых образов, в создании которых, по ого-

¹ «Лекции о поэзии». «На литературном посту», 1931, № 4.

² Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 г. Стенографический отчет, М., 1934, доклад А. М. Горького, стр. 8.

словам, «гармонически сочетались радио и интуиция, мысль и чувство», наряду с именами Геркулеса, Прометея и Фауста А. М. Горький называл также образы, созданные русским былевым эпосом.

A. Астахова.

БЫЛИНЫ

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА

А как первая была поездка Ильи Муромца
А из Мурома до Киева.

А как клял-то он да промож собой ведь
заповедь
Меж заутреней поспеть к обедне воскресенской.

А пошел-то он да на широкой двор.
А седлал, уздыл своего коня, да лошадь
добрую:

Что накладывал на спину лопатиную-ту
войлучок,
А на войлучок накладывал седельишко
черкальской,

Вот затёгивал-то он двенадцать отужинок,
А застегивал-то он двенадцать пряжочек;
'шие¹ отужинки были шелковые,
А как пряжочки были да золочёные,
А как шпёнышки были булатные,
А того-то белого булата заморского,—
Что не ради-то красы, да ради крепости,
Ради тех-то приспехов богатырских.
Он приковывал-то палицу ко стремену
булатному;

¹ Ишё, ишишё — еще.

Л ка клал-то он к палице заповедь великую,
Чтобы от Мурома до Киева-то палицы-то
не отковывать.

Л как одевался доброй молодец да в платьё
богатырское,

Л прошналсе он с отцом да с родной
матушкой:
«Ты проштай-ко-се, да мой родной
батюшко!»

Он ведь лёгко скакал да на добра коня.

Л как видели тут молодца сражаясь,
А не видели-то его поездки богатырские.

Он поехал из города из Мурома,
Из того же села да Карабаёва.

Л как подъезжает к городу к Черни-
городу, —

Тут стоит-то под Черни-городом сила
великая,

Л хотят-то разбить, разорить-то город
Чайженец,

Л божьи церкви хотят да под конюшни
взять.

Л сидит-то старой на добром коне да при-
задумалс:

«А что клал-то я себе-то заповедь вели-
кую,

Что от Мурома до Киева да палицы-ты
не отковывать;

Л как прости меня, господь, да в таковой
вины!

Л не буду боле-то класть заповеди великия.
Отковал-то он ведь палицу тяжелою,
Он ведь постёгнул коня да по крутым бедрам,

А заехал во ту силу великую;
А да вперёд махнёт, дак сделат улидей,
А назад махнёт — дак переулками;
Коё бьёт, больше конем всё мнёт.
Он прибил, притоптал всю силу великую.
А как стречают, мужики-ти города Черни-
города,
А стречают, отпирают ёму ворота
городовыя,
А стречеют, ёму низко кланетсѧ:
«А приди ты к нам хошь князём живи
в Черни-городе, хошь боярином,
Хошь купцом у нас слови, гостем торговым.
Мы ведь много дайм тебе золотой казны
несчёстныя».

Говорит-то старой таковы речи:
«Не хочу-то у вас-то жить не князём, не
боярином,
Не купцом, гостем торговым жа;
Мне иенадобно-то ваша золота казна
несчётиая:
Золотой казной мне ведь не откупатисѧ!
Тольке вы скажите в красен-от Киев-град
дорожку прямоезжую:
Кольке времени ехать какой дорогою?» —
«Прямоезжой дорогой надоть ехать три
месяца,
А окольною дорогой надоть ехать три года;
Заросла-то прямоезжая дорожка равно
тридцать лет,
Заросла-то она лесым тёмным жа;
А как есть на сї три заставушки великия:
А как перва-та застава — лёсы тёмпия,

А втора-та застава — грези чёрныя,
А как третья-та застава есть водь реченька
Смородинка,
А у той-то у речки есть калинов мост;
А тут есть-то, тут Соловьюшко живёт
Рохманьёвич:

А сидит-то Соловьюшко да на девяти дубах,
А как ревёт-то Соловеюшко да по-звериному;
А свистит Соловейко по-соловьиному,
А сидит-то собака, пищит он по-змеиному.
А не конному, не пошому проходу нет,
А не серому волку прорыску нет,
А не ясному соколу пролёту нет. —
«Ну, спасибо-те, мужики, за дорожку
прямое зижу!»

Он поехал по той дороги прямое зижу.
А как он приехал к лесу тёмному,
Соходил-то он да со добра коня,
А левой рукой-то он коня ведёт,
А правой рукой дубье рвёт да ведь
с коренём,
С коренём рвёт да ведь мост мостит:
Он проехал-то лесы тёмныя,
А проехал-то он да грези чёрныя,
А доехал до той же реченьки Смородинки.
Как увидял ёго Соловьюшко Рохманьёвич,
Зашипел-то Соловьюшко по-соловьиному,
Заревел-то Соловьюшко да по-звериному,
Как ведь зашипел он Соловьюшко
по-змеиному;

Ише мать сыра земля да потрясаласе.
А сырьё дубье да пошаталосе;
Как потнулся ёго кошь, на колени пал,

А от того от свисту соловьиного,
А от рёву-ту он от звериного.
А как был он коня да по крутым бедрам:
«Ужь ты волчья пасть¹ да травянной мешок?
Не слыхал ты разе свисту соловьиного,
Не слыхал ли ты реву звериного,
А не слыхал шипотку-ту всё змеиного?»
А как брал-то он да свой розрывчат лук,
Натягал-то он тетивошьку полковую,
А накладывал-то он стрелочку калёшую,
Сам ко стрелочки да приговаривал:
«А лети моя стрела да по-под-небёса,
А не падай не на воду, не на землю, не в
сырой дуб.
А пади-тко-се Соловьюшку во правой глаз».
А как полетела стрелочка да по-под-небёса,
А как падала стрела не на воду, не на
землю, не в сырой дуб,
Она падала стрелочка Соловьюшку во
правой глаз.
А как падал Соловьюшко да на сырую
землю;
Подъезжал тут старая стариньшина да под
Соловьюшку,
А приконывал-то Соловьюшку да за белые
руки,
Подымал Соловьюшку да на добра коня,
А приковывал ёго ко стремену булатному,
А подымал он Соловьюшку-то на добра
коня;
А поехали они ко городу ко Киеву.

¹ Вместо «сыть». Примеч. собир.

А как мимо ехали Соловьево высокое
подворьицо,
А высокое-то дворьицо, высок терем;
Как увидели Соловьюшку да родны дочери,
А больша-то говорит: «Как батюшко-то
едёт, мужика везёт».
Да втора-то сёстра говорит: «То — мужик-
от едёт, везёт батюшку».
А как едут они к Соловьюшку да к широку
двору,
Да взяла ёго большая дочь да подворотину,
А хотела убить да Илью Муромца;
Подхватил-то старый казак да Илья Муро-
мецъ да подворотину,
Ухватил-то ей да из белых-то рук;
Тут он хватил своё вострое копьё,
А сколол-то его большую дочь.
Говорит Соловьюшко Рохманьёвич:
«Уж вы гой еси, мои дочерья любимыя!
Не грубите, не гневите серда
богатырского;
Выкупайте мя да из неволюшки:
Насыпайте ёму три-то мисы красна золота,
А три-то мисы чиста сёребра,
Насыпайте три-то мисы меди, всё
козарочки».
А поехал он ко городу ко Киеву,
А не зашел-то он к Соловьюшку в высок
терем.
А приехал в славной Киев-град,
Ко ласкову приехал князю на широкой
двор,
Как ведь соходил-то со добра коня,

А вязал-то коня да середи двора,
Середи двора к дубову столбу да к золоту
Кольцу;

«Уж ты здравствуй, князь Владимир
столице-киевской».

«Уж ты здравствуй-ко, дородней доброї
молодец!»

Я не знаю твоёго не имени, не отчны —
Величеть тебя по имени, называть по
отечеству».

А князям, боярам всё — во левую.

«Уж ты гой єси, дороднёй доброй
молодец!»

Ты садись-ко за ти столы окольния,
А за ти жа за скатерти за браныя,
А за кушанья за розполичния».

А как сел-то Илеюшка за столы за
белодубовы.

Как от-пир идёт на вёсели,
Красно-то солнцё идёт на ёсени,
А как красно-то солнцё идёт ко западу,
Ко западу идёт, ко закату;
А как вси-то на пиру-ту сидят пьяны,
веселы,

Пьяны, веселы сидят, хвастают:

А как все богатой-от хвастат золотой
казнай.

Иной-от хвастат широким двором,
Как иной-от хвастаёт добрым конём,
Сильн-ёт хвастат своей силою,
Умпой-от-то хвастат родным батюшкой,
А разумной-от хвастат родной матушкой,
А неразумной-от ведь хвастает родной
сестрой,
А как глупой-от хвастат молодой женой.
Как Владимир-от по гридни-то похаживат.
А белымата-ти ручками розмахиват.
А желтыма-ти кудрями принатряхиват.
А как сам он говорил да таковы слова:
«Уж ѿ мня вси-то на пиру пьяны, веселы,
Ишие вси у мня на честном хвастают;
А как приезжай-от гость сидит, нечим не
хвастаёт.
Уж ты что жо, дородней молодёц, нечим
не хвастаёшь?» —
«А как чим-то я буду всё ведь хвастати?
Ииё тим рази ведь я похвастаю, —
Промежду заутреней, обедней воскресен-
ская
Хотел-то я приехать из города из Мурома,
Из села-то приехать Карабеева.
А как ехал тут-то я путем-дорогою,
А стоит под городом Черни-городом сила
великая,
А великая сила, немалая;
Я тут побил ту силушку великую;
А приехал я ко городу Черни-городу
А спросить у мужиков города Черни-
города,
А спросить про дорожку прямоезжую.

Указали мне дорожку прямосажую, —
Ишше тридцать лет по етой дорожочки
не езжено;
Ишше было на ей три заставушки великия:
Как перва-то застава были лесы тёмныя
да грэзы чёрныя;
Как приехал-то тут к двум заставушкам,
А сошел-то я со добра коня,
А левой рукой коня веду, правой рукой
дубьё рву,
А как дубьё-то рву да совсем с коренём;
Как я проехал тут да грэзи чёрныя да лесы
тёмныя,
А приехал к третию заставушки,
Я приехал тутко к реченьке Смородинке.
А сидит-то Соловьюшко Рохманович,
Да сидит-то вор-собака на девяти дубах:
Я его сострелил с девяти дубов»,
Тут-то закричели князи, бояра:
«Уж ты гой еси, мужичонко, приехал,
заднёньшина ты, деревеньшина».
А как тут старому казаку за беду да
показалось:
«Уж вы гой еси, бояра кособрюхия!
А сидит-то у меня Соловьюшко да на
добром кони.
На добром кони, у князя середи двора,
А прикован у меня ко стремену булатному».
Говорил-то тут Владимир-князь:
«Уж ты гой еси, дородней доброй моло-
дец!»
Навеку я не видал Соловьюшку
Рохманьёва,

Не слыхал я ёго свисткотку соловьиного,
А не слыхал-то я рёву звериного,
А не слыхал-та я да шипотку змеиного.
А покажи-тко-се мне Соловьюшко
Рохманьёва,
А заставь его свистеть-реветь да
по-звериному,
Шипеть ёго да по-змеиному».
Пошли они да на красиб крыльцё;
Выходили тут бояра кособрюхия
А смотрить, слушать рёву соловьиного-
змеиного.
А как говорит-то старый казак да Илья
Муромец:
«Уж ты гой еси, Соловьюшко Рохманович.
Ты свисти-тко-се пол-свисту соловьиного,
А реви-тко-се пол-рёву ты звериного,
Ты шипи-тко-се пол-шипотку всё
змеиного».
А не послушал он да Ильи Муромца,
Засвистел-то он во весь свист-от
соловьиных,
Заревел во весь-то рёв звериных,
Как зашипел он во весь-то шипоток
змеиных.
Ише мать сыра земля да потрясаласе,
Полаты княженецки зашаталисес,
А как у князя резвы ножки подломилисес,
Буйна голова с плеч да подкатиласе.
Захватил князя Илья Муромец во праву
руку к себе под пазуху,
А княгину захватил под руку-ту всё под
левую;

А как дёржит-то их в очапочки.
Как бояра-ти испопадали да вси ведь
замертво.
А как закричал старый да зычним
голосом:
«Уж ты той еси, вор-розвойник Соловей
Рохманьёвич!
Гебе полно реветь да по-звериному,
Нерестань свистеть по-соловьиному,
Нерестань шинеть да по-змейиному».
А как тут бояринка поверили, забояли се.
А как соходил старый со красна крыльца,
А отковывал от стремена булатныя,
А отсек Соловьюшку-ту буйну голову.
А как Соловьюшку у князя на двори да
смерть кончала се.

БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА С СЫНОМ

А во далече, далече во чистом поли
Там ведь стоял-то шатёр белой полт-
няной;

Да во том во шатру новом полтняном
Было жило пять могучих богатырей:
Что первой-от богатырь Ванюшко,

боярской сын,

Да второй-от Ванька, енеральской сын,
Да третей-от Олешенька, поповской сын,
Да четвёртой Добрынишка Никитич млад,
Илише пятой-от — старая старыньшина,
Илише старая старыньшина Илья Муро-
мед,

Илья Муромед был, да свет-Ивановиц.
Пробуждайтесь Илья да от крепкого сну;
Он свежой водой ключевой умывайтесь,
Тонким белым полотенцем утирайтесь,
Он ведь молится всё спасу пречистому
Да царице небесной богородице;
Ещё выходит на широку светлу улицу,
Он берёт свою трубочку подзорную,
Он ведь смотрит на четыре во вси
стороны:

Что во даличе, далече во чистом поли,
Там ведь ездит богатырь по чисту полю,

Иише ездит по чисту полю, полякуёт;
Он ведь мечёт всю палицу тяжелую,
Он ведь мечёт-то палицу сорока пудов,
Он берёт-то единой рукой, с коня нейдёт,
Не становится он своего коня доброго;
На кони-то сидит будто сильней бугор.
Иише тут-то Илья Муромец при-
ухахнулся,

Приужахнулся, со страху приразумился:
«Мне кого бы послать-то во чисто полё,
Во чисто полё послать мне, поизведати?
Мне послать ведь разве Ванюшу бояр-
ского, —

Не простых-то родов, — роду боярского,
Утеряёт в чистом поле буйну голову.
Мие послать ведь разве Ваньку
иширальского, —

Еширальского роду пришел, нежного;
Утеряет-то в чистом поле буйну голову;
да послать разве Олешеньку Ноповида;
Он ведь роду как всё поповского, —
Потеряет в чистом поле буйну голову;
Мие послать разве всё брателка кресто-
вого

Как того ли Добрынюшку Никитича».
Услыхает Добрынюшка таковы речи;
Он ведь скоро выходит из бела шатра,
Он ведь скоро седлает-то своего коня
доброго,
Он седлает, всё убирает коня богатырского;
Он двенадцать шоковых упружионок
застегивает;
Иише сам он коню да приговаривает:

«Уж ты шолк всё не рвись, да ты убор не
гнись!»

Но не ради красы, да ради крепости,
Ради силы своей да богатырский.
Как поехал Добрышюшка во чисто полё.
Не наехал богатыря в чистом поле;
Он поехал Добрышюшка поближе ко синему
морю

И увидял богатыря всё пресильного;
Он скрычал ведь, богатырь¹, во всю
голову:

«Ты постой-ко, богатырь, сам ты мне
скажись,
Ты скажись-ко мне, богатырь ты
могучей же;
Подъезжай ко мне поближе, мы как
сьедемся».

Как услышал богатырь таку похвалибу,
Поворачиват своего коня доброго;
Как зарыснула² у коничка правая нога, —
Мать сыра-та земля да потрясаласе,
Иши синёе море зволновалосе,
Из озер, из рек вода да поливаласе.
Иши тут ведь Добрышюшка иснугаитсе;
Подломились у Добрышюшки ножки

резвыя,

Приупали у Добрышюшки ручки белые,
Приудрого у Добрышюшки ретиво сердце,
Номутились у его-то очи ясные,
Прокатились у его жо горючий слёзы:

¹ Вместо «богатырю». Примеч. собир.

² Задела за землю, за корешок ли. Примеч. исполн.

«Уж я скольки по чисту полю не езживаля, —

Уж я эдакого богатыря не видывал».

Поворачивал Добрынишка добра коня

Ко своёму ту он да ко белу шатру,

Ён поехал-то всё прочь ко белу шатру.

Как стречат-то старышшина Илья

Муромец:

Недосуг Ильи коня учасывать-углаживать,

Недосуг ему двенадцать шолковых

опружинок застегивать;

Ишё сам говорит да таковы реци:

Ишё мие-ка во чистом ибли смерть не
нисана;

Я поеду с богатырем побратаюсь,

Я поеду с могучим поздороваюсь.

Приезжает Илья да во чисто илё;

Он наехал богатыря в чистом или;

А богатырь-то ездит, забавляйтс.

Он как детским-боярским забавами;

Ишё сам-то он налице приговариват:

«Приклоню-ту свою на лицу тяжелую,

Приклоню-ту я тебя прямо на красён

Киев-град.

Как на матушку тебя, да каменшу Москву».

Ишё те слова ведь старой ведь старышшины

За белу-ту ёму стали за великую,

Приезжает к богатырю близёхонько,

Он ударил своей-то ведь на лицей тяжелою,

Он ударил богатырю по буйной головы.

Как богатырь-то сидит, сидит не думает,

Он не думает сидит-то, сам не обернится

Не обёрнитсε сидит, да не зглёнёт же.
Ишише тут ведь Илья да призадумалсε:
«Разве силушка у мия уж не по прежнему,
Не по прежнему сила, не по старому?»
Он отъехал всё за вёрсту за мерию,
Он нашел в поле горючей серой камешок,
Он ударил по камешку палицей тяжелою; —
Разлетелся-то камень на мелки куски.
Подъезжат опять к богатырю во второй
након,

Он ударил его по буйной головы;
Ай богатырь-то сидит, всё не думает.
Мще тут опять Илья да отъезжает прочь;
Он ударил ведь в камень во второй
након, —

Разлетелся ведь камешок в мелки куски.
Приезжает к богатырю во третей након.
Он ударил-то палицей по буйной головы;
Да тогда-то богатырь усмехнулся-то;
Тут не лягое зельё разгорелосε,
Богатырско-то сердце роскишелосε;
Говорит-то Илья Муромець таковы слова:
«Уж ты гой еси, богатырь ты могучей же!
Уж мы съедимсе с тобой разве, ударимсе».
Они съехались с им да всё ударились;
Востры сабельки у их да поломалисε,
Востры копьица у их всё потупилисε
Всё от ихных же лат да богатырских;
Ишише стали они да рукопашкою;
Ишише мастер Илья-то да был боротисε;
Подкорючили богатыря правой ножечкой;
Мще нал-то богатырь на сырь землю,
Мать сырь земля-то потрясаласε.

Он ведь хочет пороть да груди белые;
Ише сам он Илья-та ведь Муромец
пороздумался:
«Я спрошу ведь у богатыря, расспроси про то».
«Уж ты гой еси, дородней ты доброй
молодец!
Тебе много ли от роду-ту тебе есть годов?» —
«А годов-то мне от роду-ту всё двенадцать
лет».
«Ты ведь чьей же земли да чьёго города,
Ты чьёго жо отца, седишь, да чьей
матушки?»
Говорит-то дородней-от доброй молодец:
«Кабы сидел-то я у тебя да на белых
грудях,
Не спросил бы я у тебя не роду, не
илемени,
Не спросил бы не города, отда-матушки;
Я колол бы твои-ти да всё белы груди,
Посмотрял бы твоё-то ретиво сердце».
Говорит-то Илья Муромец во второй
након,
Говорит-то ёму да во третей након:
«Уж ты чьей же земли да чьего города,
Ты какого отца, какой матушки?»
Говорит-то дородней доброй молодец:
«Уж я города всё ведь я неверного,
Уж я сын-то Маринки все Кайдаловки,
Да которая живёт во земли неверныя,
Получает она пошлину великую
Как с того-ли со князя-то со Владимира
Что за ти-ли за чёрны-ти его карабли;

А меня она послала всё на святую Русь,
На святую меня Русь-ту, всё в каменную
Москву

Отыскать тебя, старого, седатого;
Не дошод, она велела, всё низко кланяться,
Называть тебя велела всё родным
батюшком;

Да дала она перстень на праву руку.
Как увидел-то старая стариньшина,
Он ведь свой ведь увидел всё именной
перстень,

Он со той-ли со 'ставочкой' драгоценною,
Он ведь брал-то его да за праву руку,
Целовал он его в уста сахарных:
«Как моё ты, моё чадо милоё,
Чадо милоё моё ты, всё любимое,
Ты ведь младенчкой мой всё
Подсокольничок!»

Целовал он в уста-то его в сахарных,
Он ведь стал-то ему скоро рассказывать:
«Я ведь был-то ходил-то да по синю морю;
Замётало-то меня погодушкой великою;
Я тогда подарил перстень твоей родной
матушке:

«Какого бы ты родишь, да тому отдаи:
Хошь ты сына родишь, быват, ясна
сокола,
Хошь ты дочку родишь, ты красну
девицу».

А поехали они тогда во белый шатёр;
Как на радости пили да трои суточки.
Подсокольничок-то ведь па его зло думает,
Зло-то думает он, чтобы зло бы сделало:

«Не послушаю я матушки наказаньида,—
Ухожу я своего-то рода батюшку!»
Как ведь тут же Илья всё как заспал же,
Как крепким-то сном заспал богатыр-
ским же;
Ишё взял Подсокольничок-от вострб
коньё,
Как направил ёму всё в ретиво сердце;
Сохранил ёго господь-от, всё помиловал;
Розлетелось коньё-то Ильи-то в белы груди;
Ишё был-то у ёго на шеи павешан золотой
же крест,
Золотой-от ведь крест был во вси груди;
Он ведь тем же крестом от смерти всё
избавилсе.
Он ведь взял Подсокольничка за жолты
кудри,
Он бросал-то его-то ведь высоко же,
Он ведь выше ёго-то лесу стоячёго.
Он понике всё облака ходечего;
Он ведь тут-то его же не убил вовсё;
Привязал он к своему¹ к добру коню;
«Ты беги-ко, ступай-ко, конь-лошадь
добрая,
Увези Подсокольничка во своё место,
Чтобы не ездил к нам больше во чисто
полё.
Во чисто к нам полё, чтобы в красён
Киев-град;
Не допущу ёго до матушки славной
камений Москвы».

¹ То есть к его коню, Подсокольнику.

Побежал-поступал-то тут ведь доброй
кошь,
Прибегал-то к родимой его матушки.
Ей кричал-то скоро ведь да зычным
голосом:

«Уж ты гой еси, матушка родимая!
Ты родимая моя, матушка любимая!
Ты отворь-ко мне косисчато окопочко,
Посмотри-тко на своего чада милого;
Ты велела ведь мне-ка старому низко
кластьесь;

Ише стар-от ведь надо мной как
надругалсѧ-то:
Привязал-то меня взял ко добру коню;
Розвяжи ты меня, маменька, скорѣ-
шенько».

Розвязала она его скорѣшенько,
Ише стала сама про то выспрашивать:
«Уж ты было ли, чадышко, на святой
Руси?»

Он ведь взял своё-то всё востро копьё,
Он ведь матушки-то ударил всё ведь
в белу грудь;
Иише тут ведь она-то скоро предста-
вилась.

Ише сам-то собака похваляйтse:
«Уходил-то теперече родну матушку;
Как теперече мие будёт воля вольняя.
Заполоню ту все я русския чёрны карабли,
Изберу-ту, изымаю со караблей многих
людей;

Разышу-то тогда жа Илью Муромца,
Отсеку я по плёд ёму буйну голову».

Как пришло-то об одну пору, прикатилосе,
Уже и сотня чериёных-то пришло караб-
лей;

Захватил-то он, вси-то забрал-то,
Заполонил он народу всего да право-
славного.

Как приходят ёрлычки скоро скоро-
письчаты,
Да приходят-то скоро всё во Киев-град,
Что во матушку приходят в каменку
Москву:

«Захватил-то Подсокольничок чёрны
карабли,
Заполонил-то Подсокольничок людей
добрых.

Да матросичков он да всех карабель-
шичков»

Как недолго тут Илья, немного он
роздумыват,
Он скорёхонько-скоро да собирайтse;
Он ведь скоро поехал тут к Подсо-
кольничку,

Он прибил всех со старого до малого,
Он отсек у Подсокольничка буйцу
голову,
Пригопил вси чериёны-ти свои карабли
Он ведь в гавань ко князю ко Владимиру..

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ

Приезжал Идолище поганое в столицо-
Киев град,

Со грозою, со страхом со великиим,
Ко тому ко князю ко Владимиру,
И становился он на княженецкий двор,
Посыпал послы ко князю ко Владимиру.
Чтобы князь Владимир столицо-киевский
Ладил бы он ему поединщика,
Супротив его силушки супротивника.
Приходил посланик ко Владимиру
И говорил посланик таковы слова:
«Ты, Владимир, князь столицо-киевский!
Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
Поединщика и супротивничка с силушкой
великою,
Чтобы мог он с Идолищем поправиться».
Тут Владимир князь ужахнулся,
Приужахнулся да и закручинился.
Говорит Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владимир, не печалуйся:
На бою мие-ка смерть не написана,
Ноеду я в раздольице чисто поле
И убью-то я Идолища поганого».
Обул Илья лапотики шелковые,
Подсумок одел он черна бархата,

На головушку надел шляпку земли
греческой,
И пошел он к Идолищу ко поганому.
И сделал он ошибочку не малую:
Не взял с собой палицы булатния,
И не взял он с собой сабли вострыя.
Идет-то дорожкой — пораздумался:
«Хошь иду-то я к Идолищу поганому,
Ежели будет не пора мне-ка не время-
мячко,
И с чим мне с Идолищем будет попра-
виться».

На ту пору, на то времячко
Идет ему встречу калище Иванище,
Несет в руках клюху девяноста пуд:
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, калище Иванище!
Уступи-ко мне клюхи на времячко,
Сходить мне к Идолищу к поганому».
Не дает ему калище Иванище,
Не дает ему клюхи своей богатырской.
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, калище Иванище!
Сделаем мы бой рукопашечный:
Мне на бою ведь смерть не написана, —
Я тебя убью, мне клюха и достанется».
Рассердился калище Иванище,
Здышил эту клюху выше головы,
Спустил он клюху во сырь землю.
Ношел калище — завбрьдал.
Илья Муромец едва достал клюху из
сырой земли,
И пришел он во палату белокаменную

Ко этому Идолищу поганому,
Пришел к нему и проздравствовал.
Говорил ему Идолище поганое:
«Ай же ты, калика перехожая!
Как велик у вас богатырь Илья Муромец?»

Говорит ему Илья таковы слова:
«Толь велик Илья, как и я».

Говорит ему Идолище поганое:
«По многу ли Илья ваши хлеба ест,
По многу ли Илья ваши пива пьет?»

Говорит Илья таковы слова:
«По стольку ест Илья, как и я,
По стольку пьет Илья, как и я».

Говорит ему Идолище поганое:
«Экой ваши богатырь Илья:
Я вот по семи ведр пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю».

Говорил ему Илья таковы слова:
«У нашего Илья Муромца батюшка был
крестьянин

У него была корова едучая:
Она много пила-еда и лопнула».

Это Идолищу не слюбилося.
Схватил свое книжалище булатнее,
И махнул он в калику перехожую
Со всяя со силушки великия.
И пристрелился Илья Муромец в сторо-
нушику малешенько,

Пролетел его мимо-то булатний нож,
Пролетел он на венную сторону с про-
стеночком,

У Ильи Муромца разгорелось сердце
богатырское,
Схватил с головушки шляпку земли
греческой
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассек он Идолище на полы.
Тут ему Идолищу славу поют.

ИЛЬЯ В ССОРЕ С ВЛАДИМИРОМ

А тот ли-то князь да стольнё-Киевской
Ай сделал как задёрнул свой почестной

пир

Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тых богатырей да русских,
Чтобы всяко званиё да шло туды,
А на тот, на тот да на почестный пир,
А к стольнёму князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшего,
А что лучшего да лучшего богатыря,
А старого казака Илью Муромца.
Да тут-то ведь к Ильюше не к лицу

пришло,

А не к лицу пришло, стало похабно есть.
И тут-то Илья да раззодорился,
А тут-то Илья да разревтился.
Как скоро натянул он свой тугой лук,
А клал он тут стрелочку каменую,
А тут-то сам Ильюшенка раздумался:
«А что мне молодцу будё поделати?
А я нынь молодец в разгневанной,
А я нынь молодец есть раздраженной».
Как он-то за тым тут повыдумал,
А стрелял-то он тут по божьим церквам,
А по тым стрелял по чудным крестам,

Трофим Григорьевич Рябинин, заонежский
сказитель второй половины XIX в.

А по тым маковкам золоченым.
Да нали тут тыи маковки,
Да нали тут, отпали на сырую землю,
Да сам он закрычал тут во всю голову:
«Да ай же вы были голи мои,
А голи мои вы кабацкии,
А доброхоты-то вы еще царскни!
А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси.
А обирайте маковки вси золочёныи.
А подёмте-ко вы да со мной еще,
А тот-то па тот да на царёв кабак,
Как станем нунь пить да зеленá вина,
Да станем-то пить да заодно со мной».
Да как тут-то эты да голи были,
А голи были оны кабацкии,
А доброхоты всё были царский,
Обирали маковки тыи золочёныи,
Самы оны к ёму да прибегают все:
«А батюшко ты да отец наш был!»
А лили тут оны да зелено вино,
Как лили тут оны да заоднёшенько.
Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-та пришла да неминучая,
Да как тут-то он да ескорым-скоро,
А скорым скоро, скоро скрёшенько,
А сделал он задернул тут почестный шир
А для старого казака Ильи Муромца.
Да тут-то ведь князь да стольнё-киевской,
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями со бояры со русийскими,
А со тыма со могучими богатырьми:
«А думайтэ-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайтэ-тко, братцы, думу крепкую.

**А думайте думу, не продумайте:
А нам кого будёт послать да Илью по-
звать,
А позвать сюды к нам на почестной пир,
А старого казака Илью Муромца?»
А как тут-то они да думу думали:
«А нам-то есть кого послать Илью по-
звать?
А пошлем-ко мы Добрынюшку Микитича,
Он ёму да ведь брат крестовыи,
А крестовыи-то братец да пазваныи,
Дак он-то, быват, его послушает».«
Как тут-то Добрынюшка Микитинич
А приходит-то он братцу да крестовому,
Да как здравствует он братца да кре-
стового:
«А здравствуй-ко, братец мой крестовыи,
А крестовый братец мой названыи!»
Да как старый казак Илья Муромец,
Да как он-то его да также здравствует:
«Ай здравствуй-ко, брат мой крестовыи,
А молодой Добрынюшка Микитинич!
Ты зачем же пришел да загулял сюда?»
«А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел да не о малоем.
Да у нас-то с тобой было рáньше того,
А раньше того дело поделано,
А цописи были цописацый,
А заповеди да поположоный,
А слушать-то брату да мénьшому,
А мénьшому слушать брата большого.
Да еще-то как у нас да ёсте с тобой,
А слушать-то брату ведь большому,**

А ѹ большому слушать брата мёньшого». Да тут говорит Илья таково слово:
«Ах ты, братец да мой да был крестовый! Да как нунечку топеречку у нас с тобой
А все-то пбниси да были ведь пописаны,
А заповеди были поноложены,
А слушать-то брату ведь мёньшому,
А мёньшому слушать да большому,
А большому слушать брата мёньшого.
Кабы не братец ты крестовый был,
А некого бы я не послушал зде!
Дак послушаю я братца нунь крестового,
А крестового братца я названого.
А тот ли-то князь стольнё-киевской
А знал-то послать меня кого позвать?
Когда ты меня, Добрынюшка Микитинич,
Меня позвал туды да на почестной пир,
Да я тебя братец же послушаю».
Да приходит он к князю к Володимеру
Да тот старый казак да Илья Муромец,
А со тым с Добрыньюшком с Микитичем,
А со братом со своим до со крестовым.
А давают ему тут место не мёньшое,
А не мёньшое место было — большое,
А садят-то их во большой угол,
А во большой угол да за большой-от стол.
Да как налили тут чару зеленà вина,
А несли эту чару рядом к ему,
А к старому казаку к Ильи к Муромцу.
Да как принял он чару единой рукой.
А вышил он чару во единий здох.
А другу наливали пива пьяного,
А несли эту чару рядом к ему,

А принял тут Ильюша единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Как третью наливали мёду сладкого,
Да принял молодец тут единой рукой,
Еще выпил он опять тут во единой здох.
Тут наелиси, напились все, накушались,
Да стали тут оны да все пьянейшеньки,
А стали тут оны все веселёшеньки,
Как говорит Илья тут таково слово:
«Ай же ты князь стольниё-киевской!
А знал-то послать кого меня позвать,
А послал-то братца ко мне ты крестового,
А того-то мни Добрынюшка Никитича.
Кабы-то мни да ведь не братец был,
А некоего-то я бы не послухал зде,
А скоро натянул бы я свой тугой лук,
Да клал бы я стрелочку каленую,
Да стрелил бы ти в гридию во столовую,
Да я убил бы тя князя со княгиною.
За это я тебе-то иупь прощу
А эту вину да ту великую».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛН КАБАЦКИЕ

Во славном во Киеве городе,
Был сильные славные богатырь Илья
Муромец.

Он ездил далече далёче во чистом поли,
Он ездил много времени.
Цветно платье его истаскало се,
Золота казна у него издержала се.
Приезжал во Киев град.
Захотел он с пути-дорожки опохмелиться,
Приходит он во царев кабак,
Говорит чумакам целовальникам:
«Ай вы, братцы чумаки целовальники!
Я ездил долго в чистом поли,
Цветно платье у меня истаскало се,
Золотая казна у меня издержала се.
Я желаю теперь с пути опохмелиться,
Со своими людьми познакомиться.
Вы позвольте мне три бочки сороковые
Зелена вина бездешежно».
Говорят чумаки целовальники:
«Ай ты, старая собака, седатый ёс!
Да не дадим мы без денег зелена вина».
Да не много-то Илья у них спрашивал,
Да не много с ним разговаривал.
Приходил он ко подвалу кабачному,

Он пинал правой ногой двери подвальни,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
Да другую брал под другую,
Третью бочку он ногой катил.
Выходил Илья да на зеленый луг,
Закрыкал оп во всю голову человичию,
Во всю силу свою богатырскую,
Он зычным громким голосом:
«Ай вы, братцы мои пьяницы,
Да вы, голи кабацкие,
Кабацкие голи, мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленый луг,
Да вы пейте у меня зелена вина до пьяна,
Да вы молите бога за старого».
Да собиралисе пьяницы голи кабацкие.
Мужики деревенские на зеленый луг,
Они пили вино да и бездешекко.
Да чумаки целовальники
Не могли у Ильи отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромец скидал с себя шубу
соболиную,
Обливал эту шубу зеленым вином,
Сам волочил по лужечку зеленому,
Он ко шубы приговаривал:
«Уливайся, моя шуба, зеленым вином.
Судит ли мне бог волочить собаку царя
Галина¹,
Да по этому лужечку зеленому,
А ему от моих болых рук плакати».
Усыхали эти речи чумаки целовальники,
Приходили ко князю Владимиру,

¹ Вместо Калина.

Они били челом, низко кланялись.
«Да уж ты наш свет государь-де Влади-
мир князь!
Да мы не знаем, у нас вчера какое чудо
соторилося,

Да не знаем, кто пришел:
А чорт ли пришел, али водяной пришел
К нам на дарев кабак.
Он просил зелена вина безденежно
Три бочки сороковые,
А мы безденежно ёму вина не дали.
Да он не много у нас спрашивал,
Да не гораздо с нами разговаривал,
Шел ко подвалу кабачному,
Он пинал-де во двери подвальные правой
ногой,

Брал он бочку сороковую под пазуху,
А другую брал бочку под другую,
Да третьюю бочку ногой катил.
Да и выходил он сударь на зеленый луг,
Закричал-де он громким голосом,
Во всю головку человеческую,
Во всю силу свою богатырскую:
«А и вы, братцы мои, вы, товарищи,
Пьяницы голи кабадкие,
Мужички деревенские!
Вы пожалуйте ко мне на зеленой луг,
Да вы пейте у меня зелена вина без-
денежно».

Приходили тут пьяницы голи кабадкие,
На зеленой луг,
Роспоял оно вино им безденежно.
Да скинул с себя шубу соболиную,

Да уливал эту шубу зеленым вином,
Да ё волочил по лужечку зеленому,
Да он ко шубы приговаривал:
«Да уливайся, моя шуба, зеленым вином,
Да судит ли мне бог волочить собаку
князя Владимира,
Да по этому лугу зеленому». —
Да нам нечем, сударь, Владимир князь,
Нечем буде за вино расчет держать».
Вскричал князь Владимир стольниё-Киевской
Своим громким голосом:
«Посадить его в погреб глубокие,
В глубок погреб да сорока сажен.
Не дать ему не пить, не есть да ровно
сорок дней,
Да пусть он помрёт собака и с голоду».
Как узнала про это честная вдовица
княгиня Апраксия,
Что посажен Илья Муромец да во глубок
погреб,
Она сделала подкопъ ту тайную,
Да во тот ли погреб глубокие,
Кормила-пона Илью ровно сорок дней.
Да прошел туто слух по всем землям, по
всем ордам,
Да прознали то все короли иностранные,
Что не стало во Киеве во городе
Славного богатыря Ильи Муромца.
Из той земли из Корельские
Подходил тут под Киев град
Собака Галин дарь,
Со своей силой армией.
Да ё не много не мало было силы нагонено,

Да колько было в лиси¹ лесу стоячего,
Да ѿ на лесочку-то прутья весучего,
А на ирутьях листочки зеленого.
Он вишё во Киев град ко князю Владимиру,
Да ли пишё к єму со угрозами:
«А ѿ ты, князь Владимир стольний-Киевской!
Ты пожалуй-отдай добром мне Киев град,
Без бою-то драки великие,
А если добром не дашь Киева,
То я возьму его силою,
Я князей-бояр твоих всех повырублю,
Да и княгини-боярыней живых в полон
возьму,

А тебя князя Владимира
Предам смерти скорые».
Тех-то угроз Владимир князь испугается,
Об Ильи Муромце схватается.
«Как бы был у меня жив несудимый
богатырь Илья Муромец,
Да я не слышал бы я этой угрозы
великие».

Да приходит честная вдовица княгиня
Апраксия

Ко князю Владимиру.
Она бьет челом да ѿ поклоняется:
«Да уж ты, свет государь, наш Владимир
князь.
Да ты прости меня, я виновата есть:
Да жив-то Илья да ведь Муромец,
Он сидит во тёмном во могребе,
Я сделала подкопъ тут тайную

¹ в лесе.

Да во тот ли во погреб глубокие,
Я поила-кормила его сорок дней».

Да говорит ей Владимир князь:

«А иже ты, честная вдова, княгиня
Апраксия!

Если правду говоришь, до люби буду
жаловать,
А если нет жива, буду казнить твою
голову».

Приходит князь во погреб глубокие,
Тот погреб сорока сажен.

Он приходит к Ильи, поклоняется,
Говорил-то Владимир Ильи таковы слова:
«Ты прости, сударь Ильюшеника, во первой
вины,

Этому делу были виновны зеловальники».

Да приходит во погреб честная вдова
княгиня Апраксия,

Да приходит Ильи поклоняется:

«А иже ты, сильний богатырь Илья
Муромец!

Послужи ты за веру христианскую,
Да и за землю российскую,
Да за славный за Киев град,
За вдов, за сирот, за бедных людей,
За меня, молодую княгиню Апраксию,
За князя за столичного Владимира».

Говорит тут Илья-де Муромец:

«А иже ты честная княгиня вдовица
Апраксия!

Я иду служить за веру христианскую
И за землю российскую.

Да и за столичие Киев-град,

За вдов, за сирот, за бедных людей
И за тебя молодую княгиню Апраксию.
А для собаки-то князя Владимира,
Да не вышел бы я вон из погреба».
Выходил-то Илья из погреба глубокого,
Он седлал-уздал своего коня доброго,
Он садился на добра коня,
Брал он в руки шалыгу железную,
Да железну шалыгу дорожную,
Да которая была весу ровно сто пудов.
Да поехал он во чисто полё,
Где стояла сила собаки царя Галина.
Только увидели молодца на коня ведь
саждающи,
Да не увидели, куда его поедучи.
Он как взял этой шалыгой помахивать,
Да и по татарам пощелкивать,
Дак куда ли махнё — улица падё,
А назад отмахиё — переулицы,
Да исприбия он всех до единого.
Приезжал ко шатру-де он царскому,
Да он берёт-де в полон самого царя Галина,
Предал его смерти скорые.
Да тем решилося царство татарской,
Покорилась земля-де Корельская
Да стольнёму князю Владимиру,
Да стали татарове
С той поры дань платить,
И тем это дело прикончилось.

ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВ

Не по матушке было по Невы реки.
Тут плыли, выплывали два гнеды тура,
Кабы встречу им матушка родимая,
«Уж вы здравствуйте, туры, да дети
малые!» —
«Уж ты здравствуй, матушка родимая!
Кабы ты-же турица златорогая!» —
«Уж вы где-же туры да были-спобыли?
Вы чего-же туры да много видели?» —
«Ож мы были-то, матушка, во Шахове,
Уж мы были, восударына, во Ляхове,
Сорочинско славно полё поперек прошли;
А Куликово поле с угла на угол,
Стольниё-Киев-де град да из конца в конец
Не какого чудышко не видели,
Только видели чудышко не малое,
Как не малое чудо превеликое:
Выходила тут девица младо-красная,
Да в одной она рубашочке без пояса,
Да в одных она чулочках без башмачиков,
Приходила она да ко Почёв-реки,
Да брала она книгу да лис евангелиё,
Приходила она да ко Почёв-реки,
Забродила она да по колен в воду,
А еще того ноглубже выше пояса,,

А еще того поглубже до белых грудей;
Становилась ко камешку ко серому,
Она клала-то книгу на сер-горюч камень,
А стояла она да от зари до зари,
А читала она книгу от доски до доски,
Она сколько читала, вдвоем плакала». —
«Ох, вы, глупши туры, да дети малыи!
Ох, вы, глупши туры да неразумныи!
Не девица выходила да младо-красная,
Пресвята госпожа мати-богородица.
Она чует над городом незгодушку,
Она чует над Киевом великую:
Кабы Скурла-де царь до подымается.
Скурлыта-де-ка царь да сын Смородович,
Со любимым со сватушком со Коршаком,
Со любимым со зятём со Коньшаком,
Со любимым племенником со Киршаком;
Объявил он, собака, да силы множество,
Впереди его, собаки, сорок тысячей,
По праву руку, собаки, сорок тысячей,
По леву руку, собаки, сорок тысячей,
Позади его, собаки, да числа смету нет.
Выезжал он, собака, на чисто поле,
Хорошо он, собака, да шатры выстроил,
Баско-хорошо, собака, да верхи выкра-
сил,
Во шатры-де, собака, да столы выставил,
Он писал-де ерлык да скору грамотку,
Выбирал он тотарина самолучшего,
Кой получше, побольше, попроворие всех,
Кабы сам он тотарину наговариват:
«Ты посдь-ко, удалой доброй молодец,
Через заставы едь да каравульный,

Через стены ты едь да городовыя,
У ворот ты не спрашивай приворотников,
У дверей ты не спрашивай придвер-
ников,

Станови ты коня да середь улицы,
Не приказана коня, да не привязана,
Заходи ты ко князю ко Владимиру,
Заходи ты во гриню во столовую,
Ты положь-ко ерлык да на дубовой стол,
Ты положь-ко ерлык, да скоро вон поди».
Как увидел-то солнышко Владимир-князь,
Он увидел ерлык да скору-грамотку,
Говорит-то тут солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой есть Добрынишка Никитич сын!
Ты читай-ко ерлык да скору-грамотку».
Как читат-бы Добрынька усмехается:
«Как дают город добром, дак я добром
возьму;

Не дают город добром, дак я боём возьму,
Как боём-де возьму, да кроволитицом,
Самого-то князя я под меч склоню,
Как Опраксию княгиню да за себя возьму,
Как соборны ихны церкви все на дым
спущу».

Кабы это-де князю да за беду стало,
За досаду показалось за великую,
Кабы стал-то тут солнышко снаряжатисе,
Кабы кунину-ту шубу на одно плечо,
А шухов-де колпак да на одно ухо,
Он пошел по городу по Киеву,
Кабы стречу ему большая подсушина:
«Уж ты здравствуй-де, большая под-
сушина!» —

«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Влади-
мер-князь!

Уж ты что-же идёшь да не по-старому?

Повеся ты дёржишь да буйну голову,

Потопя-де дёржишь да очи ясныи».

«Ох ты ой еси, большая подсушница!

Как есь у меня над городом незгодушка,

Кабы есь у меня над Киевом великая,

Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —

«Уж ты, батюшко, солнышко Владимир-
князь!

Ты не с нами думу думаешь, с боярами,
Могут они тебе способствовать».

А оттоль-де-ка солнышко вперёд пошел.

Кабы встрету ему средня подсушница:

«Ужты здравствуй-ко средня подсушница!» —

«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Владимир-
князь!

Уж ты что-же идёшь да не по-старому?

Повеся да дёржишь буйну голову,

Потопя-де дёржишь да очи ясные?» —

«Ох ты ой есь, средняя подсушница!

Кабы есть у мя над городом незгодушка!

Кабы есть у мя над Киевом великая,

Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —

«Уж ты, солнышко, батюшко, Владимир-
князь!

Ты не с нами думу думаешь, с боярами,
Могут они тебе способствовать».

А оттуль-де-ка солнышко вперед пошел.

Кабы встрету ему меньшая подсушница:

«Уж ты здравствуй ты, меньшая под-
сушница!» —

«Уж ты здравствуй-ко, солнышко Владимир-князь!

Уж ты что-же идёшь не по-старому?

Повеся ты идёшь да буйну голову,

Потопя ты идёшь да очи ясные. —

«Ох ты ой еси, меньшая подсушница!

Кабы есть у мя над городом незгодушка,

Кабы есть у мя над Киевом великая,

Ты не знашь-ле наезжого богатыря?» —

«Ох ты, солнышко, батюшко, Владимир-князь.

Ты поди-ко по городу по Киеву,

На царевы ты зайди да больши кабаки,

На кружала ты зайди да на восударевы;

Как на той-же на печке на муравленке,

Тут лежит-де удалой доброй молодец;

Не креста у его нету, не полса,

Не рубашочки нет на ём полотняной,

Под одной он лежит да рогозиною,

Кабы всё на вине у ёго прошито,

Во царевом кабаки да всё заложено,

Он и спит ныиче тут да трои суточки».

Как оттуль-де-ка солнышко вперед пошел

Он идет-то по городу по Киеву,

Он заходит на царевы да больши кабаки,

На кружала заходит восударевы,

Он и смотрит на печку да на муравленку

Он увидел удалая да добра-молодца:

«Ох ты ой еси, удалой доброй-молодец,

Молодой ты, Василей, сын Игнатьевич!

Тебе полно-ле спать да нынь пора ставать

От великого хмелю да просыпаться,

Уж ставай ты, Василей, сын Игнатьевич,

Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне, да не изменою.
А на то-де Василей да не ослышался,
Кабы кличёт-то солнышко во второй
након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй-молодец.
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
Тебе полно-ли спать, да пынь пора ставать,
От великого хмеля да просыпatisя,
Уж ставай-ко, Василей сын Игнатьевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдою ты мне, да не изменою.
Как на то-де Василей не ослышался,
Кабы кличёт-то солнышко во третей након:
«Ох ты ой есь, удалой доброй-молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
Тебе полно-ле спать, да пынь пора ставать,
От великого хмеля да просыпatisя,
Ты ставай-ко, Василей сын Игнатьевич,
Послужи-ко ты мне да верой-правдою,
Верой-правдой ты мне, да не изменою.
А топёре Василей разбужаитсѧ,
От великого хмеля просыпашаитсѧ,
Говорит-то Василей Игнатьевич:
«Уж я рад-бы служить, хоть голову
сложить,
Как болит-то моя буйна головаъ.
Називает князь чару зелена вина,
Че большую, че малу в полтора ведра,
Кабы турей-де рог да мёду сладкого,
На закуску колач да бел-крунишатой,
Подаваёт-то солнышко обема рукми,
А берёт бы Василей единой рукой,

Кабы пьет-то Василий к едину духу,
А за чарой-то Васька приговариват:
«Не омылось у Васьки да ретиво сердце,
Не звеселилась моя да буйна головушка».
А берет-де-ка солнышко во второй након,
Наливает-де чару зелена вина,
Не большую, не малу полтора ведра,
Кабы турей-де рог да мёду сладкого,
На закуску колач да бел-крупичатой,
А берет бы Василий единой рукой,
Кабы пьет-то Василий к едину духу,
А за чарой-то Васька приговариват:
«Не омылось у Васи ретиво сердце,
Но звеселилась у Васи буйна головушка».
Наливает Солнышко во третей након,
Нодаваёт-то Солнышко обеими руками,
А берет-то Василий единой рукой,
Кабы пьет-то Василий к едину духу,
А за чарой-то Васька приговариват:
«Как омылось у Васьки да ретиво сердце,
Звеселилась моя да буйна головушка,
Бы могу инынь служить да верой

правдою, —

Не креста-то у меня нет, не иояса,
Не рубашечки нет у меня полотняной,
Кабы нету-то у мня да коня доброго,
Кабы нету у меня сбруни лошадиноей,
Кабы нету у меня приправы молодецкой,
Кабы нету у меня туга лука,
Кабы нету у меня стрелочки калсноей,
Уж и нет у меня налицы буёвой,
Кабы нет у меня копейдо бурзомецкое,
Кабы всё на вини да у мня прощито,

Во царевом кабаки да всё заложено.
Как пошел тут солнышко Владимир-князь.
Он пошел к чумакам, да целовальникам:
«Ох вы ой есь, чумаки, да целовальники!
Отдавайте всё Васеньке бездешежно».
Кабы отдали гэё Васеньке бездешежно,
Кабы стал-то Василей снаряжатисе,
Кабы стал-то Василей сподоблетисе,
Как седлал он, уздал да коня доброго,
Как садился Василей да на добра коня,
Как тугой-от-де лук да принатегивал,
Калену свою стрелку приправливал,
Кабы сам ко стрелы да приговаривал:
«Полети-ко ты стрелочка калёная,
А повыше ты дерева шарового,
А пониже ты облака ходячего,
Залети-ко ты стрелка во чисто поле,
Залети-ко Скурлы ты да глазом правым,
Уж ты выйди-ко стрелка ухом левым».
Как садился Василей на добра коня,
Погонил-де Василей во чисто поле,
Кабы сива-то грива да расстилается,
Кабы хвост-де трубой да завивается,
Кабы из роту коня да пламя мечется,
Из ноздрей у коня да искры сыплются,
Из ушей у коня да дым столбом валит.
Пригонил-то Василей во чисто поле,
Как приехал он на заставу татарскую,
Выбирал он тотариша самолучшего,
Как получше, побольше, потолще всех,
А схватил он тотариша за резвы ноги,
Кабы стал он тотаришем помахивать,
На праву руку махнет дац дела улица,

На леву руку махнёт — с переулками:
«Хоть ты тонок на жилах — ис сорвешься,
Хошь и сух на кости да не изломишься».
Он и всю тут силушку повыкрошил,
Он и добрым конем да всех повытоптал,
Как поехал он ко князю ко Владимиру,
Приезжат он ко князю ко Владимиру.
Как заходит во гриню да во столовую,
Как садит его Солнышко за дубовой стол,
Как поит-то его да зеленым вином,
Как поит-то его трои суточки.
Собиралисе все бояре толстобрюхие,
Собиралисе ко князю ко Владимиру,
Как по полу Солнышко похаживат,
Тихосмириную речь да выговаривают:
«Ох ты ой еси, удалой доброй молодец,
Молодой ты Василей сын Игнатьевич!
А чего-ж тебе да нынче надобно?
Ты бери-ко города да с пригородками,
Ты бери-ко села да со деревнями».
Говорит-то Василей сын Игнатьевич:
«Мне не надо города да с пригородками,
Мне не надо села да со деревнями,
Ты дозволь-ко-ся мне чего мне надобно:
Я куды-де пойду, да куды победу.
Мне-бы пити-де вино везде безденежно»
Говорят на то бояре толстобрюхие:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А точере у нас Васенька отказано».
Говорит-то Василей таковы речи;
«Уж ты, Солнышко, батюшка Владимир-
князь!
А еще-ле я вам Васенька понадоблюсь?»

Говорят-то бояра во второй након:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А топере у нас Васенька отказано».
Говорит-то Василей таковы реци:
«А еще-ле я вам Васенька понадоблюсь?»
Говорят-то бояра во третей након:
«Кабы нам боле Васенька не надобно,
А топере у нас Васенька отказано».
Как скочил-то Василей на резвы ноги,
Он схватил-то столесенки кедровые,
Он убил всех бояр да толстобрюхих.

СУХМАТИЙ (СУХ МАН)

Ай во славном было городе во Киеве,
Ай у заскового князя у Владимира,
Тут ведь было у его собран почесен пир,
А почесён-от пир всё на весь-от мир,
На князьей-то было, всё на бояров,
На сильных, могучих богатырей.
Ишие все на пиру да напивалисе,
Ишие вси на чесном да паедалисе;
На пиру-ту вси сидят да они хваствают:
Ишие глупой-от хвастат молодой женой,
А разумной-от хвастат рдным батюш-
ком,
Разумной-от хвастат рбной матушкой.
Ай Владимир-от ведь по полатушкам
похаживат,
Ишие сам он говорит да таковы слова,
Говорит своим могучим всем богатырям:
«Ише что у мня богатыри сидят, не
хваствают?
Я спрошу же у тебя, да доброй молодец,
Уж ты русской сильней всё богатырь мой
Ишие тот-ли Сухматий-свет Сухматъёвич:
Ты не пьёшь-то у меня, сидишь не
хвастаёшь?»
Говорит-то Сухматий-свет Сухматъёвич:

«Уж ты гой ёси ты, красно паше сол-
нышко,
Ишо тот-ли ты князь да всё Владимир-
свет!
Я ведь тем разве тебе теперь похвастаю,
Что привезу я тебе лебёдышку всё из
чиста поля,
Я нерашену тебе всё некровавлену,
Привезу тебе лебёдочку живу в руках». —
«Уж ты гой ёси, Сухматий свет Сухматъё-
вич!
Привези мне-ка лебёдышку-ту завтра ты
по утру мне-ка ранному». Он отходит тут скоро почесён пир;
Ише вси-ти с пиру скоро расходятся.
Тут выходит-то дородней доброй молодец
Что по имени Сухматий свет Сухматъё-
вич,
Он выходит тут из-за столов-то бело-
дубовых,
Из-за тех-ли из-за скатертей шоковых,
Он ведь бьёт-то чёлом, кланяется князю
со княгинею,
Что со той-ли с Опраксеей с короле-
вичной;
Он скорёшенько седлат своего коня
доброго,
Он берёт-то всё ведь саблю свою вост्रую;
Но езжает во чистое поле доброй молодец,
Из чиста поля на тихи всё на заводы.
Он не мог найти лебёдушки да не одной
негде,
Не найти их-то да он не на заводях,

Не па матушке не оп па Почай-реки.
Приехал дороднёй доброй молодец:
«Эко горюшко мие теперь да добру
молодцу!»

Не поеду я во красён теперь в Киев-град,
И поеду, съезжу я теперь всё ко Непрё-
реки».

Приезжает, свет, он ко Непрё-реки:
А ведь Непрё-то-река течёт всё пому-
тиласе;

Проговорила она всё с им языком
человеческим:

«Уж ты гой еси, дороднёй доброй моло-
дець,

Уж ты сильней богатырь со святой Руси,
Ты по имени Сухматий свет Сухматьевич!

Не гляди-тко на меня, на матушку Непрё-
реку;

Поглядишь ты на меня, да ты не бойсе
всё;

Я ведь, матушка река, из силушки по-
выпила всё:

Там стоят-то за мной, за матушкой Непрё-
рекой,

Стоит-то тотаровей поганых десять
тысячей;

Как поутру-ту они да всё мосты мостят,
Всё мосты они мостят, мосты калашовы:

Они утром-то мостят — я ночью всё у их
новырою;

Помутилась я, матушка Непрё-река,
Помутилась-то всё да я избиласе».

Тут поехал-то дороднёй доброй молодец,

Он за матушку поехал за Непрё-реку
По тому-то всё по мосту по калинову;
Он ведь стал-то тотар да побивать да всё
поезживать,
Оп конём их стал топтать да всё на саблю
востру брать.
Как один-от был пдблишо поганоё.
Он стрелял-то всё в дородия добра

молодца
А в того-ли то в Сухматия Сухматъёвича;
Он направил свою всё калену стрелу,
Он прострелил у его да все как правой
бок:

Ище вышла пуля-та всё в левой бок,
Тут ведь спал-то со добра коня дороднёй
доброй молодець
Ище тот-ли Сухматий-свет Сухматьевич;
Он ведь взял-то травы да всё сорвал
листков,

листвов,
Он обкладывал листами всё раны свои
кровавые;
Он с того-то всё ише с горя великого,
Он выдергивал лесину из сырой земли,
Он как стал-то лесиночкой посвистывать,
Он ведь стал-то дубиночкой помахивать;
Он прибил-то ведь ноганых всих тотар-то
тут.

Не оставил он ведь силы всё на сёмена.
Да восталось дубиночки-то всё один
обломочек;

Тут ведь скоро он садился на добра коня;
Приезжает ко городу ко Киеву,
Он ко ласковому князю ко Владимиру;

Ай выходит скоро князь ёго стречать всё
на широкой двор,
Говорит-то он ёму всё таковы речи:
«Ты привёз ли мне, дородней доброй моло-
дец

А по имени Сухматий свет Сухматьёвич,
Ты привёз ли мне лебёдочку перанену,
Ты перанену лебёдочку, всё пекровавлену,
Ты живу́-то мне в руках хотел привезти
да всё немёртвую?»

Говорит-то Сухматий свет Сухматьёвич:
«Мне-ка было, моё ты красно солнышко,
Мне ведь было всё ведь тут не до лебё-
душки:

Подошла-то тут силушка тотарская,
Ай у матушки стоит всё у Непрё-реки,
Ай стоели тотар всё десять тысячей,
Всё мостили мосты они казиновы;
Они утром-то мостят, да ночью выроёт
Ишиш матушка-те всё-то уж Непрё-река;
Вода-та всё в реки да помутиласse.
Я избил-то ведь тут поганых всех тотар-то
их,

Не оставил я ведь их силы на сёмина».«
Ай спроговорит ведь тут да нашо красно
солнышко,

Как Владимир всё, князь да столище-
Киевской:

«Посадите-ко дородия добра молодца,
Ай во ту его во темницу во тёмную;
Ай пустым-то всё он хвастаёт, напрасным
тутъ.

Посадили-то в темницу добра молодца.

Посылат скоро Добрынюшку-ту всё ведь
киязь проведывать:
«Уж ты съезди-ко, Добрынюшка Никитич
млад,
Съезди, съезди ты ко матушке к Непрё-
реки,
Розыши-ко, рассмотри да силу битую».
А приехал Добрынюшка к Непрё-реки,—
Намошноны тут мосты, мосты калиновы;
Ай прибита все силушки татарская;
Да нашел-то Добрынёчка обломочёк,
Всё обломочёк нашел этой дубиночки;
Он привёз-то князю всё на посмотреньице.
Они свесили-то ету всё дубиночку,—
Потянула дубина девяносто пуд.
Говорил-то Владимир князь да стольиё-
Киевской:
«Вы отмыкайтс-ко подите скоро тёмну
тёмницу;
Уж я буду Сухматья-та Сухматьёвича,
Я ведь буду-то его да теперь миловать,
Буду миловать его да буду жаловать:
Надарю я ёму города да всё с посёлками».
Отмыкали-то его да скоро тёмну тём-
ницу,
Выпускают-то дородия добра молодца,
Инше сильнёго могучёго богатыря
Да того-ли Сухматья свет Сухматьёвича.
Говорят-то ему да всё рассказывают:
«Уж ты гой еси, богатырь святорусский,
Ты по имени Сухматий Сухматьёвич!
Да ведь хочёт тебя князь Владимир, хочёт
миловать,

Хочёт миловать тебя да хочет жаловать,
Подарить-то хочет город всё с посёлками»
Говорит-то тут Сухматий свет Сухмать-
ёвич:

«Не умел меня Владимир-князь ведь
жаловать!

Я теперь сче поеду во чисто полё».
Он садился тут скоро на добра коня,
Он поехал скоро во чисто полё;
Он приехал во чисто полё роскатисто.
Он отдернул-то листки от ран кровавых
всё,

Говорил-то ведь сам да таковы слова:
«Уж ты гой еси, мои раны кровавыя!
Протеки-тко-се из ран да всё Сухман-
река,

Что Сухман-то протеки-тко, река
быстрая,

Хоть у бедного дородия добра молодца,
Хошь у русского могучёго богатыря,
У того-ли у Сухматья свет Сухматьёвича!»
Протекала тут ведь Сухман, да речка
быстрая,

Выбегала у ёго всё кровь горячая.
Наказал ишё своему кошю доброму:
«Уж ты, конь, ты всё конь, моя да
лошадь добрая!

Ты не стой, ис плачь у тела
богатырского,

Ты поди-ко-се, беги да куды хошь поди,
Во луга ступай-поди да во зелёныя,
Ты питай-се-ко всё травой шелквою,
Ходи пей-ко-се ключову-ту свежу воду,

Что ис той-ли ты из матушки Сухмáнь-
реки».

Ишие тут-то ведь Сухматью свет
Сухмáтьёвичу
Тут славы-ти всё поют, да он представи́лсé,
Он представи́лсé тут да всё прокончи́лсé;
Всё славы про то поюг, всё в старинах
скажут.

НЕУДАВШАЯСЯ ЖЕНИТЬБА АЛЕШИ

Как во славном граде, в стольне Кіеве,
Ай у ласкова князя у Владимира
Начиналсѧ стол, почесн̄и иир.
Не от ветра палаты покачалисѧ,
Не от вихоря ворота открывалисѧ. —
Заходил в их Добрынишка Микитич млад.
Как за им зашли князья всѣ, многи бояра
Многи русскии могучии богатыри.
Вполсыте оне да пасдалисѧ,
Вполнъиё оне да напивалисѧ,
Оне вси на пиру да порасхвасталисѧ.
Уж как тот тем хвастаёт, нової новым:
Ишие умної хвастат отцом, матерью,
Ай безумної хвастат золотой казной.
Как Добрынька-ка хвастат молодой жоной;
Молодой Настасьёй, дочерью Микуличной.
Оне вси на циру да росмехнулисѧ,
Друг на друга на чёсном да оглянулисѧ. —
Промежу собой разговор ведут:
«Видио, нечем уж Добрынишке похва-
стati, —
Дак уж хвастаёт Добрынька молодой жоной
Молодой жоной Настасьёй, дочерью
Микуличной!»
Не ясн сокба с тёндá гнезда солятывал,

Не белой кречет с тёплá гнезда сопар-
хивал, —

Соходил-ли тут да сам Владимир князь
Со своего места с княжеского.
Он по гридиे столевые похаживат,
Сам таки он речи ноговариват:
«Уж как все-ти добры молодцы росхва-
стались;
Мне-ка нечем, князь-Владимеру, похва-
стати.

Как во далече, далече во чистом поле
Там лётат Невежа чёрным вороном,
Уж он пишет мне-ка со угрозою,
Уж он кличёт-выкликаёт поединника.
Мне кого послать с Невежой биться-
ратиться,

Очишать дороги прямоездия,
Постоять на крепкиих заставушках?»
Уж как большой-от туляйтсe за средиего,
Ишие средней-от хоронится за меньшого;
Ай от меньшого Владимиру ответу нет.
Чиз-за задиего стола-та белодубова
Вышол первой богатырь наш граду

Киеву,
Ишие старой казак да Илья Муромец.
С ним по гридиे столевые похаживат,
Он такие речи ноговариват:
«Я теперь недавно из дорожочки.
На заставушках стоял целых двенадцать
лет,
Как Невежа, чёрной ворои, не казал мне
глаз.
Кабы видял я Невежу, чёрна ворона,

Пострелил бы я собаку из туга лука.
Нам послать было Добрышку Никитича
Он заштыта будёт граду Киеву,
Оборона будёт нашей крепости».
Вышивал Добрыняка чару зелёна вина,
Не большую пил, не малу — полтора ведра
Как покончили почесён пир, пошел с пиру
Он невесёл пошел и нерадосён.
Приходил в полаты в княжеския,
Как не белая берёзка к земли клонитсё,
Не зелёныя листочки расстилаютсё, —
Припадат Добрыня к своей матушки:
«Уж ты вой ёси, матушка родимая,
Ты честна вдова Офимья Олëксандровка!
Ты почто меня бесчастного спордила,
Ай почто ты бесталанного отродида.
Спордила бы меня ты, родна матушка,
Лучие маленьким катушим серым камешком,
Завернула бы меня да в полотёнышко,
Опустила в глубину, на дно-синё-морё.
Там лёжал бы я от веку до веку;
Буйны ветры хоть меня да не завеяли,
Добры люди про меня де не забаяли;
Дак не ездил бы я да по святой Руси,
Не губил бы я да християнцких душ,
Не слезил бы я да отцей, матерей.
Не вдовил бы я да жон молбыних,
Не сиротал бы я да малых детушок.
Ай тепере пать ехать во чисто полё,
На заставушках стоять целых двенадцать
лес».
Ай спрограморит Офимья Олëксандровна:

Уж он платьице кладёт тако звериное,
Снаряжаёт обряжаёт коня доброго,
Садится Добрыня на добра коня,
Поезжат Добрынька с широка двора.
Праважат ёго Офимья Олëксандровна,
Провожат, сама да кличём кликаёт:
«Ай же ты, любимая невёстушка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Уж ты что сидишь во тереми в златом
Над собой разве незгодушки не ведаешь?»

1 Вместо «мад».

Закатится ведь наше красно солнышко,
Ай заходит за горы за высокия:
Поезжат Добрынька с широка двора.
Ты скоси-тко на широкой двор скорё-
шенько,
Поспроси-ко у Добрыньки хорошохонько,
Он далёко ли едёт, куда путь держит,
Скоро ждать ли, дожидать да нам домой
велит,
Велит скоро ли в окошечко посматри-
вать?»

Как скочила Настасья дочь Микулична,
Выходила на широкий двор скорёхонько
В одной тоненькой рубашочки, без пояса.
В одных тоненьких чулочиках, без чёбо-
тов;

Забегает Добрыньки со белá лица,
Припадает к стремечку к булатному:
«Ай же ты, моя любимая державушка,
Молодой ты Добрынюшка Никитич блад!
Ты далёко ли едешь, куда путь дёржишь,
Скоро ждать ли дожидать да нам домой
велишь?»

Ай спроговорит Добрынюшка Никитич
блад:

«О же ты, моя любимая семеюшка,
Молода Настасья дочь Микулична!
Когда ты у меня, бедна, стала спрашивать,
Дак же я теперь начну тебе рассказывать:
Как пройдёт тому времени и три года,
Уж ты три года прождёшь да друга три
прожди;
Как Добрыня твой назад не изворотится,

Дак втогда тебе, Настасья, воля вольняя:
Хоть вдовой сиди, да хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина;
Не ходи только за бабьёго надсмешника,
За судейного за перелетника,
Ай за смелого Олёшу за Поповича:
Как Олёша-та собака мне — названой брат;
Ай названой-от брат ведь паче родного».
Только видели Добрынюшку как седучись,
Не видали Добрыньки как поедучись.
Не дорогой он ехал, не воротамы, —
Чере' стену скачёт городовую,
Мимо башни машот наугольнюю,
Уж он с горушки на горушку поскакиват,
Уж он с холма на холм перепрядыват,
Вси он речки, озёра перескакиват,
Уж он мелкие роздолья промеж ног
спушшат,
Куды падали копыта лошадиных,
Тут очудились колодецки глубокия,
Уж как деничек за деничком как дождь
дождит,
Ай неделька за неделькой как трава
ростёт,
Ишие годичек за годичком сокол летит.
Как прошло тому времени и три года,
Поскоре сказать, прошло и делых шесть
годов.
Приходил к им Олёшенька Лёвонтьёвич,
Приносил к им весточку нерадостну:
Ай убит лёжит Добрынька во чистом
поли,
Он головушкой лёжит да через рокитов куст,

Уж он резвыми ногами во ковыль-траву,
Руки, ноги у Добрыньки поразмётаны,
Уж как буйна-та головка поразломана,
Ясны очи выклёвали вороны.

С того начали к Настасьюшке похаживать,
Уж как начали Микулиню посватывать.
Ишше сватом-то ходит сам Владимир

князь,

Уж как свахой — Опраксия королевисня:
«Ай тебе ли жить, Настасья, молодой

вдовой,

Молодой твой век одной коротати?

Ты поди хоть за князя, за боярина,
Хоть за смелого Олёшу за Поновича».

Она свата дарит одной шириночкой,
Она сваху дарит другой шириночкой,
Она смелого Олёшу калёной стрелой.

«Как исполнила я всю-ту мужню
заповедь —

Прожила теперь да целых шесть лет, —
Дак исполню свою я женску заповедь:
Проживу ишше да целых шесть лет,
Дак втогда ишше успею всё взамуж
пойти».

Опять деничек за деничком как дождь
дождит,

Неделька за неделькой как трава растёт,
Годичек за годичком как сокол летит, —
Как прошло тому времени и шесть лет,
Поскоре сказать, прошло целых двенадцать лет.

Приходил опять Олёшенька Лёвонтьёвич,
Приносил к им весточку нерадостну:

Как убит лёжит Добрынька во чистом
поли,

Вси уж косточки ёго да порастасканы.
С того начали к Настасьюшке похаживать,
Опять начали Микуличну посватывать.
Нише сватом ходит сам Владимир князь,
Уж как свахой — Опраксия королевична:
«Ай тебе ли жить, Настасья, молодой
вдовой,

Молодой твой век одной коротати?
Ты поди хоть за князя, за боярина,
Хоть за смелого Олёшу за Поповича».
Пораздумалась Настасья, прирасплакалась:
Уж ей силой берут, бедну, неволёю,
Ей не честию берут да не охвотою.
Как ведётся пир у их по третей день,
А сего дня нать ити во церковь божию,
Принимать с Олёшней по злату венецу.
Как пошла Настасья, с широка двора,
Ай садилась Офимья Олёксандровна
' на под светло косисчато окошечко,
Уж как плакала старушочка с причё-
тиком:

«Ай давно уж закатилось солнце красное;
Закатаитсе, видно, и светёл месц!»
Походит Настасья с широка двора.
Как из далече, далёче из чиста поля
Выпадала пороха снегу белого;
По тому снежку, белой порошенько
Уж как ехал детина Заолешенин.
На ём платьице тако звериноё;
Под им копь-от косматой быдто лютой
зверь.

Не дорогой он едёт, пе воротамы,
Чере' стену скачёт городовую.
Приезжал к полаты к белокаменной,
Уж он пнул столбы, ворота своим чёбом;

С боку на бок столбы все росшатнулисе,
Ай широкие ворота отворплисе.
Проводил коня да привязывал,
Проходил в полату без докладушок.
Уж он крест кладёт да по писаному,
Ай поклон ведёт он по учёному,
Поклоняйтсে на вси чётыре стороны,
Он старушочки кланялсে особенно:
«Уж ты здравствуй, Офимья Олёксандровна!

Ай же ты, Добрынишка матушка,
Тебе сын Добрынишка поклон послал.
Мы сёго дни с им с вечёра разъехались:
Ай Добрынька поехал ко Царюграду,
Уж как я поехал к граду Киеву.
Говорил мне Добрынька таковы речи:
«Если судит бог бывать да в граде
Киеве,
Попроведай про родиму мою матушку,
Попроведай про любимую семеюшку,
Молоду Настасью дочь Микуличну».
Ай спрогоvorит Офимья Олёксандровна:
«Ай же ты, детина Заолешенин!
Не тебе бы надо мной да надсмехатисс,
Не тебе бы досажать победно ретиво
сердцё.
Без угару болит буйна головушка,
Без досады шумит да ретиво сердцё.

Приходил к нам Олёшенька Лёвонтьё-
вич,
Приносил к нам весточку нерадостну,
Что ѿбит лёжит Добрынька во чистом
поли;
Он головушкой лёжит да через рокитов
куст,
Уж он резвима ногамы во ковыль-траву;
Ручки, ножки у Добрыни поразмётаны,
Уж как буйная головка поразломана.
Ясны очи въклёвали вороны.
Иссушила я победно ретиво сердцё,
Тяжелёшенько по сыне своём плакала.
С того начали к Настасьушке поха-
живать,
С того начали Микуличну посватывать:
Уж как сватом-то ходит сам Владимир-
князь,
Уж как свахой Опраксия-королевична.
Уж ей силой берут, бедну, неволёю,
Ей не честию берут да не охватою.
Как ведётся пир у их по третей день;
Ай сёгодни пойти нать в церковь божию,
Принимать с Олёшой по злату венцу».
Ай спрограммит детинка Заолешенин:
«Говорил мне Добрыня таковы речи:
За кого пойдёт Настасья дочь Мику-
лична,—
Дак велел мне сходить на пир, на
свадёбку,
Ай тебе он велел братъ золоты ключи,
Отпушшаться в погребы глубокия,
Ай достать мне-ка одежду скоморошину,

Ай достать мне-ка шубочку-кошулёчку,
Ай достать мне-ка сапожочки — зелён
сафьян,
Ай достать мне-ка шляпочку пуховую,
Нушистую, ушистую, завесистую,
Да достать мне-ка гусёльышка яровчаты».
Ай брала Офимья золоты ключи,
Отпушилась в погреба глубокия,
Как достала одежду скоморошную,
Ай достала гусёльышка яровчаты,
Ай достала шубочку-кошулёчку,
Достала сапожочки зелён сафьян,
Подавала чёрнú шляпу пуховую,
Ай пуховую шляпу ушистую.
Уж он брал ведь палицу сорок пудов:
«Чтобы нас на свадьбе не обидели».
Он пошел к Владимиру стольне-киев-
скому.

У дверей стоят тут все придверники,
У ворот стоят приворотники, —
Не пропушиают удалу скоморошину.
Уж он брал их за шею, прочь отталкивал,
Смело проходил в полаты княженецкия.
Как идут за им да все придверники,
Ай идут за им все приворотники,
Ай творят оны велику ёму жалобу:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир
стольно-киевский!
Ай кака-та удала скоморошина!
Уж он брал нас за шею, прочь оттал-
кивал,
Смело проходил в полаты княженецкия».
Тут проговорит удала скоморошина:

«Здравствуй, солнышко Владимир стольнеп-
киевский,

Со своим ты с князём с первобрачным,
Со своей княгиной второбрачной!

Ишише где-ка моё место скоморошноё?»

Испроговорит Владимир стольно-киевский:

«Ай твоё ведь место скоморошное

На брусовой печке ды и в защечью».

Уж он в этом местом не обрезгует,

Залезал на печку на брусовую,

Вынимал он гусёльышка яровчаты,

Уж он клал на колена молодецкия,

Уж он начал струнички натягивать,

Уж он начал по гуселькам похаживать,

Уж он стал на гусёльышках выигрывать:

Уж он йгрыши берёт да со Царяграда,

Ай выигрыши ведёт до града Киева.

Ай стоит Настасья за столом да бело-
дубовым,

Худо видит вольный белый свет;

У ей слёзы-то скачут из ясных очей,

Не в один скочили ручей — ровно в три
ручья:

«Я была как за любимой-то державушкой,

У его были ведь эки же гусёльышка,

Уж он так же но гусёлочкам похаживал!»

Ай сироговорит Владимир стольнеп-
киевский:

«Ай же ты, удала скоморошина!

Солезай со печки со брусовия,

За твою игру за весёлую

Я даю тебе три места три хороших:

Ай перво тебе место — подле меня,

Ай друго тебе место — супротив меня,
Ай третьё тебе место — куда сам
похопь».
Не садилсе скоморошина подле князя,
Не садилсе он да супротив князя,
Он садилсе к Настасьи дочери к
Микуличны

Говорил скоморошина таковы речи:
«Уж ты гой еси, солнышко Владимир
стольне-киевский!
Ты позволь-ко мне-ка налить чарку
зелена вина,

Поднести мне чарку, дай кому я хочу.
Кому задумаю, кого пожалую».
Говорит Владимир стольне-киевский:
«За твою игру да за весёлую
На моём пиру да что ты хопьтвори».
Наливал он чарку зелёна вина,
Подносил Настасьи дочери Микуличны,
Уж он сам говорил да таковы речи:
«Всю ты выпей чарочку до донышка;
Не допьёшь до дна — дак не видать
добра».

Как брала Настасья чарку во белы руки
Вышивала чарочку до донышка;
Подкотилсе какой-то ей злачён перстень.
Уж как видит Настасья дочь Микулична,
Что и была с Добрынькой в церкви
божия,
Принимала с Добрышёй по злату
венцу, —
Выходила иза столов да белодубовых,
Она падала Добрыньки во резвы ноги:

«Ты прости меня, вины да виноватую?
Я наказу твоего да не исполнила.
Меня силой берут и неволею,
Не честью берут, не охотою,
Сватом был сам Владимир-князь,
Свахой Опраксия-королевична».
Как спроговорит Добрынушка Никитич
блад:

«Не дивую я уму женскому;
Уж как бабей волос долог, а ум короток;
Как дивую я брату-ту названому
Ишише на имя Олешеньке Иоповичу.
Да ишише дивую князю я Владимиру:
У жива мужа да отымат жону!»
Уж как вышел Олеша за столов да
белодубовых,
Уж он кланялсе Добрыни во резвы ноги:
«Ты прости меня, вины да виноватого. —
«Уж как в той вины да тебя бог
простит,

А в другой вины я не прошу тебя:
Ты зачем ходил к родимой моей матери,
Приносил ей весточку нерадостну,
Досаждал ее победно ретиво сердце?»
Уж он брал Олешу за жолтые кудри;
Водит он его по гридине столовыя,
Уж он сам на гуслях да выговариват,
А Олеша тут поахиват.

Как от буханья не слышно было оханья.
Пригодилсе в бесёды Илья Муромец;
Захватил Добрыню за могутый плеча,
Уж он сам говорил да таковы речи:
«Не убей ты за напраслину богатыря:

Хоть он силой-то не силен, а напуском
смеха.

Тут Владимиру ко стыду пришло;
Нотупил он ясны очи во кирпичен пол.
Брал Настасью Добрыця за белы руки.
И встречала Офимья Александровна:
«Не красное солнышко повызошло,
Не мелкие звездочки рассыпались, —
Пришел Добрыня на широкий двор!»
Остался Олёша Леонтьевич,
Садился покрай лавочки брусовыя,
Уж он сам говорил таковы речи:
«Всякий на свети женитсе,
Да не всякому женитьба издавайтсе:
Издалась только Ставру сыну Годёнову
Да младому Добрынюшке Микитичу».

АЛЕНА ПОПОВИЧ И СЕСТРА БРАТЬЕВ ЗБРОДОВИЧЕЙ

Во славном городе во Киеве,
У князя было у Владимира,
Столовицце было, пированье, почестен
пир

На многие князи и бояра,
На сильных могучих богатырёв
И на все паленицы удалие.
На пиру все были цяны-веселы,
Все на пиру прирасхвастались:
Иной хвастает добрым конем,
Новой хвастает своей ухваткою,
А бояре хващают животом своим.
При том пиру, при беседушке,
Сидят два брата, два Петровича;
Сидят они братаны, не веселы,
Свои буйны головы повесили.
Князь Владимир стольный-киевский
Стал по гридинице похаживать:
«Что вы, братаны, не веселы,
Что вы ничем не похвалитесь?» —
«Князь Владимир стольный-киевский!
И нечем нам, братанам, похвастати:
Добры кони у нас не удали,
Молоды жены не изрбдные;

Есть у нас у братов родна сестра.

Свет Наталья Збородовична:

Сидит она во высоком тереме,

Сидит, заперта двумя дверями,

Она замкнута тремя ключами;

Ее красно солнышко не согреет,

И буйны ветры ее не обвеют.

Ясный сокол мимо терема не пролетит.

На добром коне мимо молодец не проедет».

При том ширу при беседушке

Случилось быть Алешинке Поповичу;

Попович говорил таковы речи:

«Но чём же вы, братаны, хвастаете,

Не добром вы, братаны, похваляетесь;

Довольно я видел вашу сестрицу

Свет Настасью Збородовичну,

А бывали и такие насы,

Что у ней и на грудях леживал!»

Збородовичам братьям за беду пало,

За беду пало, за великую;

Хватали они по ножишку по булатному,

Метали ими в Алешу Поповича.

Горазден Алеша был ножи хватать.

Хватал за черенья за ножевые,

Сам говорил таковы слова:

«Ой вы гой еси, два брата, два Петровича!

Поезжайте, братаны, к своему двору,

Снимите с себя платье цветное,

Отдавайте его любимым кошюхам,

Оболокайтесь сами в платье черное,

Чтоб вас жены не опознали;

Дождитесь ноченьки седьмая часу,

Поезжайте тогда во чисто поле,

Захватите комулю снега белого,
Метните ее во окошечко во слухово:
Услышите отвесьё Настасьи Збородо-
вичны».

Снимались братаны со цира вполыниа,
Садились они на добрых коней,
Ноезжали братаны к терему высокому, .
Захватили комулю снега белого,
Метали его во окошечко во слухово.
Услышала брекот Настасья Збородовична,
Сама держит скорое отвесьице:
«Уж ты гой еси, Алешинька Попович
млад!»

Без тебя у меня кушанья прозачёрстнули,
Шитьица медяны застоялися!»
Тогда два брата Збородовичи
Ко высокому терему сбегалися:
Ломали двери теремовые,
Захватили свою родну сестрицу,
Свет Настасью Збородовичну,
Везли ее в поле во Куликово,
Хотят ей срубить буйну голову.
Тогда Алеша Попович млад
Крычал-зычал зычным голосом:
«Ой вы два брата, два Петровича!
Не губите своей Настасьи Збородовичны,
Отдайте мис-ка в замужество!»
Остоялись братья Збородовичи,
Низко кланялись они Алеше Поповичу!
Отдавали ему во замужество
Свет Настасью Збородовичну.

СТАВЕР

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пирование — почестный пир
На многие князи на бояры,
На всех-тых гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.
Все на пиру наедались,
Все на честном напивались,
Все на пиру порасхвастались:
Инший хвалится добрым конем,
Инший хвалится шелковым портом,
Инший хвалится селами со приселками,
Инший хвалится городами с пригородками
Инший хвалится родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.
Из тыя из земли Ляховицкия
Сидел молодой Ставер сын Годинович,
Он сидит за столом, да сам не хвастает.
Испрограмил Владимир стольно-киевский:
«Ай же ты, Ставер сын Годинович!
Ты что сидишь сам да не хвастаешь?
Аль нет у тебя села со приселками,
Аль нет городов с пригородками,
Аль нет у тебя добрых комоней,
Аль не славна твоя родна матушка.

Аль не хороша твоя молоды жена?»
Говорит Ставер сын Годинович:
«Хотя есть у меня села со приселками,
Хотя есть города с пригородками,
Да то мне молодцу не похвальба;
Хотя есть у меня добрых комоней,
Добры комони стоят — все не ездятся,
Да то мне молодцу не похвальба;
Хоть славна моя родна матушка,
Да и то мне молодцу не похвальба;
Хоть хороша моя молоды жена, —
Так и то мне молодцу не похвальба:
Она всех князей-бояр да всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет.
Все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:
«Ты, солнышко, Владимир стольно-киев-
ский!

Засадим-ка Ставра в погреба глубокие:
Так пущай-ка Ставрова молоды жена
Нас князей-бояр всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет,
А Ставра она из погреба повыручит!»
А был у Ставра тут свой человек.
Садился на Ставрова на добра коня,
Уезжал во землю Ляховицкую
Ко той Василисты Микуличной:
«Ах ты ей, Василиста дочь Микулична!
Сидишь ты, пьешь да проклауждаешься,
Над собой шевзгодушки не ведаешь:
Как твой Ставер да сын Годинович
Посажен в погреба глубокие;
Похвастал ем тобой, молодой женой,

Что скнязей-бояр всех повыманит,
А солнышка Владимира с ума сведет».
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Мне-ка деньгами выкупать Ставра — не
выкупить;
Мне-ка силой выручать Ставра — не
выручить;
Я могу ли, нет, Ставра повыручить
Свою догадочкою женскою!»
Скорешенько бежала она к фельшарам,
Подрубила волоса по-молодецки-де,
Накрутилася Василем Микуличем,
Брала дружинушки хоробрья,
Сорок молодцов удачных стрельцов,
Сорок молодцов удачных борцов.
Поехала ко-о граду ко Киеву.
Не доедучи до-о града до Киева,
Пораздернула она хорош-бел шатер,
Оставила дружину у бела шатра,
Сама поехала ко солнышку Владимиру.
Быет челом, поклоняется:
«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-
киевский
С молодой княгиней со Онраксией!»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ты откудашной, удачный-добрый молодец,
Ты коеи орды, ты коеи земли,
Как тебя именем зовут,
Нарекают тебя по отечеству?»
Отвечал удачный-добрый молодец:
«Что я есть из земли Ляховицкий,
Того короля сын Ляховицкого,
Молодой Василий Микулич де;

Я приехал к вам о добром деле — о сватовстве

На твоей любимая на дочери».

Говорил Владимир стольно-киевский:

«Я схожу — со дочерью подумаю».

Приходит он ко дочери возлюбленной:

«Ах ты ей же, дочь моя возлюбленна!»

Приехал к нам посол из земли Ляховицкая,

Того короля сыи Ляховицкого,

Молодой Василий Микулич де,

Об добром деле — об сватовстве

На тебе, любимая на дочери.

Что же мне с послом будет делать?»

Говорила дочь ему возлюбленна:

«Ты ей, государь родной батюшко!

Что у тебя теперь на разуме:

Выдаешь девчину сам за женщину!

Речь-поговоря — все по женскому;

Нерески тоненьки — все по женскому:

Где жуковинья были — тут место знать;

Стегна жмет — все добра бережет».

Говорил Владимир стольно-киевский:

«Я схожу посла да иоотведаю».

Приходит к послу земли Ляховицкая,

Молоду Василью Микуличу:

«Уж ты, молодой Василий сын Микулич

де.

Не угодно ли с пути со дороженьки

Сходить тебе во парную во баенку?»

Говорил Василий Микулич де:

«Это с дороги не худо бы!»

Стопили ему парну баенку.

Жакуда Владимир снаряжается,
Посол той поры во баенке испарился,
С байпы идет — ему честь отдает:
«Благодарствуй на парной на баенке!»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Что же меня в баенку не подождал?
Я бы в байну пришел — тебе жару поддал,
Я бы жару поддал и тебя обдал?»
Говорил Василий Микулич де:
«Что ваше дело домашнее,
Домашнее дело, княжеское;
А наше дело посольское,—
«Недосуг-то долго нам чваниться,
Во баенке долго нам шариться;
Я приехал об добром деле — об сва-
товстве

На твоей любимая на дочери».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я схожу — с дочерью подумаю».
Приходит он ко дочери возлюбленной:
«Ты ей же, дочь моя возлюбленна!
Приехал есть посол земли Ляховицкий
Об добром деле — об сватовстве
На тебе, любимая на дочери;
Что же мне с послом будет делать?»
Говорит как дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь мой родной батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину за женщипу!
Речь-поговоря — все по женскому;
Перески тононьки — все по женскому;
Где жуковинья были — тут место знать».
Говорил Владимир стольно-киевский:

«Я схожу послы да поотведаю.
Приходит ко Василю Микуличу,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Василий Микулич де!
Не угодно ль после парной тебе баенъ
Отдохнуть во ложне во теплыя». —
«Это после байны не худо бы!»
Как шел он во ложню во теплую,
Ложился на кровать на тесовую,
Головой-то ложился, где ногами быть,
А ногами ложился на подушечку.
Как шел туда Владимир стольно-киевский,
Посмотрел во ложнию во теплую:
Есть широкие плеча богатырские.
Говорит посол земли Яховицкий,
Молодой Василий Микулич де:
«Я приехал о добром деле — об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Чтоб же ты со мной будешь делати?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я пойду — с дочерью подумаю».
Приходит ко дочери возлюбленной:
«Ай же, дочь моя возлюбленна!
Приехал посол земли Яховицкий,
Молодой Василий Микулич де,
За добрым делом — за сватовством
На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делати?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Ты ей, государь родно ! батюшко!
Что у тебя теперь на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину!»
Говорил Владимир стольно-киевский:

Я схожу посла да поотведаю». —
«Ах ты, молодой Василий Микулич де!
Не угодно ли с моими дворянами поте-
шиться»

Сходить с ними на широкий двор,
Стрелять в колечко золоченое,
Во тся в острине ножовыя,
Расколоть-то стрелочки надвое,
Чтобы были мерою равненьки и весом
равны».

Стал стрелять стрелок перво князевый:
Первой раз стрелил — он не дострелил,
Другой раз стрелил — он перестрелил,
Третий раз стрелил — он не попал.

Как стал стрелять Василий Микулич де,
Натягивал скоренько свой тугий лук,
Палагает стрелочку каленую,
Стрелял в колечко золоченое,
Во тся острей во ножевал, —
Расколол он стрелочку надвое,
Они мерою равненьки и весом равны.

Сам говорит таково слово:
«Солнышко Владимир стольно-киевский.
Я приехал об добром деле — об сватовстве
На твоей на любимыя на дочери,
«Что же ты со мной будешь делати?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Я схожу-пойду — с дочерью подумаю».
Приходит к дочери возлюбленной
«Лай же ты, дочь моя возлюбленна:
Приехал есть посол земли Ляховицкия,
Молодой Василий Микулич де,
Об добром деле — об сватовстве

На тебе, любимыя на дочери;
Что же мне с послом будет делать?»
Говорила дочь ему возлюбленна:
«Что у тебя, батюшко, на разуме:
Выдаваешь ты девчину за женщину!
Речь-поговоря — все по женскому:
Черески тоненьки — все по женскому:
Где жуковинья были — тут место знать». —
«Я схожу, посла поотведаю».
Он приходит к Василию Микуличу.
Сам говорил таково слово:
«Молодой Василий Микулич де,
Не угодно ли тебе с моими боярами
потешиться,
На широком дворе поборотися?»
Как вышли они на широкий двор,
Как молодой Василий Микулич де,
Того схватил в руку, того в другую.
Третьего склеснет в середочку,
По трою за раз он на зень¹ ложил,
Которых положит — ты с места не стают.
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ты молодой Василий Микулич де!
Укроти-ко свое сердце богатырское,
Оставь людей хоть нам на семяна!»
Говорил Василий Микулич де:
«Я приехал о добром деле — об сватовстве
На твоей любимыя на дочери;
Буде с чести не дашь, — возьму не с чести,
А не с чести возьму, — тебе бок набью!»
Не ищел больше к дочери спрашивать,

¹ На землю.

Стал он дочь свою просватывать.
Пир идет у них по третий день,
Сего дни им итти к божьей церкви:
Закручинился Василий, запечалился.
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Что же ты, Василий, не весел есть?»
Говорит Василий Микулич де:
«Что буде на разуми не весело:
Либо батюшко мой помер есть,
Либо матушка моя померла.
Нет ли у тебя загусельщиков,
Поиграть во гусельшка яровчата?»
Как повыпустили они загусельщиков,
Все они играют, — все не весело.
«Нет ли у тя молодых затюремщиков?»
Повыпустили младых затюремщиков.
Все они играют, — все не весело.
Говорит Василий Микулич де:
«Я слыхал от родителя от батюшка,
Что посажен наш Ставер сын Годинович
У тебя во погреба глубокие:
Он горазд играть в гусельшки яровчата».
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Мне повыпустить Ставра —
Мне не видеть Ставра;
А не выпустить Ставра —
Так разгневить посланца!»
А пе смет посланца он поразгневати, —
Повыпустил Ставра он из погреба.
Он стал играть в гусельшка яровчата, —
Развеселился Василий Микулич де,
Сам говорил таково слово:
«Помнишь, Ставер, памятуешь ли.

Как мы маленьки на улицу похаживали,
Мы с тобой сваечкой поигрывали:
Твоя-та была сваечка серебряная,
А мое было колечко позолоченое?
Я-то попадывал тогда-сёгды,
А ты-то попадывал всегда-всегды?»
Говорит Ставер сын Годинович:
«Что я с тобой сваечкой не игрывал!»
Говорит Василий Микулич де:
«Ты помнишь ли, Ставер, да памятуешь ли,
Мы ведь вместе с тобой в грамоты училися:
Моя была чернильница серебряная,
А твое было перо позолочено?
А я-то помакивал тогда-сёгды,
А ты-то помакивал всегда-всегды?»
Говорит Ставер сын Годинович:
«Что я с тобой в грамоты не учивался!»
Говорил Василий Микулич де:
«Солнышко Владимир, стольно-киевский!
Спусти ко Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинышки хоробрья?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Мне спустить Ставра, — не видать Ставра,
Не спустить Ставра, — разгневить посла!»
А не смеет он посла да поразгневавти:
Он спустил Ставра съездить до бела шатра,
Посмотреть дружинышки хоробрья.
Приехали они ко белу шатру,
Зашел Василий в хороши-бел шатер,
Снимал с себя платье молодецкое,
Одел на себя платье женское,
Сам говорил таково слово:
«Теперича, Ставер, меня знаешь ли?»

Говорит Ставер сын Годинович:
«Молода Василиста дочь Микулична!»
Уедем мы во землю Полтовскую!»
Говорит Василиста дочь Микулична:
«Не есть хвала добру молодцу,
Тебе воровски из Киева уехати:
Поедем-ко свадьбы доигрывать!»
Приехали ко солнышку Владимиру,
Сели за столы за дубовые.
Говорил Василий Микулич де:
«Солнышко Владимир, стольно-киевский,
За что был засажец Ставер сын Годиновъ?
У тебя во погреба глубокие?»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Похвастал он своей молодой женой,
Что князей-бояр всех новыманил,
Мечя, солнышка Владимира, с ума сведет».
«Ай ты ей, Владимир стольно-киевский!
А нынче что у тебя на разуме:
Выдаешь девчину сам за женщину,
За меня, Василисту, за Микуличну?»
Тут солнышку Владимиру к стыду пришло
Повесил свою буйну голову,
Сам говорил таково слово:
«Молодой Ставер сын Годинович!
За твою великую за похвальбу
Торгуй во нашем городе во Киевс,
Во Киеве во граде век беспощадно!»
Поехали во землю Ляховицкую,
Ко тому королю Ляховицкому.
Тут век про Ставра старину поют,
Сицему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье.

ДЮК

Во той было Ипдеи во богатыя,
А был молодой боярин Дюк Степанович.
Он ходил по тихим по заводям,
Стрелял серых гусей и лебедей.
Он всех выстрелял ровно триста стрел,
Ровно триста стрел да еще три стрелы.
Он трем-то стам цену ведает,
Только трем стрелам цены не ведает.
Как из-под камешка из-под яхонта,
Из-под яхонта да самоцветного,
Убил он три орла, он три орловища.
А не тех убил, которые летают по святой
Руси,
Он тех убил, которые летают по синим
морям.

Как едут гости корабельщики,
Поднимают это перушко орливоё.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату.
Покупали мужички-то да индейские,
Приносили это перушко в подарочек
Ко его-ли ко Дюкову батюшко.
А он сам стрелял молодой боярин Дюк
Степанович.
Он с таких-ли великих со радостей,

Пошел он к государыне родной матушки
Просит прощеньица с благословенъицем
Ехать ко граду ко Киеву,
Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
Он прямой дорожкой не окольною.
Как проговорила его государыня родна
матушка,

Родна матушка Мальфа Тимофеевна:
«Я не дам тебе прощеньица с благосло-
веньицем,

Ехать ко граду ко Киеву,
Ко ласковому ко князю ко Владимиру,
Прямой дорожкой не окольною.
А прямой дорожкой не окольною.
Есть три заставы там да великия:
А первая-то застава есть горы там

толкучии:

В другой раз столкнутся, а в другоры
истолкнутся;
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, молодому, живу не быть.
Есть там другая застава — птицы кле-
вучия,

Они тебя, Дюка, и с конем склюют.
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, молодому, живу не быть.
Есть третья там застава — лежит змейша
горычище,

О двенадцати змеях о хоботах,
И тая тебя и с конем сожрет.
Тут тебе, Дюку, не проехати,
Тут тебе, молодому, живу не быть.
А он, молодой боярин Дюк Степанович,

Он не слушал своей да государыни родной
матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
Он пошел во конюшenkу стоялую,
Взял он уздцу да ведь тесмянную,
Он взял бурушко да ведь кавурушка.
Как у бурушка по колен поги в землю
зарощены.

Он кормил буркá пшеноом да белояровым,
Он поил буркá питьицем медвяным,
Он седлал буркá в черкасское седельшко,
Он потнички-то клал на потнички,
На потнички он клал да ведь войлоки,
А на войлоки черкасское седельшко.
Он натягивал двадцать тугих подругов,
А тридцатый клал для ради крепости,
Чтобы конь с-под седла не выскочил.
Добра молодца с седла не вырутил.
Подруги-ты были шелковые,
Шпеньки у подругов булатния,
Пряжки у него да красна золота.
А как шелк не рвется, булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на кони сидит, не стареет.
Он садился на добра коня,
Прощался с государыней родной матушкой.
Как пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
На прощеньице ему да наказывала:
«Ай ты, молодой боярин Дюк Степанович!
Если бог тебе судит быть во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Ты не хвастай животишками сиротскими,
Сиротскими животишками вдовицами!»

Перво пôприще бурке скочил целу версту,
И припадывал к земли сыро-матерой,
И спрогоvorит человеческим голосом:
«Ай же ты, хозяин мой любимый!
Опушайся-ко с меня, добра коня,
Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
Ты подвязывай под плечико под право,
Да подвязывай под плечико под левое,
Чтоб не странно было сидеть на мне, да
на добром коне».

Как молодой боярин Дюк Степанович,
Он опущался ведь да со добра коня,
А он брал земли да сыро-матерой,
Он подвязывал под плечико под правое,
Да подвязывал под плечико под левое,
И садился он да на добра коня.
Тут стал бурушко-кавурушка поскакивать,
С горы на гору, да с холмы на холму,
А реки озёра перескакивать,
Широкий раздолъя между ног пущать.
А приехал он к граду ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Заехал он среди бела двора,
Поставил он своего добра коня
Не привязана, да не приказана.
А он сам взошел в столову во переднюю,
Он крест кладет по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
А на все на четыре на стороны,
А княгине Апраксии в особину.
А спрогоvorит молодой боярин Дюк
Степанович:
«Вы здравствуйте, княгиня Апраксия!»

А где солнышко Владимир стольне-киев-
ской?» —

«А солнышко Владимир стольне-киевской
Ушел он во божью церковь,
К обедни да ко рании».

Молодой боярин Дюк Степанович,
Он вышел на улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Пошел он во божью церковь.

Мостовые были землею призасыпаны,
Их подило водою дождевою,
Замарал он сапожки зелен сафьяни.

Пришел он во божью церковь,
Он крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
На все на четыре на стороны,
А князю Владимиру в особину.

Неспроговорит Владимир стольне-киевской:
«Ай же ты, удалый добрый молодец!
Ты из какой земли, из какой орды,
Да как тебя, молодец, именем зовут,
Нарекают по отечеству?» —

«Я из той Идеи из богатыя,
Молодой боярин Дюк Степанович.
Отстоял дома ранию заутреню,
А сюда приехал ведь к обедни-де».

Как проговорят князи-бояра,
А также говорят и мелка чета:

«А не быть это молоду Дюку Степановичу!
А какой-нибудь летинушко залётаник.
Он убил князя либо боярина,
Он на платьице свое да ведь поглядыват».
Как и вышли из церкви из божия

На тую улицу на широкую,
На тую дубраву на зеленую,
Мостовые были земелькой принасышаны,
Их подлило водою дождевою,
Замарал он сапожки зелен сафьян.
Как проговорит молодой боярин Дюк

Степанович:

«Я слыхал от родителя от батюшки,
А что Киев очень красив-добрист,
Ажно в Киеве все не по-нашему.
Церкви у вас деревянные,
А маковки на церквях да осиновые.
А у нас-ли во Индеи во богатыя
Церкви у нас да все каменные,
А известочкой они да отбелены,
На церквях-то маковки самодветные,
На домах-то крыщечки золоченые,
Мостовые рудожолтыма приусыпаны,
Сорочинские суконца приозастланы,
Не замараешь тут сапожков зелен сафьян».
Вот зашли они во полаты княженецкие,
Садились за дубовый стол хлеба кушати,
Стали крупивчатьх колачиков оны рушати.
Как молодой боярин Дюк Степанович,
Он мягиш-то ест, а корочку под стол мечет.
А проговорит Владимир стольце-киевский:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степанович!
А ты почто мягиш сишь, а корочку под
стол мечешь?»

Как проговорит молодой боярин Дюк

Степанович:

«Я слыхал от родителя от батюшки,
Что Киев очень красив-добрист,

Ажно в Киеве все не по-нашему.
У вас цечки-то каменныя,
А помелечки у вас да сосновый.
А как пахнут-то колачики крупивчты
На тую серу на сосновую,
На сосновую серу на кипучую,
На кипучую серу на горючую,
Не могу я есть колачиков крупивчтых.
Как у моей государыни у родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимофеевны,
У нас печки все-то муравленые,
А помелечки у нас да шелковыи,
А пекет она колачики крупивчты,
Как колачик-то съешь, так другой хочется,
А другой-то съешь, по третьем душа
горит,
А как третий съешь, четвертый с ума
нейдет».
Тут проговорил Владимир стольний-киев-
ский:
«Ай же ты, молодой боярин Дюк Степа-
нович!
А ты, молодой боярин сам захвастливый.
Ты ударь-ко с нашим Чурилушкой
Илениковичем о велик заклад:
Чтобы сздить вам во чисто поле по три
году,
А по три году да еще по три дни,
Чтобы на всякий день копи были смениные,
Чтобы смениные и перемениные,
А шерсти такой да бы не было,
А платье на всякий день было смениное,
Чтобы цвету такого да не было,

А на третий день вам итти да ко божье
церкви.

А который из вас добрее выступит,
А другому из вас да голова рубить».
И не спустили тут Дюка Степановича
Съездить за платьем за цветным,
Во ту Индею во богатую.
Он сел, боярин, закручинился,
Закручинился да започалися,
Он повесил свою да буйну голоту.
Утушил-то ясны очи во сырьу землю.
Он садился ведь да на ременчат стул,
Писал скорошисчные ёрлычки
Ко своей-ли государыни родной матушке
К пречестной вдове Мальфе Тимофеевне,
Как по Чуриле-то Пленковичу
Держали порукушку двумя грады:
А первым градом Киевом,
А другим градом Черниговом.
А молодому боярину Дюку Степановичу
Держал поруку крецкую
Тот-ли владыко Черниговский,
Его-ли крестовый он батюшко.
Клая на бурушка сумки перметных,
Сам он говорит таково слово:
«Ай ты, бурушко-ковурушко!
Когда прискажешь во Индею во богатую
К мосей-то государыне родной матушке,
Ты заржай-ко голосом лошадиным!»
Услыхала голос лошадиный
Его-ли государыня родна матушка,
Выбегала па крылечко переднее,
А сама говорит да таково слово:

«Видно, нет жива моего дитятки,
Молода боярина Дюка Степановича!»
Как увидала сумки переметныя,
И говорит да таково слово:
«Как мой-ли молодой боярин Дюк Степа-
нович захвастилий,
Захвастилий, да, знать, захваченой!»
Вынимала скорописчатые ёрлычки,
Кладывала туды платьица на каждой день;
На каждой день по три платьица.
Сменные и переменные по три годы,
По три годы, еще и по три дни.
Отпускала бурушка-ковурушка,
Сама говорит да таково слово:
«Как прискажешь ты во Киев-град,
Во Киев-град на княжеский двор,
Ты заржай-ко лошадиным голосом!»
А молодой боярин Дюк Степанович,
Услыхал он своего добра коня,
Он взял сумки да ведь переметныя.
Тут поехали во чисто поле поляковать,
А Чурилушка Пленкович изгнал коней он
целым стадом,
А молодой боярин Дюк Степанович,
Цораньше-то он повыстанет,
Бурка в росы он повыкатаст,
На бурке-то шерсть да персменится.
И тут они проездили по три годы,
По три годы да еще по три дни.
А сегодня итти им ко божьей церкви.
А тому-ли Чурилушке Пленковичу
Во своем-ли ему городе да деется,
Становился он на крылоса на правое,

А молодой боярин Дюк Степанович,
Становился он на крылосо на левой.
А Чурилушко Пленкович взял он плеточку
шёлковую,

Стал он плеточкой по пуговкам поваживать
Пуговкой о пуговку позванивать.
Как от пуговки было да до пуговки,
Плынет зменище горынчище,
О двенадцати змея о хоботах.
Как испроговорят князи-бояра,
И также говорит и вся мелка чета:
«Как у нашего Чурилушки Пленковича
Есть отметочка против молода боярина
Дюка Степановича!»

А молодой боярин Дюк Степанович,
Он повесил свою да буйну голову,
Уступил ясны очи во сырьу землю.
Он взял-то плеточку шёлковую,
Стал плеточкой по пуговкам поваживать,
Пуговкой о пуговку позванивать.
Как от пуговки было да до пуговки
Налетели тут птицы клевучии,
Наскакали тут звери рыкучии.
А тут в церкви все да б зень пали,
О зень пали, да йны обмерли.
Тут проговорит Владимир стольний-киев-
ский:

«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович
Приуми-тко ты птиц тых клевучиих,
Призакличь-ко тых зверей рыкучиих,
Да оставь-ко ты народу хоть на семена.
Тут проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:

«Я сегодня не твое ем, да кушаю,
Не хочу тебя и слушати!»

Как проговорит владыко-то Черниговский,
Его-ли крестовый батюшко:

«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
Призакличь-ко ты штиц клевучих,
Приуйми-тко ты зверей ыкучих,
Ты оставь-ко народу нам на семена».

А тут молодой боярин Дюк Степанович,
Послушался крестового он батюшки,
Призакликал штиц он клевучих,
Приунял зверей тых рыкучих.

Тут проговорит молодой боярин Дюк
Степанович:

«Ай же, солнышко, Владимир стольпий-
киевский!

Нам которому с Чурплю голова рубить?»

Как возговорил Чурилушка Пагикович:

«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
Ты ударь-ко со мною о велик заклад.

А который из нас перескочит через Пучай-

реку,

А который из нас да не перескочит, —

Тому из нас да голова рубить,

А Пучай-река да на два поприща!»

Тут проговорил молодой боярин Дюк

Степанович:

«А твоя ли похвальба наперед зашла!

Ты скачи-ко прежде чрез Пучай-реку.

Он скакал Чурило чрез Пучай-реку:

О полу реки Чурило в воду вверзился.

А как молодой боярин Дюк Степанович

Скоро-наскоро скакал да чрез Пучай-реку,

Он скорее того поворот держал,
О позу реки он на воды принадывал,
И Чурилу за желты кудри захватывал,
Повытацил Чурилушку с конем с воды
И сам он говорит да таково слово:
«Ай ты, солнышко, Владимир стольний-
киевский»

Нам которому с Чурилой голова рубить
Тут проговорил Владимир стольний-
киевский

«Ай же, молодой боярин Дюк Степанович!
Не руби-то ты Чурилы буйной головы!
Ты оставь-ко нам Чурилу хоть для памяти!
Тут проговорил молодой боярин Дюк
Степанович»

«Ай же ты, Чурилушка Пленкович!
А пусть ты князем Владимиром упро-
шенный,

А киевскими бабами уплаканный.
Ты не езди-то с нами, со бурлаками,
Ты не езди во чисто поле поляковать,
А живи ты в граде во Киеве,
В Киеве во граде между бабами!»

Тут Владимир стольний-киевский
Посыпал он тут обцепициков
Во тую-ли Индею во богатую
К пречестной вдове Мальфы Тимофеевне
Во первых старого казака Илью Муром
А в-других молоды Добрыношку Ни-
тича

А он в-третьих Олешушку Поповича.
Тут проговорил молодой боярин Дюк
Степанович»

«Ай ты, солнышко, Владимир стольний
киевский.
Не посырай-ко ты Олешупику Поповича.
У него глазищечка-ты ионовский,
А ионовский глазищечка завидливы,
Не выехать ему из той Индеи из богатыя.
Не берите-ко бумаги на три месяца,
Вы берите-ко бумаги на три году,
На три году, да еще на три дни».
Тут солнышко, Владимир стольний-киев-
ский,

Отправлял-то старого казака Илью
Муромда,
Отправлял-то молода Добрынушку Ники-
тича.

Как приехали под Индею под богатую,
Они выстали на гору на высокую,
И увид'ли ту Индею да богатую,
Самц говорят да таково слово:
«Как молодой боярин Дюк Степанович,
Знать, послал он весточку к своей матушке,
Что зажгана Индея та богатая».

Как приехали в Индею ту богатую,
А тут церкви были все каменные,
Стены известочкой отбелены,
На церквях маковки самоцветныя,
На домах крышечки да золоченыя,
Мостовые рудожелтыми песочками при-
усыпаны,

Сорочинские суконда приразостланы.
Вот зашли они в иолаты белокаменны,
Вот сидит жена да стара-матера,
Стара-матера да и вся в золоте.

Они бъют челом да поклоняются:
«Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!»
Испроговорит жена да стара-матера:
«Я не есть-то Дюковая матушка!»
Тут прошли они в полаты во передния,
Тут сидит жена да стара-матера,
Она боле того да и вся в золоте.
Они бъют челом да поклоняются:
«Вы здравствуйте, да Дюковая матушка!»
Испроговорит жена да стара-матера:
«Я не есть-то Дюковая матушка.
Я есть-то Дюковой матушки коланица». —
«А где-же есть-то Дюковая матушка?»
Испроговорит жена да стара-матера:
«А Дюковая матушка
Ушла она в божою церковь,
К обедне-то ко поздней».
Как идет-то Дюковая матушка:
Двое-трое ведут ее под руки,
А и сама говорит де таково:
«Вы здравствуйте, мужички да вы
оценщики!
Вы зачем сюда да ведь приехали?
Знать, животицеков сиротских
описывать?»
Тут прошли они в полаты белокаменны.
Садилися они за столы дубовые,
И стали за столом они да кушати,
И круивчатых колачиков рушати.
Как колачик-то съешь, другой хочется,
Другой съешь, но третьем душа горит,
А третий-то съешь, четвертый с ума
иейдет.

Тут пречестна вдова да Мальфа Тимофеевна
Привела их в погреба глубокии,
Ко тем ли сбруям лошадиным,
Да тут они писали по три годы,
По три годы, да еще по три дни.
Еще привела: висят бочки красна золота,
А другие висят чиста серебра,
А третьи висят скатна жемчуга.
Потом вывела на улицу да на широкую:
Течет-то струйка золоченая,
И тут они не могли и сметы дать.
Сама говорит таково слово:
«Лай же вы, мүжички да вы оценщики!
Поезжайте вы къ граду ко Киеву,
Ко тому ли къ князю ко Владимиру,
Вы скажите-тко князю Владимиру:
Он на бумагу продаст Киев-град,
А на чернила продаст весь Чернигов-град,—
А тогда приедет животищеков сиротских
описывать».

Как старый казак Илья Муромец
Да молодой Добрыня сын Никитинич,
Они приехали-то къ граду ко Киеву,
Къ солнышку князю ко Владимиру,
И сами говорят да таково слово:
«Наказывала Дюковая матушка
На бумагу продать весь Киев-град,
На чернила продать Чернигов-град,—
Тогда приехать животищеков сиротских
описывать».

Тут проговорил Владимир стольний-кіев-
ский:
«Лай же, молодой боярин Дюк Степанович!

За твою ли за великую за похвальбу,
Ты торгуй-то в нашем вó граде во Киеve
А во Киеve во граде да без пошлины!¹
А тут молодой боярин Дюк Степанович,
Он садился на своего добра коня,
Он поехал-то в Индею во богатую
Ко своей государыни родной матушке,
К пречестию вдове Мальфе Тимофеевна,
А он сделал с нею доброе здоровьице.
А тут век про Дюка старину скажут,
Синему морю на тýшину
Добрым людям на послушанье.

ПРО ЧУРИЛУ

В Новом городе было
Как не во пору пороха выпадала,
Как не во пору да не во времё,
Середь лета было о Петрово дни.
По той по порохе снегу белого
Не бел горносталь да шел-проскакивал,
Да шел-прошел да добрый молодец,
Да молод Чурило да сын Илёнкович.
Да пяты шилом носки были востры.
Да пяди пяту хоть воробей лети,
Кругом носка хоть сцдо кати.
Да шубоцька на ём семисот рублей,
На щубы подтяжка позолочена,
Да ожерелье у щубы чёрна соболя,
Не того де соболя сибирьского,
Не сибирьско соболя заморского.¹
Да пуговки у его были вальячныи,
Того ли вальяку краснозолоту.²
Да петелки то были шёлковы.
Да того де шолку, шолку белого,
Да белого шолку шамахильского.
Да шел-то он да ко чужу двору,

¹ «Это с Камчатки». (Примеч. сказителя).

² «Это дорогое золото». (Примеч. сказителя.)

Ко чужу двору ко Перемётыну,
Перемету дома не лучилоси,
Свят Васильевица не погодилосе,
Уехал он да ле во чисто полё
Да бить гусей да белых лебедей,
Да серых маленьких утицей.

Бежал-то он да ле на красиб крыльцо,
Стучит, бречит он да за злато кольцо,
Дергат ремешок да семишлковый,
Выходит ле Настасья да дочь Викушина,
Сама говорит она да ле таково слово:
«Да кто ю ворот стоит, толкаитссе,
Стучит, гремит да во злато кольцё,
Дергат ремешок семишлковый?» —
«Да я ле, Настасья дочь Викушина,
Да я у ворот етом толкаюссе
Тебя ли, Настасья, ожидаюся».

Открыват она тут да новы ворота,
Брала Чурилу за белы руки,
Вела его, Чурилу, да по новым сеням,
Да по новым сеням да в ибу горницю.
Да разделся Чурила чуть не донага,
Да розулся Чурила ведь лобоса,
Да шубоцьку он па грядоцьку,
Да шапку, рукавки на лавоцку,
Сапожки, чулочки под кроватоцку,
Кормила она его вить поньце досыта,
Поила она поньце доцьяна,
Ложился Чурила вить с чужой женой,
С чужой женой да с чужой мужьей же.
Приходит тут девоцка служаноцка,
Сама говорит да таково слово:
«Да глуп ты, Чурило сын Илёнкович,

Живёшь ты ионь не по-дорожиому,
Живёшь ты ионь да по-домашнему,
Розделся ведь ты чуть не дынага,
Розулся ты уж ведь ионьде дёбоса,
Спиши-лежиши да со чужой женой,
Со чужой женой да с чужой мужьей же.
Скажу Перемёту я Васильевичу».
Говорит Чурило да таково слово:
«Гой еси ты, девушка чернавушка,
Не сказывай, девушка чернавушка,
Куплю я тебе в косу лентоцку,
Которая лента стоит сто рублей». —
«Не надо мне твоя лентоцка,
Которая стоит хош и сто рублей, —
Скажу Перемёт я Васильевичу».
— «Не сказывай, девушка служацка,
Куплю сарафан тебе на золоти,
Который стоит восемьсот рублей». —
«Не надо сарафана мне твой на золоти,
Который стоит хоть и восемьсот рублей,
Скажу я Перемёт я Васильевичу».
— «Не сказывай, девушка служацка,
Куплю тебе шубку камчатную,
Которая стоит девятьсот рублей». —
«Не надо мне-ка твоя шубоцька,
Хоть которая стоит девятьсот рублей,
Скажу Перемёт я Васильевичу».
Выходила она тут на красно крыльце,
Смотрела она во чисто поле.
Да едет детина из чиста поля
Да конь по ним да аки лютый зверь,
На кони молодец да как ясён сокол.
Приворачиват да он ко тому двору,

Ко тому крылью ко Неремётыпу,
Синнат то он свой пухов колпак:
«Да здравствуй ты, девушка служакоцка,
Спасибо тебе, хоть меня встретила,
Да где же у меня ионь молода жена,
Почему она меня не встретила?
Пировать ушла ле, столовать ли ушла,
Ле нёвремя како случилосе?»
Говорит тут девушка служакоцка:
«Не пировать ушла, не столовать ушла,
И нёвремя никако мне случилосе,
Богатство к твоей жены привязалосе:
Прибежал ведь конь из чиста поля,
Заскочил ведь конь да во зелёный сад,
Примая то ведь травоинку шелковую,
Да пришил питья да всё медяные».
На то Неремёт то он догадлив был,
Соскакивал да со добра коня,
Привязал коня да к золоту кольцу,
Бежал то он на краснó крыльце,
На краснó крыльце по новым сеням,
На краснó крыльце да прямо в горницу.
Неремёт от по горенке иохаживат,
В пол коньем да подшираетце,
Сабелька да изгибаестце,
Из кольца в кольцо да изкиваестце,
Ясиёненецко везде высматриват,
Увидел он ведь уж на грядоцки,
На грядоцки да висит шубоцка.
«Это что у тя поштё, это что у тя наштё?»
Говорит тут Настасья дочь Викулинича:
«Ой еси, Неремёт сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговицю,

Купила тебе я кунью шубоцку,
Котора стоит ведь семьсот рублей.
На людях вижу — на тебе сударь люблю.
Перемёт от по горенке похаживат,
Сабелькой в пол подпираитце,
Да сабелька изгибантце.
Из кольца в кольцо извиваестце,
Ясиёшенько везде высматриват.
Увидел он уж на лавоцки,
На лавоцки да лежит шапоцька,
Да шапка лежит, да уж с рукавками.
«Это что у тебя поштё, и это что у тебя
напитё?»

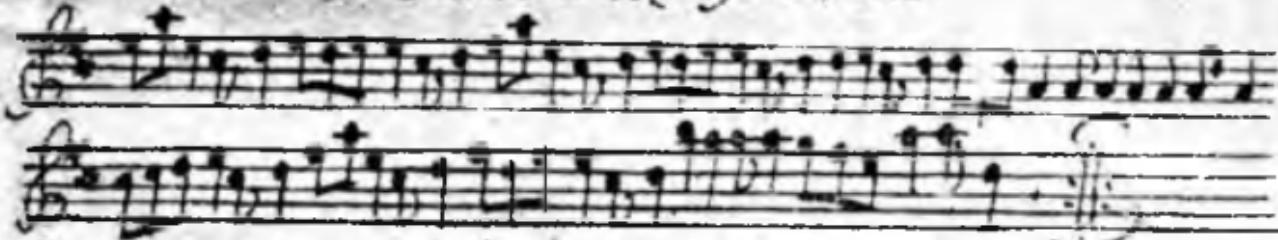
Говорит Пастасья дочь Викушина:
«Ой еси, Перемёт сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговицю,
Купила я тебе ведь шапоцьку,
Шапку купила ведь да и с рукавками,
На людях вижу — на тебе, сударь, люблю.
Перемёт то по горенке похаживат,
Сабелькой в пол подпираетце,
Да сабелька изгибантце,
Из кольца в кольцо извиваестце.
Ясиёшенько везде высматриват.
Увидел он да под кроватоцкой,
Под кроватоцкой лежат да сапожецки,
Сапожки лежат да со чулодками.
«Это что у тебя поштё и это что у тебя
напитё?»

«Ой, Перемёт от сын Васильевич,
Вечор я ходила во торговицю,
Купила я тебе уж сапожецки,
Сапожки купила и с чулодками.

На людях вижу — на тебе, сударь, люблю». Перемёт от по горенке похаживат, Сабелькой в пол подпираетце, Да сабелька изгибаетце, Из кольца в кольцо пзвиваетце, Яснёшенько везде высматриват. Увидал он ведь на кроватоцке, На кроватоцке да лежит молодец. Ставал то Чурило с кроватоцки, Да шадал ему он во резвый ноги. «Да здравствуй ты, брателко названой мой!». Говорит Перемёт от таково слово: «Да глуп ты, Чурило сын Плёнкович, Да рано тебе ведь я уж сказывал, Доселе, знать, я тебя уговаривал, Што не знайся ведь Чурило с моей женой, Доведет жена ведь до погибели». Не ясён сокол как крылом махнул, Махнул крылом да крылом правым же. Махнул Перемёт да саблей вострою, По той по шее по Чуриловой.¹ Говорит тут Настасья дочь Викулиша: «Где белу лебедю лежать, Тут и белой лебёдучке». Говорит Перемёт таково слово: «Да я вашей заповеди не грушаю». Не ясён сокол да как крылом махнул, Махнул крылом да крылом правым же, Махнул Перемёт да саблей вострою, По той по шее по Настасьиной. Он тут служанку взамуж взял за верность.

¹ «Голову отсек». (Приклич. сказитец.)

Василий Буслаев

Владимир великий князь Граде сидел бу́сюи дядько
настое честе (Новгородъ-Городской фольк-непрекрасна
Софийским новогородским попеченьем лобзами и ветхариване
Фибуки бу́сюи Состарка (Состарка и пирк-таки) я побѣ
Его велику рогатова атавала (Его фибъе бб.твѣ и в/е =
и имене дворянинъ атавала матеря вдовы матеря
амбера титиофельвна атавала (а Тадо милая молодой
Свінъ Василии бу́сюи бургъе) великая (ели Городъ
одавала матушка родимая матеря вдова амбера
тииофельвна учитъе Его воротомъ атрамотъ Ему =
внауки пошли при сущимъ первомъ Его ти (супъ ти сио
василью внауки пошли одавала пѣтье учитъе церковное)

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ

В славном великом Новеграде
А и жил Буслай до девяноста лет;
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новогородскими
Понерек словечка не говоривал.
Живучи, Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После его веку долгого
Оставался его житье-бытье
И все имение дворянское;
Осталася матери вдова,
Матери Амелфа Тимофеевна,
И оставался чадо милое —
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Василька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матери вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте, —
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать, —
Письмо Василью в наук пошло.
Отдавала пятью учить церковному, —
Нелье Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певда
Во славном Новгороде

Сопротив Василья Буслаева.

Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницами с безумницами,

С веселыми, удалыми добрыми молодцами,
Допьяна уж стал напиватися, —

А и, ходя в городе, уродует:

Которого возьмет он за руку,

Из плеча тому руку выдернет;

Которого заденет за ногу,

То из . . . ногу выломит;

Которого хватит нонек хребта,

Тот кричит, ревет, окарачь ползет,

Ноша-то жалоба велика,

А и мужики новгородские,

Носадские богатые,

Приносили жалобу они великую

Матерей вдове Амелии Тимофеевне

На того на Василья Буслаева;

А и мать-то стала его журить-бранить,

Журить-бранить, его на ум учить. —

Журьба Ваське не взлюбилась.

Ношел он, Васька, во высок терем,

Садился Васька на ременчатой стул,

Нисал ярлыки скорописчать,

От мудрости слово поставлено:

«Кто хощет шить и есть из готового,

Валися к Ваське на широкой двор, —

Тот пей и спи готовое

И поси платье разноцветное».

Рассыпал те ярлыки со слугой своим

На те улицы широкие

И на те частые переулочки;

В то же время поставил Васька чай середи двора,

Паливал чай полон зелена вина,
Онущдал он чару в полтора ведра.

Во славном было во Новограде

Грамотны люди шли,

Прочитали те ярлыки скорописчные,

Пошли ко Ваське на широкой двор

К тому чаину, зелену вину;

Вначале был Костя Новоторженин,

Пришел он, Костя, на широкой двор;

Василий тут его опробовал,

Стал его бить червленым вязом;

В половине было палито

Тяжела свиницу чебурацкого,

Весом тот вяз был во двенадцать пуд, —

А бьет он Костю по буйной голове,

Стоит тут Костя, не шевельнется,

И на буйной голове кудри не тряхнутся.

Словорил Василий, сын Буслаевич:

«Гой еси ты, Костя Новоторженин!

А и будь ты мие названой брат,

Иначе мие брата родимого».

А и мало время позамешкации,

Пришли два брата боярченка,

Лука и Моисей, дети боярские,

Пришли ко Ваське на широкой двор.

Молодой Василий, сын Буслаевич,

Тем молодцам стал радошен и веселешенек.

Пришли тут мужики Залещена:

И не смел Василий показатися к вим.

Еще тут пришло семь братьев Сбродовичи —

Собиралися, сходилися

Тридцать молодцов без единого,
Он сам, Василий, тридцатой стал; —
Какой зайдет, убьют его,
Убьют его, за ворота бросят.
Послышил Васенька Буслаевич,
У мужиков новгородских
Канун варен, пива ячныя;
Пошел Василий со другиною,
Пришел во братчину в Никольщицу:
«Не малу мы тебе сыпь платим:
За всякого брата по пяти рублев».
А за себя Василий дает пятьдесят рублей
А и тот-то староста церковной
Приимаш их во братчину в Никольщину;
А и зачали они тут канун варен пить,
А и те-то пива ячныя.
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хораброю;
Начали они туда зелена вина
И пришли во братчину в Никольщину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого,
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного
Началася драка великкая;
Молодой Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху онемел;
А и тут Василий закричал громким
голосом:

«Гой еси ты, Костя Новоторжениц,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже Ваську меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали, —
Кричат, ревут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородские.
Бьюсь с вами о велик заклад,
Напущаюсь я на весь Новгород
Битися, дратися,
Со всею дружиною хораброю;
Тако вы меня с дружиною побьете Новым
городом,
Буду вам платить дани, выходы по смерть
свою,
На всякой год по три тысячи;
А буде же я вас побью,
И вы мне покоритеся,
То вам платить мне такову же дань.
И в том-то договоре руки они подписали.
Началась у них драка-бой великая, —
А мужики новгородские,
И все купцы богатые,
Все они вместе сходились,
На млада Васютку напущались,
И дерутся они день до вечера, —
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Со всею дружиною хораброю,
Прибили они во Новгороде,

Прибили уже много до смерти.
А и мужики новгородские догадались.
Пошли они с дорогими подарки
К матерей вдове Амелфе Тимофеевне.
«Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Умни свое чадо милое,
Василья Буслаевича».

Матера вдова Амелфа Тимофеевна
Принимала у них дороги подарочки,
Носызала девушку чернавушку
По того Василья Буслаева.

Прибежала девушка чернавушка,
Схватила Ваську во белы руки,
Потащила к матушке родимая,
Притащила Ваську на широкой двор;
А и та старуха неразмышлена,
Носадила в погреба глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.

А сго дружина хорабрая
Со теми мужики новгородскими
Дерутся, боятся день до вечера;
А и та-то девушка чернавушка
На Волх реку ходила по воду,
А взмолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка чернавушка!
Не подай нас у дела у ратного.
У того часу смертного».

И тут девушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,

Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новогородским, —
Прибила уж много до смерти,
И тут девка заыхалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А и спиши ли, Василий, или так
лежишь?

Твою дружину хорабрую
Мужики новгородские
Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василий пробуждается,
Он выскочил на широкой двор, —
Не пошла палица железная,
Что пошла ему ось тележная,
Побежал Василий по Новугороду,
По тем по широким улицам;
Стоит тут старец Илигриница,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд;
Кричит тот старец Илигриница:
«А стой ты, Васька, и не попорхивай,
Молодой глаздырь, не полетывай, —
Из Волхова воды не вынити,
Во Новеграде людей не выбити;
Есть молодцов сопротив тебя,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец Илигриница!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,

Опричь почестного монастыря,¹
Опричь тебя, старца Илларионища,
Во задор войду — тебя убью».
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележно о,—
Качается старец, не шевельнется;
Заглянул он, Василий, старца под
колоколом

А и во лбе глаз — уж веку нету.²
Пошел Василий по Волх-реке,
А идет Василий по Волх-реке,
По той Волховой по улице.
Завидели добрые молодцы,
А сго дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева, —
У ясных соколов крылья отросли,
У них-то молодцов думушки прибыло;
Молодой Василий Буслаевич
Пришел-то молодцам па выручку, —
Со теми мужики новогородскими
Он дерется, бьется день до вечера;
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися, —
Цонесли они защиши крепкия
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне;
Насыпали чашу чистого серебра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, покланяются:
«Осударыня матушка,

¹ А не с честным монастырем.

² Во лбу глаз уже давно ног.

Принимай ты дороги подарочки,
А уйми соо чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить:
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц поваленчное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов».

В та поры матери вдова

Амелфа Тимофеевна

Носылала девушку чернавушку
Привести Василья со дружиною;
Пошла та девушка чернавушка,
Бежавши та девка запыхалася,
Нельзя пройти девке по улице,
Что полтын по улице валяются
Тех мужиков новгородских.

Прибежала девушка чернавушка,
Схватила Василья за белы руки,
А стала ему рассказывать:

«Мужики пришли новгородские,
Принесли они дороги подарочки
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударыне матушке,
К материей вдове Амелфе Тимофеевис».
Новела девка Василья со дружиною
На тот на широкой двор,
Привела-то их к зелену вину;
А сели они, молодцы, во единой круг,

Выпили ведь по чарочке зеленца вина,
Со того уразу молодецкого
От мужиков новгородских;
Вскричат тут ребята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уедено
Вкрасне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье павек залезено».
И повел их Василий обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
В та поры мужики новгородские
Приносили Василью подарочки,
Вдруг сто тысячей,—
И затем у них мирова попла;
А и мужики новгородские
Покорились и сами поклонились.

ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ МОЛИТЬСЯ ЕЗДИЛ

Под славным, великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает, поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныриваст;
А плавает, поплавает червлен корабль
Как бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною
хораброю,

Тридцать удалых молодцов:
Костя Цикитин корму держит,
Маленькой Потаня на носу стоит,
А Василий-то по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет, моя дружина хорабрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильмения,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Походил тут Василий ко своему он двору
дворянскому,
И за ним идет дружинушка хорабрая;
Только караулы оставили,
Приходит Василий Буслаевич
ко своему двору дворянскому.

Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне,
Как вьюн около ее убивается,¹
Присит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое,
Нтти мне, Василью, в Ерусалим-град,
Со всею дружиною храброю,
Мне-ко господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера вдова,
Матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословения великого,
А и не носи Василья сыра-земля».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материнно сердце распущается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружие долгомерное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,

¹ Вместо: «увивается».

Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Ильменю;
Бегут они уж сутки, другие,
А бегут уже неделю, другую, —
Встречу им гости-корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда молодец произволил погулять?»
Отвечает Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-корабельщики.
А мое-то ведь гулянье неохотное:
С молоду бито много, граблено,
Под старость надо душа спасти;
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-корабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Иерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой полтора года. —
На славном море Каспийским,
На том острову на Куминским,
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие,
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы, галеры,
Разбивают червлены корабли».
Говорит тут Василий Буслаевич:
«А не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленой вяз;
А бегите-ко, ребята, вы прямым путем».
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко кругу берегу,
Походил Василий сын Буслаевич

На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летит дружина хорабрая.
Будет Василий в полу-горе;
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость;
Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василий Буславьевич!
Ты к чему меня, голову побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был;
Умею я, молодец, валятися,—
А на той горе Сорочинский,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой».
Плюнул Василий, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит,
Или нечистой дух».
Пошел на гору высокую,—
На самой сопке тут камень стоит,
В вышину три сажени печатныя,
А и через него только топор подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписава:
«А и кто-де у каменя станет тешиться,
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову».
Василий тому не верует,
Приходит со дружиною хораброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперек того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смеют скакать.

Пошли со горы Сорочинский,
Сходят они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспийскому
На ту на заставу корабельную,
Где-то стоят козаки-разбойники,
А стары атаманы козачие;
На пристани их стоят сто человек.
А и молодой Василий на пристань стал;
Сходни бросали на крут бережок, —
И скочил-то Буслай на крут бережок,
Червленым вязом подпирается.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испугались;
Много его не дожидаются,
Нобежали с пристани корабельные
К тем атаманам козачиим;
Атаманы сидят, не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великого,
Это-де идет Василий Буславьевич;
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецка».
Пошагал-то Василий со дружиною,
Где стоят атаманы козачие;
Пришли они, стали во единой круг.
Тут Василий им поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«Вздраствуйте, атаманы козачие.
А скажите вы мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Говорят атаманы козачие:

**«Гой еси, Василий Буслаевич!
Милости тебя просим за единой стол хлеба
кушати».**

**В та поры Василий не ослушался,
Садился с ними за единой стол;
Наливали ему чару зелена вина в полтора
ведра;**

**Принимает Василий единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полу-ведра пить.
И хлеба с солью откушали.**

**Сбирается Василий Буслаевич
На свой червлен корабль;
Дают ему атаманы козачие подарки свои:
Первую мису чиста серебря
И другую — красна золота,
Третью — скатного жемчуга.**

**За то Василий благодарит и кланяется,
Просит у них до Ерусалима провожатого.
Тут атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатого
И сами с ним прощалися.**

**Собрался Василий на свой червлен корабль
Со своею дружиною хораброю;
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспийскому. —
Будут они во Ердань-реке,
Бросали якори крепкие,
Сходни бросали на крут бережок;
Походил тут Василий Буслаевич,
Со своею дружиною хораброю,
В Иерусалим-град;**

Пришел во церкви соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василья Буслаевича;
И обедню с панихидою служил
По родном своем батюшке
И по всему роду своему;
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцов,
Что с молоду бито много, граблено.
И ко святой святыне приложился он,
И в Ердане-реке искупался.
И расплатился Василий с попами и с
дьяконами;
И которые старцы при церкви живут,
Дает золотой казны не считаючи.
И походит Василий ко дружине
Из Ерусалима на свой червлен корабль;
В та поры его дружина хорабрая
Купалася во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердане-реке?
А не кому купатися, опричь Василья
Буславьевича. —
Во Ердане-реке крестился сам господь
Иисус Христос;
Потерять его вам будет большого
Атамана Василья Буслаевича».
И они говорят таково слово:
«Наш Василий тому не верует ни в сон,
ни в чох».
И мало время произойдучи,
Пришел Василий ко дружине своей.

Приказал выводить корабль
Из устья Ердачъ-реки;
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспийскому,
Приставали у острова Куминского.
Приходили тут атаманы козачие
И стоят все па пристани корабельный;
А и выскоцил Василий Буслаевич
Из своего червленого корабля,
Поклошились ему атаманы козачие:
«Здравствуй, Василий Буслаевич,
Здорово ли съездил в Ерусалим-град?»
Много Василий не бант с ними,
Подал письмо в руку им,
Что много трудов за их положил,
Слукцил обедни с молебнами за их молодцов.
В та поры атаманы козачие
Звали Василья обедати,
И он не пошел к ним;
Прощался со всеми теми атаманы козачими,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по морю Каспийскому к Нову-
городу.
А и едут неделю споряду,
А и едут уже другую;
И завидел Василий гору высокую
Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать, —
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору.
Пошел Василий со дружиною,
И будет он в пол-горы,

И на пути лежит пуста голова, человечья
кость.

Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова:

«**Гой** еси ты, Василий Буслаевич.

К чему меня, голову, попинываешь
И к чему побрасываешь?

Я, молодец, не хуже тебя был,

Да умею валятися па той горе Сорочинский;

Где лежит пуста голова,

Лежать будет и Васильевој голова.

Плюнул Василий, прочь пошел.

Взошел на гору высокую,

На ту гору Сорочинскую,

Где стоит высокой камень,

В вышину три сажени печатныя,

И через его только топором подать,

В долину три аршина с четвертью;

И в том-то подпись подписана:

«**А** и кто-де у каменя станет тешиться,

А и тешиться, забавлятися,

Вдоль скакать по каменю,

Сломить будет буйну голову».

Василий тому не верует;

Стал со дружиною тешиться и забавлятися,

Поперек каменю поскакивати;

Захотелось Василью вдоль скакать,

Разбежался, скочил вдоль по каменю,

И не доскочил только четверти,

И тут убился под камнем.

Где лежит пуста голова,

Там Василья схоронили.

Побежала дружина с той Сорочинской горы

На свой червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали ко Новугороду;
И будут у Новагорода,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове к Амелфе
Тимофеевне.

Прошли и поклонилися,
Все письмо в руки подали;
Прочитала письмо матери вдова, сама
заплакала,

Говорила таковы слова:
«Гэй вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечего;
Подите в подвалы глубокис,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка чернавушка
К тем подвалам глубокиим,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила, кормила, обувала и одевала
добрых молодцов».

В та поры материа вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина;
Подносит девушка чернавушка
Тем удалым добрым молодцам;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотелося.

САДКО

Во славноем в Новеграде
Как бы Садкé купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садкé.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садкé соскучился:
Как пошел Садкé к Ильмень озеру.
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садкé перéпался,
Пошел прочь от озера во свой во
Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садкé соскучился:
Как пошел Садкé к Ильмень озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садкé перéпался,

Пошел прочь от озера во свой во Нов-
город.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен шир.
По том Садкé соскучился:
Как пошел Садкé к Ильмень озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыхнулась,
Показался царь морской,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Садкé новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великия,
За твою-то игру пежиную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди-свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садкé, счастлив будешь».
Пошел Садкé от Ильменя от озера.
Как приходил Садкé во свой во Новгород,
Позвали Садкé на почестен пир.

Как тут Садкé новгородский
Стал играть в гуселки яровчать;
Как тут стали Садкé попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садкé стал похващывать:
«Ай же вы, купцы повгородские.
Как знаю чудо чудное в Ильмень озере:
А есть рыба — золоты перья в Ильмень
озере».

Как тут-то купцы новогородские
Говорят ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень озере рыбы —
золоты перья». —

«Ай же вы, купцы новогородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного.
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень озеро:
Закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новогородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садкé поторговывать,
Стал получать барыши великие.

Во своих палатах белокаменных
Устроил Садкé все по-исбесному:
На небе солнце, и в палатах солнце,
На небе месяц, и в палатах месяц,
На небе звезды, и в палатах звезды.
Потом Садкé купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тыих мужиков новгородских
И тыих настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иный хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молоде-
чеством,
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедалися,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садкé ничем не похвастает,
Что у нас Садкé ничем не похваляется?»
Говорит Садкé купец, богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.

**А похвастать — не похвастать бессчетной
золотой казной:**

**На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новогородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,
Как настоящатели новогородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары нового-
родские,**

**Худые товары и добрые,
Чтоб в Новеграде товаров в продаже боле
но было.**

**Ставал Садкé на другой день раным рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны,
И распушдал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новогородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.**

**На другой день ставал Садкé раным рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распушдал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую нового-
родскую.
Опять выкупал товары новогородские,**

Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На третий день ставал Садкé раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распуштал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары московские
На тую на великую на славу новгород-
скую.

Как тут Садкé пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Още повыкуплю товары московские,
Подоспят товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский,—
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он наставителям новгородским
Денежек он тридцать тысячей.
На свою бессчетну золоту казну
Построил Садкé тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленых;
На ты на корабли па черленые
Свалил товары новгородские,
Поехал Садкé по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,

Насынал бочки сороковки красна золота,
Чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал оп по синю морю.
На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синем
море:

А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.
Говорит Садкé купец, богатый гость,
Ко своей дружины ко хоробрыя:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спущайте бочку во сине море».

Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку сороковку красна золота,
Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьет, паруса рвет,
Ломает кораблики черленые;
А корабли всё нейдут с места на синем
море.

Говорит Садкé купец, богатый гость:
«Видно, даръ морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны
Я сам сделаю на красном на золоте
Всяк свои имена подписывайте,
Спущайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдет,
Таковому итти в сине море».
Делали жеребья вольжаны,
А сам Садкé делал на красном на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спущали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка купца ключом на дно.
Говорит Садкé купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья не правильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребей вольжаный».
Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садкé делал жеребей вольжаный,
Всяк свое имя подписывал,
Спущали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка купца ключом на дно.¹

* * * * *

1 Этим не оканчивается испытание: Садко предлагает дружине сделать жеребья дубовые, а сам делает липовое; потом дружина делает жеребья липовые, а он дубовое. (Примеч. собирателя.)

Говорит Садкé купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый».
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.
Он стал именьице отписывать:
Кое именье отписывал божым дерквам,
Иное именье ницей братии,
Иное именье молодой жены,
Остатнее именье дружины хорбрыя.
Говорил Садке купец, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчата,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?»
Взимает он гуселки яровчата,
Сам говорит таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мне страшно принять смерть на
синем море».

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.
Остался Садке на синем море.
Со той со страсти со великия
Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садке во синем море,
Во синем море, на самом дне.

Сквозь воду увидел пекучись красное
солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садкé, во синем море
Стонит палата белокаменная,
Заходил Садкé в палату белокаменную:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя, как куча сеянья.
Говорит царь таковы слова:
«Ай же ты, Садкé купец, богатый гость!
Век ты, Садкé, по морю езживаля,
Мне царю дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчата:
Поиграй же мне в гуселки яровчата».
Как начал играть Садкé в гуселки яровчата,
Как начал плясать царь морской во синем
море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садкé сутки, играл и другие,
Да играл еще Садкé и третий,
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смущилася,
Стало разбивать много кораблей на синем
море,
Стало много гинуть именьицев,
Стало много тонуть людей праведных:
Как стал народ молиться Миколы
Можайскому.
Как тронуло Садка в плечо во правое:
«Ай же ты, Садкé новогородский.
Полно играть в гусельшки яровчата».

Обернулся, глядит Садкé новгородский:
Ажно стоит стариk седатыи.
Говорил Садкé новгородский:
«У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчата».
Говорит стариk таковы слова:
«А ты струночки повырывай,
А ты шпенечки повыломай.
Скажи: «У меня струноочек не случилося,
А шпенечков не пригодилося,
Не во что больше играть:
Приломалися гуселки яровчата».
Скажет тебе дарь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет дарь морской:
«Ну, Садкé, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти:
Позади идет девица-красавица,
Красавица-девица Чернавушка,—
Бери тую Чернаву за себя замуж.
Как ляжешь спать во первую ночь,
Не твори с женой блуда во синем море:
Останешься навеки во синем море;
А ежели не сотворишь блуда во синем
море,
Ляжешь спать о девицу-красавицу,

Будешь, Садкé, во Новеграде.
А на свою бессчетну золоту казну
Построй дерковь соборную Миколы
Можайскому».

Садкé струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.
Говорит ему дарь морской:
«Ай же ты, Садкé Новогородский!
Что же не играешь в гуселки яровчата?» —
«У меня струночки во гуселках выдер-
нулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались,
А струночек запасных не случилось,
А шпенечков не пригодился».

Говорит дарь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красныя девушке?»

Говорит ему Садкé новогородский:
«У меня воля не своя во синем море».

Опять говорит дарь морской:
«Ну, Садкé, вставай поутру ранешенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».

Вставал Садкé поутру ранешенько,
Поглядит, идет триста девушек красных.
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица-девица Чернавушка:
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как прошел у них столованье почестен
шир,
Как ложится спать Садкé во первую ночь,

Не творил с женой блуда во синем море.
Как проснулся Садке во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу;
Как поглядит, ажно бежат
Свои черленые корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной во
синем море:

«Не бывать Садку со синя моря!»
А дружина поминает одного Садка:
«Остался Садке во синем море!»
А Садке стоит на крутом кряжу,
Встречает свою дружинушку со Волхова.
Тут его дружина сдивовалася:
«Остался Садке во синем море,
Очнулся впереди нас во Нове-граде,
Встречает дружину со Волхова!»
Встретил Садке дружину хоробрую
И повел в палаты белокаменны.
Тут его жена зрадовалася,
Брала Садка за белы руки,
Целовала во уста во сахарния.
Начал Садке выгружать со черлепых
со кораблей
Именьице — бессчетну золоту казну.
Как повыгрузил со черленых кораблей,
Состроил церкву соборнюю Миколы
Можайскому.
Не стал больше ездить Садке на сине
море,
Стал поживать Садке во Нове-граде.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Из-за того острова Кадольского,
Из-за того ли моря за Дунайского,
Выходило, выбегало тридцать караблей.
Ино на тых было тут на караблях
Тридцать молодцев без единого,
Сам Соловей во тридцатых,
Тридцать одна его матушка родна.
Хорошо карабли изукрашены,
Хорошо карабли измаражены:
И нос корма да по-туриному,
Широки бока по-лосиному
Парусы крупчатой камки,
Якори на караблях булатни,
У якорёв колечика серебряныи,
Кадолы-ты из семи шелков;
И место было руля повешено
По заморскому соболю по дорогому,
Да руль-то был запалаженой.
И на том было как на карабли
Млад Соловейко Гудимирович.
Сам сговорил таково слово:
«Ай вся моя дружина хоробрая!
Делайте дело повелёное,
Слушайте большего атамана.
Вы берите-тко трубочки подзорныи,

Глядите во славно во синё морё,
Ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Наглядите в присталь карабельюю.
И ставали во машты высокии,
Делали дело повеленое,
Слушали большего атамана,
Глядели во славно синее морё,
Ко тому ли ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Углядели присталь карабелью.
Скоро будучи с караблем под Киевом,
Забегали во присталь карабелью,
Парусы спускали крупчатой камки,
Якори бросали булатии.
Зговорит млад Соловей сын Гудимировид:
«Сходенку выкидывай серебряную,
Другу выкидай подзолоченую,
Третью выкидай исповолжаную.
Берите подарки умильни,
Куниц вы лисиц да заморскихъ».
Брали ёны во белыи руки,
Матушка камочку узорчатую,
И сам берет гуселка ярбчатыи,
И сам идет по сходенки золоченыи,
Матушка идёт по серебряныи,
Вся его двужина по исповолжаныи;
Приходят оны ко Владимиру на двор.
Приходит в палату грановитую,
Крест кладёт по-писаному,
А поклоны-ты ведёт по-учёному,
На все три ведь на четыре он на стороны,
Тому ли Владимиру в особину.

Подают ему подарочки хорошие,
Матушку камочку узорчатую
Молодой княгини Опраксии.
Взимает княгина на белый руки,
А взимает княгина, дивуется:
Да не дорога камочка заморская,
А й дороги узоры заморскии!
Стал его Владимир выспрашивати,
Стал его Владимир выведывати:
«Ты скажись, молодец, со коей земли,
Как молодца именем зовут?»
Подходит к нему поблизешенько,
Поклонился князю сам низешенько:
«З-за того я моря з-за Дунайского,
З-за того я острова Кадольского,
Душечка удалый добрый молодец,
Млад Соловейко да сын Гудимирович». —
«Ты зачем же сюда побывал ко мни?
Торгом торговать ли на съезд ко мни,
Ли на съезд ко мни, ли на житьё пожить?»
Ответ держал Соловеюшко,
Млад Соловей да сын Гудимирович:
«Неторгом торговать да не на съезд к тебе,
Я приехал к тебе как на житьё пожить.
Дай-ко мне да топерь мистечка
Подли сея да ты подай бочка.
Есть у тя молода племянница,
Молода Забавушка Путятинна,
У нёй как есть во зеленых садах
Дубылица вязьё повырощеноё:
Позволь-ко мне-ка нунь су иовырубити,
Из саду вон мне повыметати,
Построить мне да там три терема,

Со тройми со синями¹ с нарядними». Зговорит Владимир такове слово:
«За тыи за речи умильни,
За твои слова постановни,
Ступай нынь теперь в зеленыи сады,
Делай ты дело повеленое».
Также приходит Соловьюшко,
Млад Соловей да сын Гудимирович,
Ко своей дружины ко хоробрыи,
Тридцать молодцов без единого:
«Делайте вы дело повеленоё,
Слушайте большего атамана,
Берите вы нынь да во белы руки
А и ты ль топорики булатни,
Поделайте кирочки, лопаточки,
Поди вы теперь да в зеленыи сады —
Дубья вы вязья всё повырубите,
Да из саду вон да вы повымечите,
А тыи коренья вы повыкопайте;
Постройте вы там да ровно три терема,
Со тройма со синями с нарядними, —
Поутру мне-ка стать нынь-ка жить пойти».
Делали дело повеленоё,
Слушали большего атамана,
А имали топорики булатни,
Поделали кирочки, лопаточки,
Дубья-то вязья повырубили,
Из саду вон как тут повыметали,
Построили оны ведь тут три терема,
Со тройма со синями с нарядними;
К утру свету они жить пошли.

¹ С синями.

Поутру было как тут ранёшенько,
А ставала как есть нынь Забавушка,
Молода Забава Утятична,
Умывалась водою тут белёшенько.
Утиралась полотёнушком сушёхенько,
Она господу богу помолиласе,
Глядела она тут во окошечко,
Сама-то она тут счудоваласе.
Сама-то она тут сдивоваласе:
«Что это нынь чудо счудилосе,
Вино пиво да воспрокурилосе.
А во моих теперь зеленых садах
А дубыцдо вязья все повырублено.
А из саду вои оны повыметаны».
Как шубу надевала на одно плечо,
Башмачки надевала на босу ногу,
Пошла ёна Забава в зелены сады,
Приходит она ко пёрву терему,—
В первом терему шопотком говорят:
Молится матушка ведь господу,
Умаливат за сына за любимого,
За младого сына Гудимирова.
Приходит она ко другу терему,—
В другом терему стучит-гримит,
Стучит-гримит как золота казна:
Считает Соловей да золоту казну,
Золоту казну ён тут бессчетную.
Приходила она ко третью терему,—
Там играют во гусёлка яровчатыи,
Тоццы ведут от Новá-города,
Други ведут-то от Еросолима,
Припевы пришевают хорошии.
Заходила Забава Утятична.

Во тот ли она во белый шатёр,
Крест опа клая по-писаному,
Поклоны-ты вела как по-учёному,
На вси три ведь на четыре как на стороны
Той ли дружины в особину;
Садилась на брусову нову лавочку,
Сидела она, видно, день с утра,
День с утра она до вечера,
А от вечера как до полуночи,
От полуночи как до бела свету.
Поутру было тут поранёшенько
Приходит душечка удалый молодец,
Млад Соловейка сын Гудимирович,
Сам он говорит таково слово:
«Чья у вас девица присватанная,
Чья у вас девица незнамая».
Ставала Забава на резвые ноги,
Поклонилась Забава до самой земли:
«Здравствуй, удалый добрый молодец,
Млад Соловейко Гудимирович.
Есть ты молодец ведь нежёшёный,
Я ли девица на выдачаши».
Зговорит душка удалый добрый молодец,
Млад Соловей да сын Гудимирович:
«За всё тебя девица, за всё люблю,
За одно тебя девица я никак не люблю,
Ты сама себе девица просватала...
Ступай-ко девица ты во свой нынь дом,
Бей-ко челом, поклоняйся-тко
Князю ль тому же ты Владимиру,
Чтобы он завёл как нынь почестный пир».
Так пошла нынь девица как во свой тут
дом,

Била девица и челом она
Ко тому ко князю Владимиру:
«Ты послушай-ко нынь, мой ты дядюшка,
Ты Владимир князь-ко стольне-киевской.
Во своей полаты грановитый
Для меня любимой племяницы
Заведи-ко ты ныни как почестный пир,
Чтобы было мне чим нынь похвастати».
А как завел ей ведь тут дядюшка,
Он завел нынь тут как почестный пир.
На том на пиру да было весело,
Пили, ели, проклаждалися.
Тогда приходит удалый молодец,
Млад Соловейко сын Гудымирович,
Берет её девицу за белы руки,
Пошли оны с девицей во божью церкву,
Златыми перстнями да обручалиси,
Златыми венцами да повенчалиси.
Приходит Соловей ко Владимиру,
Приносит благодарность великую,
Делат почёт ему честныи,
Честныи почёт и благодарныи.
Пошел Соловей да во свой тут дом,
Стал Соловей-то жить и быть,
Межу собой времечки коротати.
Здунинай Дунай сын Иванович Дунай,
Сын Иванович Дунай про то дело не знай.
Мхи да болота в Поморской стороны,
Щелья-каменья Подсеверной страны,
Претолстии горы высокии,
Превысоки леса все дремучии.
А рострубисты сарафаны по Моше по реки,
Здунинай Дунай про то дело не знай.

ВОЛЬГА

Закатилось красное солнечко
За лесушки за темные, за моря за
широкия,
Россаждалися звезды частыя по светлу
небу:
Порождался Вольга, сударь Буславлевич,
На святой Руси.
И рос Вольга Буславлевич до пяти годков,
Пошел Вольга, сударь Буславлевич,
по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
Звери в лесах разбежалися,
Птицы по подоблачью разлетелись,
И рыбы по синю морю разметелись.
И пошел Вольга, сударь Буславлевич,
Обучаться всяких хитростей-мудростей,
Всяких языков разных;
Задался Вольга, сударь Буславлевич,
на семь год,
А прожил двенадцать лет,
Обучался хитростям-мудростям,
Всяких языков разных.
Собирал дружину себе добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать богатырей без единого,

Сам стаповился триддатым:
«Ай же вы, дружина моя добрая, хоробрая!
Слушайте большего братца атамана-то,
И делайте дело повелёное:
Вейте веревочки шелковыя,
Становите веревочки по темнû лесу,
Становите веревочки по сырой земли,
А ловите вы куниц, лисиц,
Диких зверей, черных соболей
И подкопучих белых заячков,
Белых заячков, малых горносталюшков,
И ловите по три дня по три ночи».
Слушали большего братца атамана-то,
Делали дело повелёное:
Вили веревочки шелковыя,
Становили веревочки по темнû лесу, по
сырой земли,
Ловили по три дня по три ночи,—
Не могли добыть ни одного зверка.
Повернулся Вольга, сударь Буславевич,
Повернулся он левым зверём;
Поскочил по сырой земли по темнû лесу,
Заворачивал куниц, лисиц
И диких зверей, черных соболей,
И белых поскакучих заячков,
И малых горносталюшков.
И будет во граде во Киеве
А со своею дружиною со доброю,
И скажет Вольга, сударь Буславевич:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
Слухайте большего братца атамана-то
И делайте дело повелёное,
А вейте сильшка шелковыя,

Становите сильышка на темный лес,
На темный лес на самый верх,
Ловите гусей-лебедей, ясных соколей,
А малую птицу-ту, пташицу,
И ловите по три дни и по три ночи».
И слухали большего братца атамана-то,
А делали дело повелёное:
А вили сильышка шёлковы,
Становили сильышка на темный лес на
самый верх;
Ловили по три дни по три ночи,—
Не могли добыть ни одной птички.
Повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Науй-птицей,
Полетел по подоблачью.
Заворачивал гусей-лебедей, ясных соколей
И малую птицу-ту, пташицу.
И будут во городе во Киеве
Со своей дружинушкой со доброю;
Скажет Вольга, сударь Буславлевич:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Слухайте большего братца, атамана-то.
Делайте вы дело повелёное:
Возьмите топоры дроворубные,
Стройте судёнышко дубовое,
Вяжите путевый шелковыйя,
Выезжайте вы на сине море,
Ловите рыбу семижинку да белужинку,
Щученьку, плотиченьку
И дорогую рыбку осётринку,
И ловите вы по три дни по три ночи».
И слухали большего братца, атамана-то.
Делали дело повелёное:

Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевья шелковые,
Выезжали на синё море,
Ловили по три дни по три ночи, —
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
рыбой щучинкой

И побежал по синю морю.
Заворачивал рыбу семжинку, белужинку,
Щученьку, плотиченьку,
Дорогую рыбку осётринку.
И будут во граде во Киеве
Со своею дружиною со доброю,
И скажет Вольга, сударь Буславлевич:
«Дружина моя добрая, хороная!
Вы слушайте большего братца атамана-то:
Кого бы нам послать во Турец землю,
Проведати про думу про царскую,
И что царь думы думает,
И думает ли ехать на святую Русь?
А старого послать — будет долго ждать;
Да середнего послать-то — вином запоят,
А малого послать,—
Маленькой с девушками заиграется,
А со молодушками роспотешится,
А со старыми старушками разговор
держать,

И буде нам долго ждать.
А видно буде Вольгę самому пойти!»
Повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Малою птицею-пташицей,
Полстся ён по подоблачью.

И будет скоро во той земли Турецкой,
Будет у сантала¹ у турецкого,
А у той палаты белокаменной,
Против самых окошечек,
И слушает он речи тайные.
Говорит царь со царицею:
«Ай же ты, царица Панталовна!
А ты знаешь ли про то, ведаешь?
На Руси-то трава растет не по-старому,
Цветы цветут не попрежнему,
А на Руси трава растет не попрежнему,
А видно Вольги-то живаго нет.
А поеду я на святую Русь,
Возьму я себе девять городов,
Подарю я девять сынов,
А тебе, царица Панталовна
Подарю я шубоньку дорогу».
Проговорит царица Панталовна,
«Ай же ты, царь Турец-санта!

А я знаю про то, ведаю:
На Руси трава все растет по-старому,
Цветы-то цветут все попрежнему.
А ночесь спалось, во снях виделось:
Быв спод восточныя спод сторонушки
Налетала птица малая пташица,
А спод западней спод сторонушки
Налетала птица черной ворон;
Слеталися оны во чистом поле,
Промежду собой подиралися;
Малая птица-пташица
Черного ворона повыкlevала,

¹ Султана.

И по перышку она повыщипала,
А па ветер все повыпускала.
То есть Вольга, сударь Буславлевич,
А что черной ворон — Турец-санталъ.
Проговорит царь Турец-санталъ:
«Ай же ты, царица Панташовна!
А я думаю скоро ехать на святую Русь,
Возьму я девять городов,
Подарю девять сынов,
Привезу себе шубоньку дорогу».
Говорит царица Панташовна:
«А не взять тебе девяти городов
И не подарить тебе девяти сынов,
И не привезти тебе шубоньки дорогой!»
Проговорит царь Турец-санталъ:
«Ах, ты, старый чорт!
Сама спала, себе сон видела!»
И ударит он по белу лицу.
И повернется — по другому,
И кинет царицу о кирпичен пол,
И кинет второй-то раз:
«А поеду я на святую Русь,
Возьму я девять городов,
Подарю девять сынов,
Привезу себе шубоньку дорогу!»
А повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Повернулся серым волком,
И поскочил-то ён на конюшеп двор,
Добрых коней тех всех перебрал,
Глотки-то у есех у них перервал.
А повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Малым горностаюшком,
Поскочил во горницу в оружейную,

Тугие луки переломал,
И шелковые тетивочки перервал,
И каленые стрелы все повыломал,
Вострые сабли повышербил,
Палицы булатные дугой согнул.
Тут Вольга, сударь Буславлевич,
Повернулся Вольга, сударь Буславлевич,
Малою итицею-шташицеи, —
И будет скоро во граде во Киеве,
И повернулся он добрым молодцом,
И будет он с своею дружиною со
добрью:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Пойдемте мы во Турец-землю».
И пошли оны во Турец-землю,
И силу турецкую во полон брали:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
Станем-те теперь полону поделять!»
Что было на делу дорого,
Что было на делу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
Вострые сабли по пяти рублей,
Палицы булатные по три рубля.
А то было на делу дешево — женский пол.
Старушечки были по полушечки,
А молодушечки по две полушечки,
А красивые девушки по денежке.

ВОЛЬГА И МИКУЛА

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга ростеть, матереть,
Похотелся Вольги да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольги во синих
морях,
Птицей-соколом летать Вольги под оболо-
локи,
Волком и рыскать во чистых полях.
Уходили-то все рыбушки во глубоки моря,
Улетали все птички за оболоки,
Убегали все звери зе тёмны леса.
Стал Вольга он растеть, матереть
И сберал соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцев без единого.
Сам еще Вольга во тридцатых.
Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир стольно-киевской;
Жаловал его трема городама всё крестья-
намы:
Первым городом Гурчовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.

Молодой Вольга Святославович,
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинушкой хороброю.
Выехал Вольга во чисто поле,
Ен услышал во чистом поли ратоя;
А орет в поле ратой, понукиваёт,
А у ратоя-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешки прочиркивают.
Ехал Вольга он до ратоя,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратоя в поле наехати.
А орёт-то в поли ратой, понукиваёт,
А у ратоя сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешки прочиркивают.
Ехал Вольга еще другой день,
Другой день с утра до победы,
Со своей со дружинушкой хороброю.
Ен наехал в чистом поли ратоя,
А орет в поле ратой, понукиваёт,
С края в край бороздки помётывает,
В край он уедет — другого не видать.
То коренья каменья вывертываёт,
Да великия он каменья вси в борозду

валит.

У ратоя кобылка соловенька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелковые.
Говорил Вольга таковы слова:
«Бог тебя помочь, оратаюшко,
А оратъ да пахать да крестьяноватъ,
С края в край бороздки помётывать!»
Говорил оратай таковы слова:
«Да поди-ко ты, Вольга Святославович!»

Мни-ка надобно божъя помочь крестья-
новать;

С края в край бороздки помётывать.

А и далече ль Вольга едёшь, куда путь
держишь

Со своею со дружинушкой хороброю?»

Говорил Вольга таковы слова:

«А еду к городам я за получкою,
К первому ко городу ко Гурчёвцу,
К другому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу».

Говорил оратай таковы слова:

«Ай же, Вольга Святославович!

Да недавно был я в городе — третьего дни
На своей кобылке соловою,

А привез оттуль соли я два меха,
Два меха-то соли привез по сороку пуд,
А живут мужики там разбойники,
Ены просят гроши подорожных.

А я был с шалыгой подорожною,
А платил им гроши я подорожный:
А кой стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кой сидя сидит, тот и лёжа лежит».

Говорил Вольга таковы слова:

«Ай же, оратай оратаюшко!

Да поедем-ко со мною во товарищах,
Да ко тем к городам за получкою».

Этот оратай оратаюшко

Гужики с сошки он повыстенул

Да кобылку из сошки повёрнул,
А со тою он сошки со кленовенькой,
А ё оставил он тут сошку кленовую,
Он садился на кобылку соловецкую;

Они сели на добрых коней, поехали
По славному роздольищу чисту полю.
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославович!
А оставил я сошку в бороздочке
Да не гля-ради прохожего, проезжего,
Ради мужика-деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколиут, —
Мне нечем будет молодцу крестьяновати.
А пошли ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повыдернути,
Из омешиков земелька повытряхнути,
Бросили бы сошку за ракитов куст».
Молодой Вольга Святославович
Посыпает тут два да три добрых молодца
Со своей с дружинушки с хороброей
Да ко этой ко сошике кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повыдернути,
Из омешиков земельку повытряхнути,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Едут туды два да три добрых молодца
Ко этой ко сошике кленовоей;
Они сошку за обжи кругом вертят,
А им сошку от земли поднять нельзя,
Да не могут они сошку с земельки
попыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославович
Посыпает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброей

А ко этой ко сошке кленовоей.
Приехали оны целым десятчком
Ко этой славной ко сошке кленовенькой;
Оны сошку за обжи кружком вертят,—
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повы-
дернутый,
Из омешиков земельки повытряхнутый,
Бросить сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославович
Посыпает всю друдинушку хоробрую,
То он тридцать молодцов без единаго.
Этая друдинушка хоробрая,
Тридцать молодцов да без единаго,
А подъехали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружком вертят,—
Сошки от земельки поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повы-
дернутый,
Из омешиков земельки повытряхнутый,
Бросити сошки за ракитов куст.
Говорит оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославович!
То не мудрая друдинушка хоробрая твоя,
А ие могут оны сошки с земельки повы-
дернутый,
Из омешиков земельки повытряхнутый,
Бросити сошки за ракитов куст.
Не друдинушка тут есте хоробрая.
Столько одна есте хлебоясть».
Этот оратай оратаюшко,
Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этоей ко сошке кленовенькой,

Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
Оны сели на добрых коней, поехали
Да по славному раздолью чисту полю.
А у ратоя кобылка она рысью идёт,
А Вольгин тот конь да поскакиваёт
А у ратоя кобылка грудью пошла,
Так Вольгин-тот конь остается.
Стал Вольга покрывать,
Стал колпаком Вольга помахивать,
Говорил Вольга таковы слова:
«Стой-ко, постой, да оратаюшко!»
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай оратаюшко,
Эта кобылка конём бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали».
Говорил оратай таковы слова:
«Взял я кобылку жеребчиком,
Жеребчиком взял ю спод матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот
рублей:
Этая кобылка конём бы была,
Этой бы кобылке и сметы нет».
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же ты, оратай оратаюшко!
Как-то тобя да именём зовут,
Как звеличают по отечеству?»
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга ты Святославович!
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу да домой выволочу,

Домой выволочу, дома вымолочу.
Дранн надеру да то я пива наварю,
Иива наварю, мужичков напою,
Станут мужички меня покликывати:
Ай ты, молодой Микулушка Селячиновичъ

СВЯТОГОР

Ездил-то Илья да по чисту полю,
Да наехал Илья на поляницу тут.
И да едут с поляницей по чисту полю,
Да ударил ёво палицей по буйной главы,
Да ударил ён тут во другие раз,
Да ударил ён ведь тут да в третий раз,
И розгорелось у ёво сердце богатырско,
У тово ли у Самсона Святогора у
богатыря.

Дал-то-ко Илью да за белы руки
И положил-то-ко Илью да во карман к
себе,

И дал-то-ко Илью да во кармане у себи.
Еще стал туто ведь конь да попинатисе.
«Еще что ты туто, волчья съть да
травяной мешок!

Еще что ты туто ведь да запинаешься,
Еще разве ты незгоду мне-ка ведаёшь?»
И да провещился ведь конь языком
человеческим:
«Еще где мне-ка возить да двух богатырей
с конём».

И вынимал туто Самсон Илью да из
кармана тут,
Да поехали с Ильей да по святым горам,

Ещестал Самсон-Святигор тут высправи-
шивать:
«Да велика ли в тебе да еще сила есть?» —
«А ѹ во мне ведь еще сила небольшая есть,
Еще только побиваю я ведь храбростью
своей». —

«И да славные Илья да ведь ты Муромец!
Да ведь во мне-то сила да такая есть,
Кабы в земною-то обширности был столб,
Да как был бы-то в небесной вышины,
Да кабы было в столби в этом кольцо,
Поворотил бы я всю землю подселенную».
И поехали-то тут они да по святым
горам,

И наехали на тех они на святых горах,
Да лежат туто ведь две сумы переметные,
И говорит тут Самсон да таково слово:
«Уж ты славные Илья да ты Муромец!
Соходи-ко ты, Илья, да со добра коня,
И каки туто лежат две сумы переметные,
Поздымай-то ты сумы переметные».

Сходил-то-ко Илья да со добра коня.
И он примается за ты сумы за переметные,
Еще те ли сумы с места не здымаются.
Сходил-де ведь Самсон да со добра коня,
Еще сам-то за сумы да принимается,
Еще тө ли-де сумы да с места не
здымаются,

А все жилы и суставы у Самсона
роспускаются,
И по колено-то в землю Самсон убирается.
(Тут Илья его и похоронил.)

ПУТЕШЕСТВИЕ ВАВИЛЫ СО СКОМОРОХАМИ

У честной вдовы да у Ненилы,
А у ней был чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Ишиша белую шшоницу засевати:
Родну матушку хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней веселые,
Веселые люди, не простые,
Не простые люди, скоморохи.
«Уж ты здравствуешь, честна вдова
Ненила!

У тя где чадо да нынь Вавило? —
«А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишиша белую шшоницу засевати:
Родну матушку хочё кормити».
Говорят как те ведь скоморохи:
«Мы пойдём к Вавилушку на ниву;
Он не идёт ле с нами скоморошить?»
А пошли к Вавилушку на ниву:
«Уж ты здравствуешь, чадо Вавило,
Тебе нивушка да те орати,
Ишиша белая шшоница засевати,
Родна матушка тебе кормити!» —

«Вам спасибо, люди весёлье,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге? —
«Мы пошли ведь тут да скоморошить;
Мы пошли па йнишшё царство
Перенгрывать царя Собаку,
Ишиша сына его да Перегуду,
Ишиша зятя его да Пересвета,
Ишиша дочь его да Перекрасу.
Ты пойдём, Вавило, с нами скоморошить».
Говорило то чадо Вавило:
«Я ведь несён петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазён».
Говорил Кузьма да со Демьянном:
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьянном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьянном припособил.
У того ведь чада у Вавила
А было в руках-то понюгальцё, —
А и стало тут погудальдё;
Ишиша были в руках у него да тут ведь
вожжи, —

Ишиша стали шоковые струнки.
Ишише то чадо да тут Вавило
Видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, святые;
Он похбдит с има да скоморошить.
Он новёл их да ведь домой жа.
Ишиша тут честна вдова да тут Невица
Ишиша стала тут их кормити.

Понесла 'на хлебы-те ржаные, —
А и стали хлебы-те пшеничные;
Понесла 'на куру-тӯ варёну, —
Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит, люда тут да не простые,
Не простые люди-те, святые,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороге.
На гумне мужик горох молотит.
«Тобе бог помошь, да ведь крестьяниин,
На бело горох да молотити». —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на йишишиб ѿарство
Перенгрывать ѿаря Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьяниин:
«У того ѿара да у Собаки
А околь двора да тын желёзной.
А на каждой тут да на тычинке
По человечей-то сидит головки,
А на трёх ведь на тычинках
Ишша нету человечих-то тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам». —
«Уж ты ой еси, да ты крестьяниин!
Ты не мог добра нам ведь и здумать.
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек

А во звончатой во переладець;
А Кузьма с Демьяном припособято.
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами:
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их тут кичигамишибати;
Зашibal, он думат, голубят-то,—
Зашibal да всех своих ребят-то.
«Я ведь тяжко тут да согрешил ведь:
Ети люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые,—
Ишша я ведь им да не молился».
А идут скоморохи по дороге.
А на стречу им идёт мужик горшками
торговати.
«Тобе бог помошь да те, крестьянин,
А-й тебе горшками торговати!» —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы попали на инишишоё царство
Перенгрызать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвету,
Ишша дочь его да Перекрасу».
Говорил да тот да ведь крестьянин:
«У того царя да у Собаки
А окбл двора да тын железной,
А на каждой тут да на тычинько
По человечей-то сидит головке,
А на трёх-то ведь на тычинках

Нет человечих да тут головок;
Тут вашим да быть головкам». —
«Уж ты ой еси да ты, крестьянин!
Ты не мог да добра нам ведь здумать.
Ишка лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграи, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит».
Заиграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели курошки с рябами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами;
Ишка стали мужику-то по оглоблям-то
садиться.

Оп ведь стал тут их да биги
И во свой ведь воз да класти.
А поехал мужик да в городочек,
Становился он да во рядочек,
Розвязал да он да свой возочек, —
Полетели куропки с рябами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел во своём-то он возочку, —
Ишше тут у его одны да черепочки.
«Ой! я 'тажко тут да согрешил ведь:
Ето люди шли да не простые,
Не простые люди-ти, святые, —
Ишша я ведь им год пе молился».
А идут скоморохи по дороге.
Ишша красная да тут девица
А она бельё да полоскала.

«Уж ты зравствуёшь, красна девица,
На бело холсты да полоскати!» —
«Вам спасибо, люди весёлые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороге?» —
«Мы пошли на ишишоё царство
Переигрывать царя Собаку,
Ещё сына его да Перегуду,
Ещё зятя его да Пересвета,
Ещё дочь его да Перекрасу».

Говорила красная девица:
«Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета
А и дочь его да Перекрасу». —
«Заграй, Вавило, во гудочек
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьянном припособитъ.
Заграл Вавило во гудочек
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьянном припособил.
А у той у красной у девицы
А были у ей холсты-ти ведь холповы,
Ишша стали шоковы да атласны.
Говорит как красная девица:
«Тут люди шли да не простые,
Не простые люди-те, святые, —
Ишша я ведь им да не молилась».
А идут скоморохи по дороге.
А идут на ишишоё царство.
Заграл да тут да царь Собака,
Заграл Собака во гудочек

А во звоночной во переладец, —
Ишиша стала вода да прыбывати:
Ишиша хочёт водой их потопити.
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звоночной во переладец;
А Кузьма с Демьянном припособитъ.
Заиграл Вавило во гудочек
И во звоночной во переладец,
А Кузьма с Демьянном припособилъ:
И пошли быки-то тут стадами
А стадами тут да табунами,
Ишиша стали воду да упивати:
Ишиша стала вода да убываети.
«Заиграй, Вавило, во гудочек
А во звоночной во переладец;
А Кузьма с Демьянном припособитъ.
Заиграл Вавило во гудочек
А во звоночной во переладец,
А Кузьма с Демьянном припособилъ:
Загорелось йнишшоё царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство.
Он привёз ведь тут да свою матерь.

ГОСТЬ ТЕРЕНТЬИЩЕ

В столицом Новегороде,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской:
А и жил-был богатый гость,
А по имени Терентьище:
У него двор па целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынишке по мавкоke,
А и есть по жемчужинке;
Ворота были вальяющия,
Верен хрустальный,
Подворотина рыбий зуб.
Середи двора гридня стоит —
Нокрыша седых бобров,
Нотолок черных соболей.
А и матица то валженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на середе кроватка стоит.
Да кровать слоновых костей.
На кровати перина лежит,
На перине зголовье ложит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна, больна,

Мария Дмитриевна Кривополенова,
мининская сказительница конца XIX
и начала XX в.

Со полуночи недобжна вся, —
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утии в хребте,
Пустился недуг к сердцу,

• • • • • • • • • •

Говорила молодая жена Авдотья Ива-
новна:

«А и гой еси, богатый гость,
И по имени Терентьище!
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублев;
Ты поди, дохтуров добывай,
Волхи-то сирашиватъ.

А в та поры Терентьище,
Он жены своей слушался,
И жену-то во любви держал;
Он взял золоты ее ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублев
И пошел дохтуров добывать.
Он будет Терентьище
У честна креста Воздвиженъя,
У жива моста Калинова;
Встречу Терентьищу
Веселые скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Скоморохи очестливые,
Об ручку Терентью чслом:
«Ты здравствуй, богатй гость,
По имени Терентьище!

Доселева-то слыхом не съхать,
И доселева видом не видать,
А и ноне ты, Терентьище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова заблудяща,
Что ворона залетяща».
А и на то-то он не сердится;
Говорит им Терентьище:
«А и вы гой, скоморохи молодцы!
Что не сам я Терентий занес,
И не конь-то богатого завез;
Заведа нужда, бедность;
... у меня есть молодая жена
Авдотья Ивановна.
Она с вечера трудна, больна,
С полуночи недужна вся,—
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утии в хребте,
Пустился недуг к сердцу,
* * * * *
А кто-бы-де недугам пособил,
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублей —
Без единой денежки».
Веселые молодцы догадались,
Друг на друга оглянулись,
А сами усмехнулись:
«А и ты гой еси, Терентьище,
Ты нам что за труды заплатишь?
«Вот вам даю сто рублей».

Повели его, Терентьища,
По славному Новугороду,
Завели его, Терентьища,
В тот во темный ряд,
А кутили шелковой мех:
Дали два грона мешок;
Пошли они во червленой ряд
Да купили червленой вяз,
А и дубину ременчатую,
Ноловина свинцу налиту:
Дали за нее десять алтын.
Посадили Терентьища
В тот шелковый мех,
Мехонюша за плеча взял,
Пошли они, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
В окошечко выглянула:
«А и вы гой еси, веселье молодцы,
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в дому нет?»
Говорят веселье молодцы:
«А и гой еси, молодая жена
Авдотья Ивановна!
А мы тебе члобитье песем
От гостя богатого,
А по имени Терентьища.
И она спохватилась за то:
«А и вы гой еси, веселье молодцы!
Где его видели,
А где про него слышали?»
Отвечают веселье молодцы:
«Мы его слышали,

Сами доподлинно видели
У честна креста Воздвиженья,
У жива моста Каличова
Голова по себе его лежит,
И вороны в... клюют».
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселые скоморохи!
Вы подите во светлую гридину,
Садитесь на лавочки,
Понграйте во гусельды
И пропойте-ко песенку
Про гостя богатого,
Про старого... сына,
И по имени Терентьища;
Во дому бы его век не видать».
Веселые скоморохи
Садились на лавочки,
Заняграли во гусельды,
Запели они песенку:
«Слушай шелковой мех,
Мехонюша за плечами,
Л слушай, Терентий гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентьища,
Про старого... сына:
Во дому бы тебя век не видать;
Шевелись шелковой мех,
Мехонюша за плечами,
Вставай-ко, Терентище,
Лечить молодую жену,

Бери червленой вяз,
Ты дубину ременчатую,
Походи-ко, Терентьище,
По своей светлой гридине
И по середе кирпичатой
Ко занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине, ко пуховыя,
А лечи-ко ты, Терентьище,
А лечи-ко ты молоду жену
Авдотью Ивановну».
Вставал же Терентьище,
Ухватил червленой вяз,
А дубину ременчатую,
Половина свинцу налиту.
Походил он, Терентьище,
По своей светлой гридине,
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей,
Он стал молоду жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нее сшиб,
Посмотрит Терентьище
На кровать слоновых костей,
На перину, на пуховую, —
А недуг-от пошевеливается
Под одеялом соболиным;
Он-то, Терентьище,
Недуга-то вон погнал,
Что дубиною ременчатою;
А недуг-от не путем
В окошечко скочил,
Чуть головы не сломил —

На корачках ползет,
Едва от окна отполоз.
Он оставил недужище:
Кафтан хрущатой камки,
Камзол бабераковой,
А и денег пятьсот рублей
В та поры Терентьевиче
Дал еще веселым
Другое сто рублей
За правду великую.

ШТИЦЫ

Ди-ди-ди-ди отчего же зима становилась?
Становилась зима да от морозов,
От зимы становилась весна красна,
От весны становилось лето тепло,
А от лета становилась богатая осень.
Из-за синего дунайского моря
Налетала малая птица певица.
Садиласе птица певица
Во зеленой да во садочек,
Ко тому ли ко белому шатроочку.
Налятали малые птицы стадами,
Садились птички рядом,
И в одну сторону да головами,
И пачали птицу пытали:
«А й же ты, малая птица певица!
И кто у нас за мбрем большой,
Кто за дунайским меньшой?» —
«На море колпик-от царик,
Белая колпица царица.
На мори гуси бояра,
Лебедушки были княгини.
На море рябчик стряпчой,
Ня море жерáв¹ перевощик.

¹ Журавль.

Пожки беленьки, топельки,
Штаники синеньки, узеньки,
По морю ходит и бродит,
Штаничков не смочит,
Каждую птицу перевозит,
Тем свою голову кормит.
На мори дятел-от плотник,
Каждое дерево пытает,
С тово ради сыт пребывает.
А ластушки были девицы,
Утушки молодицы,
Чаюшки водоплавы,
Гагары были рыболовки,
Много-то рыбы наловили;
Рыба на горы не бывала,
Крестьяны рыбы не едали,
Всё она крестьян розоряет.
С того ради сыта пребывает.
А синичка она худая,
Часто, милая, она хворает,
Долго она не умирает.
Работы работать не умеёт,
Казаков напинать не смыслит.
А ворона богатая птица:
В летнюю пору по суслонам,
А в зимнюю пору по омётам,
Всё она крестьян розоряет,
С того ради сыта пребывает.
А воробьи были царские холопы,
Кольё-жердьё подбирают
И загороды подпирают,
Всё они крестьян розоряют,
С тово ради сыты пребывают.

А голубь от на море попик,
А голубушки-попадьюшки.
А сорока, кабацкая женка,
С ножки на ножку ступает,
Черные чёботы топтаёт,
Высоко чёботы топтаёт,
Удалых молодцов прельщает.
Петушки казачки были доиские,
Имеют по хозяйки и по две,
По целому да по десятку,
И не так, как на Руси крестьяниин,
Одну-то он жепку имеет,
А той нарядить не умсст,
А бить-то ей бедной не смеёт.
Курица, победная итица,
По улице ходит и бродит.
Кто ведь ей изымаёт,
Всяк лайда у ей пытаётъ.

АГАФОНОШКА

А и на Допу, Дону,
В избе па дому,
На крутых берегах,
На печи на дровах.

Высота ли высота потолочная,
Глубока глубока подпольная,
А и широко раздолье перед печью шесток,
Чистое поле по полавичью.

А и синее море в лохани вода,
А у белого города у жернова
А была стрельба веретеная,
А и пушки мушкеты горшечные,
Знамена поставлены панельные,
Востры сабли кокошники,

А и тяжкие палицы шемширы,
А и те шемширы были тюменских баб.
А и билася, дралися свекры со снохой,
Приступающи ко городу ко жерному,
О том цироге, о яичном мучнике.

А и билися, дралися день до вечера,
Убили они курицу пропащую.

А и на тута па драку великой бой
Выбежал сильной могуч богатырь,
Молодой Агафонушка, Никитин сын,
А и шуба то на нем была свиных хвостовъ

Болестью опущено, комухой подложено,
Чирыи да вереды то пуговки
Сливные коросты то цетелки

А слепые бегут, спинаючи глядят,
Безголовые бегут, они песни цоют,
Бездырые бегут . . .

Безносые бегут, понюхивают,
Безрукой в топоры клеть покрал.

А на гумнице безрукой за пазуху наклад.
Безъязыкова того на пытку ведут,

А повешенные слушают,

А и резаной в тот в лес убежал.

На ту же на драку великой бой

Выбегали тут три могучие богатыри.

А у первого могучего богатыря

Башмани гојова психодрама-

А у другого могучего багатыря

Союзной ноги изломаны.

У третьего подумало бояться.

у Третьего могучего бога
Бинкою брюха пронесено

В то же время и в тот же час

На море братцы сели

На море, братцы, вон горит
С волка за панцирь.

С репою со печенькой,
А из горячего супа — Хуан-Лиси.

А и среди синя моря хвалынскова
Вырастала ютка красавица лягушка

Вырастал ли тут кряковист дуб,
А на том же сырое луби проскочистом

А на том ша сыром дубу кряковистом
А синева звяжас на луби гнездо срыва

А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На ветви села саже и чай, а то чай

На дубу гнездо свила, и
Сивеньких попосяточек.

Поросяточек полосатеньких.
Цо дубу они все разбегались,
А в воду они глядят, притонути хотят.
В поле глядят, убежати хотят.
А и по чистому полю корабли бегут,
А и серый волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
Хоть вправо держи, хоть влево, затем
куда хошь,
Опп на небо глядят, улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит,
А и чорт ли видел, что медведь летал,
Бурою корову в когтях носил,
В ступе де курица объягнилася,
Под шестком да корова лідо снесла,
В осеку овца отслилася,
А и то старина, то и деянье.

СТАРИНА О ЛЬДИНЕ И БОЕ ЖЕНЩИН

Как во славном во городе во Туесе
Да жила была льдинушка клягиною;
Да до Петрова дни дарила да там

ростояла.¹

Да не стало у нас в городи управителя.
Роздралисе невески да со золовками
А боёвым палками-мутовками,
Да вострыма копьями да всё верётнами.
Нироги они, шаньги да в полон брали,
Они кашу-горюшку обневолили,
Кабы кислы-ти шти да на уход ушли,
Еще есть ли хозяин да во своём дому?
Прикажи, сударь-хозяин, да старину

сказать,

Старину сказать да стародавнюю,
Кабы синёму морю да на утшину,
Кабы добрым людям да на послышанье,
Как черным-ле воронам да на пограяньё
Да лайдивым собакам да на полаяньё.

¹ Растворила.

НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ

Небылиця в лицах, небывальшика,
Небывальшина да неслыхальшина:
Ишиша сын на матери спопы возил,
Всё сиопы возил да всё коиоплены.
Небылиця в лицах небывальшика,
Небывальшика да неслыхальшика:
На гори корова белку лаяла,
Ноги роинширят да глаза выпучит.
Небылиця в лицах, небывальшиника,
Небывальшика да неслыхальшика:
Ишиша овця в гнезди ѹпцё садит,
Ишиша курица под осеком траву секёт.
Небылиця в лицах, небывальшика,
Небывальшика да неслыхальшика:
Но поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками лапками пом хиват,
Он церным хвостом тут поправляет.
Небылиця в лицах, небывальшика,
Небывальшика да неслыхальшика:
По синю морю да жорнова плывут.
Небылиця в лицах, небывальшика,
Небывальшика да неслыхальшика:
Как гулял Гулёйко сорок лет за пецью,
Ишиша выгулял Гулёйко ко пецью столбу
Как увидел Гулейко в лоханки во аду;

«А не то ле, братци, синё морё».
Как увидел Гулейко, из целикки ложкой
шти хлебают:
«А не то ле, братци, корабль бежат,
Корабль бежат, да всё гребцы гребут?»
Небылица в лицах, небывальщника,
Небывальщника да неслыхальщника.

ПАРОДИЯ

Не у вора у Васьки у Захарова,
Не упито было, не уедено,
Не баско-хорошо было, не изношено,
На царев кабак да было сиошено.
Походит Васенька на царев кабак,
Поносит шапочку пухов калиак,
Большими то тюшеми он припахлазыват,
Слепыми те глазами он да
прироспилькиват;
Приходит Васенька да на царев кабак
Отдават шапочку пухов калиак,
Просит за шапочку пятьсот рублей,
А давают ему пять кошечек.

ПАРОДИЯ

Как во славном во городе Игнкове
Собиралися ребятушка молоко хлебать.
Еще много людей да собиралися,
Еще много людей соеждалосе,
И все на пиру молока досыта пахлебалисе,
И все были говоры и все были веселы.
А одной Куронтёминушки за беду пошлб,
Она хватилась — Прокопья нет.
Побежали в тёмы погребы,
Прибежала в погребы — Прокопий сидит
У обреза лиственичного.
Тут Прокопию славы поибт.

СКОМОРОШЬЯ ПРИБАУТКА

Ай чистыи полъ были ко Опскому,
А широкі раздолъица ко Киеву,
А высокия-то горы Сорочинскии,
А церковно-то строенъе в каменной
Москвы,
Колокольней-от звон да в Нове-гироде,
А ѹ тёртыя колачики Валдайския,
А ѹ щапливы щеголиви в Ярослави городи,
Дешевы поделун в Белозерской сторонѣ,
А сладки напитки во Нитери,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щельё каменьё ко сїверику,
А широки подолы Пудожаночки,
А ѹ дублёны сарафаны по Онёги по реки,
Толстобрюхие бабенки Лёшмозёрочки,
А ѹ пучеглазые бабенки Пошозёрочки.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Наименование «исторические» закрепилось за песнями, которые связаны с конкретными историческими событиями и определенными историческими лицами. Термин этот был выдвинут в эпоху господства мифологической школы как противопоставление термину «былина», в основе которой видели, главным образом, мифологическое содержание. Историческая школа, с ее тенденцией отыскивать и видеть в каждой былине отражение реального исторического факта, по существу стерла принципиальную разницу между былиной и исторической песней. Былина стала рассматриваться как следующий за исторической песней этап в развитии эпической поэзии. Процесс этот представлялся в следующем виде. Под впечатлением какого-либо события возникает историческая песня, насыщенная лиризмом. В дальнейшем происходит отмирание лирического элемента, разрушение четкости в передаче исторического эпизода, раскрашивание фантастикой. Все это вызывается потерей живой связи с историческим фактом как в результате

все большего отхода от него, так и попадания песни в новую среду — северных крестьян, стоящих в стороне от главной арены исторических событий. Как пример такой переработки лиро-эпической песни или кантилевы в эпическую песню обычно приводились параллельно две песни о Михаиле Скопине-Шуйском — лирический плач, записанный вскоре после события, в 1619 году, и песня об отравлении Скопина, где факт его внезапного заболевания и последующей за ним смерти развернут в плане уже быловой песни.

Однако, как правильно отмечается некоторыми исследователями, историческая песня, соприкасаясь в части своего состава с былиной, отличается от нее по самому существу своего творческого метода: передача и истолкование определенного исторического факта является в исторической песне основным художественным заданием. Вот почему нельзя рассматривать историческую песню как начальный фазис в развитии былины. Быловой эпос в делом не развился из исторического, хотя ряд каких-то древних исторических песен, не дошедших до нас, и мог послужить материалом для создания некоторых былин. Но самое отношение к этому историческому материалу и характер его использования в былине — иные, чем это мы видим в песне исторической: здесь этот материал получает самодовлеющее значение как факт, подле-

жащий определенному творческому осмыслинию и оценке.

Расцвет исторической песни относится к XVI веку и должен быть поставлен в связь с обострением классовых противоречий на почве расслоения в среде феодального боярства, усиления служилого поместного класса, роста купечества и т. п. В XVII веке на развитие исторических песен сильное воздействие оказали массовые движения, обусловленные усилением эксплуатации угнетенных классов. Песня продолжает создаваться и в последующие периоды, следуя всем законам фольклорного развития, изменяясь соответственно социальным тенденциям среды, в которую попадает, вытикая черты смежных фольклорных явлений, порой утрачивая свою историчность и превращаясь в бытовую песню лишь с некоторыми следами определенной эпохи. В отношении жанровых различий мы видим исторические песни, испытавшие сильное влияние былин, перенявшие в основном ее ритмический и стилистический строй, так же как и указанный выше способ исполнения. С другой стороны, мы находим собственно песню, в которой текст уже неразрывно спаян с напевом, песню, исполняемую хором, и т. п.

Первый собиратель, работавший подлинно научными методами, Петр Киреевский, впервые столкнувшись с исторической песней, был поражен ее разнообразной

тематикой и считал, что по песням удастся восстановить русскую историю. Действительно, диапазон исторической песни чрезвычайно широк. Она откликалась и на крупнейшие исторические события, и на разные мелкие частные эпизоды, имевшие часто лишь местное значение. Но огромный интерес и значение этой поэзии не только в широком охвате исторических фактов. Одной из главных особенностей ее следует признать четкость социальных тенденций в отличие от былины, в которой с таким трудом, вследствие специфики ее развития и сложности содержания, вскрывается классовая природа. Складываясь в различных социальных группах, историческая песня, вопреки представлениям дореволюционных исследователей, готовых видеть в ней какие-то общие идеологические линии, заключает резко противоположные трактовки исторических событий и оценки исторических деятелей, воссоздавая часто, в совокупности отдельных песен и их вариантов, всю сложность социальной атмосферы определенного исторического периода. Таковы, например, песни, связанные с так называемым Смутным временем, с эпохой Петра I и др.

Особенно большую ценность представляют песни, создавшиеся или переработанные в группах, несших на себе всю тяжесть феодально-крепостнического строя, — в крестьянстве, казачестве, среди солдат. Кажд-

дая из этих групп в определенный исторический период создает свои стилевые линии в области исторической поэзии, еще до сих пор совершенно не исследованные.

Районы распространения исторической песни значительно шире, чем былины. Она сохранилась и в тех местах, где былина исчезла. Наравне с былиной она живет в той же среде северного крестьянства, в сознании которого она часто и не отличается от былины и именуется тем же термином «старина», «старинка». Большое место она занимает в репертуаре казачества, где в противоположность северным районам она подчинила себе былину.

А. Астахова.

АВДОТЬЯ ЖЕНКА-РЯЗАНОЧКА

Подступал тута царь Бахмет турецкий,
И разорял он старую Казань¹ город
подлесную,
И полонил он народу во полон сорок
тысячей,
Увел весь полон во свою землю.
Оставаласи во Казани одна женка-Рязаночка.

Стосковаласи женка, сгореваласи:
У ней полонил три головушки,
Милого-то братца родимого,
Мужа венчального,
Свекра любезного.

И думает женка умом-разумом:
«Пойду я во землю турецкую
Выкупать хотя единыя головушки
На дороги хорошие на выкузы».
Царь Бахмет турецкий,
Идучи от Казани от города,
Напустил все реки-озера глубокие,
По дорогам поставил он все разбойников,
Во темных лесах напустил лютых зверей,
Чтобы никому ни пройти, ни проехати.

¹ Казань вместо Рязани.

Чтобы никому ни пройти да ни проехати». Ответ держит ему Авдотья женка-Рязаночка:

«Батюшка, дарь Бахмет турецкий!
Я так прошла путем да и дорогою:
Мелкие-то речушки бродом брела,
А глубокие речушки пливом плыла,
Чистые поля — разбойников о полночь

прошла

(О полночь разбойники опочин держат),
Темные леса — лютых зверей о полдень
прошла

(О полдень люты звери опочин держат),
Я так прошла путем да и дорогою».

Говорит ей царь Бахмет турецкий:
«Ты, Авдотья женка-Рязаночка!

Когда ты умела пройти путем да и
дорогою,

Так умей-ка попросить и головушки
Из трех единых;

А не умсешь ты попросить головушки,
Так я срублю тебе по плеч буйну голову». Стоючись женка пораздумалаась,

Пораздумалаась женка, порасплакалаась:

«Уж ты, батюшка, царь Бахмет турецкий!
Я в Казани-то была женка не последняя,
Не последняя я была женка, первая.

Я замуж пойду, так у меня и муж будет,
Свекра стану звать батюшком;

Приживу я себе сына любезного,

Так у меня и сын будет;

Приживу я себе дочку любезную,

Воспою-скормлю, замуж отдаам,

Так у меня и зять будет.
Не видать мне будет единиця головушки,
Мне милого братца родимого,
Да не видать век да и по веку».
Сижучись де царь пораздумался,
Пораздумался царь, порасплакался;
«Ты, Авдотья женка-Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону Казань
город подлесную,
Тогда у меня убили милого-то братца
родимого:
Не видать буде век да и по веку.
За твои-то речи разумныя,
За твои-то слова за хорошия
Ты бери полону, сколько надобно:
Кто в родстве, в кумовстве, в крестном
братовстве».
Начала женка ходить в земле турецкия,
Выбирати полон во свою землю.
Она выбрала весь полон земли турецкия,
Привела де полон во свою Казань город
подлесную,
Расселила Казань город по-старому,
По-старому да попрежнему.

ТАТАРСКИЙ ПОЛОЙ

У колодеза у холодного,
Как у ключика у гремучего,
Красная девушка воду черпала.
Как наехали злы татаревы,
Полонили они красную девушку,
Полоня её замуж выдали
За младого за татарченка.

Как прошло тому ровно три года,
Полонили они старую женщину,
Полоня ее стали делить,
Кому она достанется:
Как досталася тёща да зятю.

Он заставил ее три дела делать:
Белыми руками тонкой кужель прядь,
Ясными очами лебедей стеречь,
Резвыми ногами дитя качать.

Качает дитя — прибаюкает:
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милос!
Ты по-батюшкы млад татарченок,
А по матушки родной внучек мне».

Как услышал зять тещины слова,
Он бежит к молодой жене:
«Ты послушай-ка, молода жена,
Как работница дитя качает,

Качает дитя — прибаюкивает:
«Ты, баю, баю, моё дитятко,
Ты баю, баю, моё милюс!
Ты по батюшки млад татарченок,
А по матушки родной внук мне».
Бежит, бежит молодая жена,
В одной сорочке без пояса:
«Государыня моя матушка!
Для чего ж ты мне давно не сказалася?
Ты бы пила-ела с одного стола,
Носила бы платье с одного плеча!»

ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Середи было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А из сиальни, белокаменної палаты,
От сна тут царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сон
рассказала:
«А и ты встань, Симеон-царь, пробудися!
Что почесь мие, царице, мало сналося,
В сновиденьице много виделось;
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлице встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство нацывала;
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московский,
А Иван сударь Васильевич, прозритель,
Со теми ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за
пятнадцать верст,
Становились они подконою под Булат-реку,
Подходили под другую, под реку под
Казанку,
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,

Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поло в лагере:
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тише.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич, прозри-
тель,
И начал канонеров тут казнить,
Что началася от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился,
От меньшего ему князю ответу нету.
Еще тут ли молодой канонер выступил:
«Ты, великий, сударь князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнить:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тише».
Нозадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярого
До тое-то бочки с черным порохом,—
Принималися бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут великий князь московский
На тое ли высокую гору.
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она ссыпала соли на ковригу,
Она с радостью московско. о князя
встречала,

А того ли Ивана сударь Васильевича, про-
зрителя;

И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя он,
И вынял ясны очи косицами.
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую порфиру,
Он царский костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И наслед в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И с тех пор великая слава.

ПОП ЕМЕЛЯ

Выпала порошица на талую землю;
По той по порошице ишел тут обозец,
Не мал, не величек, да семеро саней,
Да семеро саней, по-семеро в санях.
Во первых-то санях атаманы сами,
Во вторых-то санях эсаулы сами,
А в четвертых санях разбойники сами,
А в пятых-то санях мошенники сами,
А в шестых-то санях да Гришка с

Маринкой;

А в седьмых-то санях сам поп-от Емеля.
Сам поп-от Емеля, а крест на рамени,
А крест на рамени в четыре сажени,
Рукой благословляет, крестом наделяет:
«Духовные дети, полезайте в клети,
Головы рубите, а душ не губите;
Если бог поможет, попа не забульте,
Если чорт обрушит, попа не клеплите».
Попадья Олена на воду смотрела,
На воду смотрела, ворам говорила:
«Не ездите, дети, во чужие клети, —
Будет вам невзгода, будет непогода».
Не слушались воры попадьи Олены,
Сели-засвистали, коней нахлыстали.

ПОН ЕМЕЛЯ

Поэле Покрова на первой неделе
Выпала пороша на талу землю;
По той по пороше схала свадьба:
Семеро сацей, но-семеро в санях,
Семеро верхами, все с бердышами,
Семеро непиками, все с палашами.
Встречу той свадьбы шёл пон Семён —
Крест на рамени, полутора сажени.
«Бог же вам в помощъ, духовные дети,
Красть-воровать, на разбое стоять!»

ПЛАЧ О МИХАИЛЕ СКОПИНЕ

Ино что у нас в Москве училось;
С полуночи у нас в блокол звонили?
А рослачатся гости москвичи:
«А теперь наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!»
А съезжались князи-бояри супротиво

к ним,

Мстисловской князь, Воротынской,
И между собою оне слово говорили,
А говорили слово, усмехнулися:
«Высоко сокол поднялся,
И о сырьу матеру землю ушибся».
А рослачатся свёдки немцы:
«Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила».
Нобежали немцы в Нов-город,
И в Новé-городе заперлися,
И иного мир-народ погубили,
И в Латынскую землю превратили.

МИХАИЛ СКОПИН-ШУЙСКИЙ

Поезжает Скопин-от да князь-от Михайло
Васильевич,
Поезжает Скбпин-от за Москву-реку.
На наказывает Скопиншу-ту родна матушка,
Родна матушка ему, ему молода жона:
«Уж ты душенька, Михайло да ты
Васильевич,
Уж ты тот-ли князь да Скбпин-от!
Ты не еди, Скопин, да за Москву-реку:
Там поставят тебя-то ведь не на шир
зовут,
Не на шир тебя зовут-то, не пировать
с тобой,
Оли тебя — держат всё хрестника
У того-то у князя у московского.
Ты одёржиши своёго хошь восприемника». Говорит ёму родна-та да его матушка:
«Ты не пей-ю-се у их да зелёна вина,
Ты не кушай-ко у их всё ествы сахарныя:
Да уходит тебя кума, да дочь Малютьева». Он не слушает наказу-ту рбдной матушки,
Рбдной матушки наказу-ту, молодой жены;
Поезжает-то Скбпин-то князь Михайло-спект
Васильевич,
Он берет, берет коня-та всё богатырского,

Он уехал за матушку за Москву-реку,
И приезжает ко князю-ту московскому:
Да встречают Скопинá-та князя Михаила
Васильёвича,
Да встречают его на широкой светлой
улицы,
Приглашают его всё, почесён пир,
Да идет-то Скопин-князь Михаило
Васильёвич.
Он идет-то да ничего-то всё не думает:
Одёржал же он своего всё восприемника.
Собираёт князь на радости тут почесён
пир,
Он почесён-от пир да он на весь на мир.
На своих-то на князьей да он на бояров.
Для того-то собираят большие Скопинá-кумá,
Для того-ли-то князя Михаила Васильёвича,
Да садит он его всё во большо место,
Во большо его место да ишие всё к себе.
Ишие тут ведь бояра всё зло подумали:
Розговорили они да всё княгиню тут,
Насыниали в стокан ёму зелья лотого;
Подносила кума всё ему крестовая.
Выпиваёт Скопин, ничего не думает;
Загорело у его ретиво сердце,
Выходил-то он ведь скоро из чеснá пиру,
Говорит-то он кумы-то своей крестовою:
«Уж ты гой еси, кума ты моя крестовая!
Опоила ты, всё ты меня, безбожница,
Опоила меня ты да зéньём лютым,
Ты злодейка-кума, ты да змея лотая,
Змея лотая ты, да дочь Малютина,
Дочь Малютина ты, да всё Скурлатова!

Отвези ты меня, да кум крестовой мой,
Ко своей-то отвези меня к родной
матушке.

Ише-я то на вас-то да зла не думаю:
Уходила меня кума-злодейка зла,
Да злодейка-та зла, да дочь Малютина».
Уезжает он скоро да к родной матушке,
К родной матушке, к своей-то он
к молодой жоны;

Ише тут-то заходит-то во полатушки
Ко своей-то ко родимой да он ко матушки.
Он запел-то сам слёзно да уливается,
Он всемирно во своих грехах всем он
каялся,

Ише тут-то с души он скоро представилсѧ:
Да сгорело у ёго-то тут ретиво сердце.

ЗЕМСКИЙ СОБОР

Жил-был государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской.
И выходит от ранней заутрени христостольской,
И ставится на лобное место,
И на все стороны государь поклонился,
Испроговорил надежа-государь-царь:
«Ай же вы, князи и бояра!
Посовите государю дума думати,
Лума думать, а и не продумать бы.
Что наступает король литовский,
Наступает-то на город на Смоленец». А из больших бояр боярин выступает,
Он близенько к государю подходит,
Он низенько государю поклонился,
Испроговорил великий боярин:
«Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович
московской!
Благослови слово сговорити,
А не прикажи-тко за слово именя
сказнити:
А Смоленец есть строенье не
московско,

А Смоленец есть строеньице
литовско;
Во Смоленце силы нету, казны не
бывало:

Отдадим-ко мы город Смоленец
Без бою, без драки великия
И без большого кроволития».

А к тем речам государь не принимался,
Испрограммил государь-царь:

«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, и не продумать бы.
Наступает на Смоленец король
литовский,

Станем ли за Смоленец постояти?»
Из середних бояр боярии выступает,
Ноблизенько к государю подходит,
И низенько государю поклонился,
Испрограммил великий боярин:
«Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь, Михайлович
литовской!

Благослови мне словцо сговорити,
А не прикажите за словцо сказнити:
А Смоленец есть строенье не
литовско,

А Смоленец есть строеньице
литовско,
Силы во Смоленце нету, казны не
бывало:

Отдадим-ко мы город Смоленец
Без бою, без драки великия,
Без большого кроволития».

А к тем речам государь не принимался,
Испроговорит государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московской:
«Ай же вы, князи и бояра!
Пособите государю дума думати,
Дума думать, а не продумать бы.
Наступает на Смоленец король
литовский,

Станем ли за Смоленец постояти?»
Из меньших бояр боярин выступает,
Поблизенько к государю подходит,
И низенько государю поклонился,
Испроговорит меньший боярин:
«Ай же ты, государь-царь,
Алексей сударь Михайлович
московской.

Благослови мне словечко сговорити,
А не прикажи за слово сказнити:
А Смоленец есть строенье не литовско,
А Смоленец есть строеньице
литовско,

В Смоленце силы сорок тысяч,
Казна есть бесчетна:
Надо нам постоять за Смоленец,
А не надо нам отдавати».
Испроговорит слово государь-царь,
Алексей сударь Михайлович
московской:

«Ты знаешь с государем говорити:
Поезжай-ко в Смоленец воеводой,
Постояй за город Смоленец».
Этих первых двух бояринов
Приказал царь сказнити.

СЫН СТЕПАНА РАЗИНА

Как во славном городе во Астрахани
Очутился, проявился незнакомый человек;
Он и щенотко по городу погаживает,
На нем бархатный кафтанчик нараспашку,
Черна шляпа пуховая с прозументами.
С астраханскими купцами он не знается,
Астраханскому губернатору челом не бьет,
А водит он за собою голь кабацкую.
Как завидел губернатор из косяцата окна,
Воскричал же губернатор слугам верныим своим:
«Вы подите, приведите удалова молодца!»
Как искали добра молодца по Астрахани,
По трактирам, кабакам, по питейным
домам,
Нашли, нашли молодца во царевом кабаке,
Во царевом кабаке, — зеленое вино пьет;
Как и взяли, подхватили под белые
рученьки.
Приводили молодца к губернатору на двор.
Воскричал же губернатор со высокого
крыльца:
«Ты скажи, скажи, детина, незнакомый
человек!

Ты ли княжеский иль барский, иль купеческий сынок?

Ты с Москвы ли купец, или с Дону молодец?»

Отвечает тут детина губернатору:
«Я не княжеский, не барский, не купеческий

сынок,
А со матушки со Волги, Стеньки Разина я сын.

Как заутра мой батюшка хотел в гости к тебе быть,

Ты изволь его встречать, изволь потчевати;

Он и пива не пьет, вина в рот не берет,
Он гостинчики свои на поклон тебе пссет».

Воскричал же губернатор со высокого крыльца:

«Вы возьмите, отведите в белокаменную тюрьму!»

Как удаленький молодчик да посиживает,
И в окошечко на Волгу он поглядывает:
Уж на Волге на реке забелелися стружки,
Как во лодочки косной Стенька Разин

сидит сам,

Добры молодцы гребут, сами песенки поют:
«Уж мы этую тюрьму по камушкам раз-

берем,

Всех охотничков, невольничков мы повы-
пустим».

СТЕПАН РАЗИН

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке матушке Камышенке
Вышмыгают ли стружечки ссаульские,
На стружечках тех сидят гребцы бурлац-
кие:

Все бурлаки, все молодчики заволжские,
Хорошо все удальды были царяжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в питку строчены;
Галушиом рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы.
Они веслами гребли, да пели песенки,
К островочку среди Волги становились:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возговорят бурлаки тут удальые:
«Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторски:
Кого ждали-поджидали, того ляд несет».

Астраханский губернатор догадался тут:
«Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские.
Как возговорят удалы люди, вольные:
«Как твоя не дорога нам золота казна;
Нам не дорого ни платье губернаторско,
Нам не дороги диковинки заморские;
Нам не дороги вещицы астраханские;
Дорога нам твоя буйшая головушка».
Буйшу голову срубили с губернатора,
Они брссили головку в Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тут насмеялись:
«Ты добре ведь, губернатор, к нам
строгонек был,
Ты ведь бил нас, ты губил нас, в ссылку
ссыльвал,
На воротах жен, детей наших расстреливал!»

СМЕРТЬ СТЕПАНА РАЗИНА

На заре-то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца,
Не сокол летал по поднебесью:
Ясаул гулял по пасадику;
Он гулял, гулял, ногуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, козаки донски!
Нездороно на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон,
Со вершины до черна моря,
До черна моря Азовского,
Помешался весь козачий круг:
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина;
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменину Москву
И на славной Красной Площади
Отрубили буйну голову».

ПЕСНЯ РАЗИНЦЕВ

Ах, туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска иенавистные!
Не подняться вам, туманушки, со синя
моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива
сердца прочь!

Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, част-крунен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремнички-братцы разбежалися,
Во темном бы лесу собиралися.
Во дубравушке, во зеленешкой,
Ночевали тут добры молодцы,
Под березенькой они становилися,
На восход богу молилися,
Красиу солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди, над высокою,
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеевича,
Про прозванью Стеньки Разина,
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,

Добрых молодцев, людей беглых.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистешем махнем — караван собыем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем.

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

Не кулик по болотам куликает,
Молодой князь Голицын по лугам гуллет;
Не один князь гуляет, — с разными со-
полками,
Со донскими козаками, еще с егарями.
И он думает-гадает:
«Где пройтись-проехать?
Ему лесом схать, — очень тёмно;
Мне лугами, князю, ехать, — очень было
мокро;
Чистым полем князю схать, — мужикам
обидно,¹
А Москвой князю ехать, — было стыдно».
Уж поехал князь Голицын улицей Тверскою,
Тверскою-Ямскою, Новой Слободою,
Новой Слободою, глухим переулком.
Подъезжает князь Голицын близко ко
собору,
Скидывает князь Голицын шапочку
себолью,
Становился князь Голицын на коленки,
На коленки становился, сам богу молился,

¹ Затои чега и виу.

Богу помолился, дарю-государю низко
поклонился:
«Уж ты здравствуй, государь-царь, со
своими боярами,
Со своими боярами, с большими князьями,
А сще ты, государь-царь, с голубыми
лентами,
А сще ты, государь-царь, с разными
полками!
Ох ты, батюшка, государь-царь, ты наш
православный!
Ты зачем, государь-царь, черия-т разо-
рляешь?
Ты зачем больших господ сподобляешь?
Ты пожалуй, государь-царь, меня горо-
дочком,
Не большим городочком, Малым-Яро-
славцем.
«Нету, нету тебе, князю, нет ни городочка,
Ни малого, ни большого нету Ярославца!»

СТРЕЛЕЦКАЯ КАЗЛЬ

Во далече, во далече в чистом поле,
А ёщё того подале во раздолыце,
Тут не красное солнышко выкаталося:
Выезжает-то удалый-добрый молодец,
Ёщё тот же стрелецкий атаманушка.
Хороша больно на молодце приправушка:
Под ним добрый конь ровно лютый зверь,
Кольчуга-то на молодце серебряная,
Соболица на иём шанка до могучих плеч,
На ием түгий лук как светёл месяц,
Каленцы стрелы как часты звезды.
Он и держит путь-дороженьку в камениу

Москву,

Он и горы и долы в перескочь скакал,
Темные лесы между ног пускал,
Быстрые реки перепрыгивал.

Возьмёт он во матушку камениу
Москву,

Приезжает ко дворечушку ко судареву.
Караульщиков он не спрашивал,
Приворотничкам не был челом,
Он и бьет своего добра коня — не жалует,
Его добрый конь осережается,
От сырой мати-земли отделяется,

Перепрыгивал он стенушку белокаменную;
Подъезжает он ко крылечушке ко
судареву.

Воскрикнет он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой еси, наш батюшка, православный
царь,

Во всеё Руси царь, Петр, сударь Лексеевич!
Ты за что, про что на нас, сударь,
прогневался,

Ты за что наш зеленый сад хочешь
выжечь-вырубить,

Все и ветвицы-кореньицы повысушить?

Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов,
простить?

Мы возьмем тебе город, какой надобно,
Без свинцу-то мы, без пороха сударева.
Мы без ружеец, без сабелек без острых,
Мы возьмем тебе город своей грудью
белою».

Выходил-то тут батюшка, православный
царь,
Во одних-то он чулочках он, без чоботов,
Во одних-то он чулочках он, без панцуров.¹
Воскричит-то он, возгаркнет громким
голосом:

«Ох ты гой, стрелецкой атаманушка!
Уж и вот-то я с болрами подумаю.
С сенатрами, с фельдмаршалами переведаю».
Уж возговорит тут стрелецкой атаманушка:
«Ох ты гой еси, наш батюшка, православный
царь,

¹ Панцырь.

Во всёю Руси царь, Петр, сударь, Лексе-
севич!

В глазах ты меня, сударь, обманываешь:
Не видать тебе меня у себя в дворце!»

Он и бьет своего добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгиват он стенушку белокамену,
Он и держит путь-дорожку во далече во
чисто поле;

Возъезжает он во стрелецкую армешушку,
Воскричит-то он, возгаркинет громким
голосом:

«Ох вы гой еси, стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех
жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими —
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!»

КАЗНЬ АТАМАНА СТРЕЛЕЦКОГО

Из Кремля-Кремля, крепка города,
От дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади,
Пролегала тут широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Как ведут казнить тут добра молодца,
Добра молодца, Большого Барина,
Что Большого Барина, атамана стрелецкого,
За измену против царского величества.
Он идет ли, молодец, не оступается,
Что быстро на всех людей озирается,
Что и тут царю не покоряется.
Перед ним едет грозен цаляч,
В руках несет остр топор,
Л за ним идут отец и мать,
Отец и мать, молода жена;
Они плачут, что река льется,
Возрыдают, как ручьи шумят,
В возрыданье выговаривают:
«Ты, дитя ли наше милое!
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалует.
Оставь буйну голову на могучих плечахъ.
Каменеет сердце молодецкое,

Он противится царю, упрямствует,
Отца-матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
Привели его на Площадь Красную,
Огрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

ШВЕДСКИЙ ПОХОД

Собирался-то Большой Барин,
Он с тем ли войском со Российскойм,
Что на Шведску-то границу.

Не дошедши он границы, становился,
Становился в чистом поле, при долине.
Российским войском поле изуставил,
Российскими знаменами поле изукрасил.
Как увидел король Шведский:
«Чтоб-й-то в поле всё за люди?
Ни торгом приехали они торговати,
Или нашего городу глядеть?»

Что приходили только й силы,
Что ни люты зверки проревели, —
Что чугунные ядры проревели;
Сходились туто й двой силы,
Что щебкие громы гремели,
Что ни люты звери проревели, —
Прогремели чугунные ядры;
Что между их протекали реки, —
Протекали реки, реки кровавые;
Что и силы полягло, — что и сметы нету.

ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ

Поутру-то было раным-рано
На заре-то было, на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей-озёр подымалися:
Подымалися добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Всё бурлаки попизовые
На каналушку на Ладожскую,
На работу государеву.
Провожают их, добрых молодцев,
Отды-матери, молоды жены,
И со малыми со детскими.

ПРУССКИЙ ПОХОД

Трáвынька-муравынька, кавылочик,
Но одной-то тебе, трáвыньке,
 В поле тошно:

И нам, солдатушкам, жи́ль не сладко!
Мы стояли во Прутской земле,
 На границе,

Под Кистрýном городочком три годочки:
Нам ни весточки, ни грамотки с Руси шту;

На четвертым годочеке весточка пала,
И за весточкой указы присылали,
Как у нас, братцы, на Свягой Русе
 Не здорово:

Смутился-помешался весь Тихой Дон.
Случился батальида генеральна:
На славным чистым поле Лебедяне.

Поступает Прутской король очень
 крепко.

Разбивает наш молодецкой новой корпус,
И со правого фланга да на левой:
Генералушки-бригадерушки испугались,
А полковники со майорами разбежались,
Из пушечек палили все сержанты,
Свинец-порох развозили маркитанты.

ЛОПУХИН-ПОТЕМКИН

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит, —
Король с армией валит,
При долине на лугу
Лопухин гулял в полку,
Курил трубку табаку;
Он не для того курил,
Чтобы пьяниому быть:
Он для того курил,
Чтобы смелее подступить.
Таки речи говорят:
«Починайте-ка, ребята,
Вы со правого крыла!»
Наши зачали палить, —
Только сажица валит.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часов:
На пятнадцатом часу
Стали силу разбирать.
Лопухин лежит убит,
Сам во грамотку глядит,
Таки речи говорят:
«Князь Потемкин генерал
Всё силу растерял:
Коё пропил-промотал.

Коё в карты проигралъ.
А котора оставалась, —
И то поб-груди в руде;
А котора на горе, —
По колени во траве;
А котора под горой, —
Завалёна вся землей
Караулы крепки,
Перемены редки.
Морозы студёны,
Камзолы зелёны.

РАБОТЫ НА ЛИНИИ

Эх, да как задумали солдат набирати:
Уж не много — тысяч сорок и четыре,
Сорок и четыре, козаченьки молодые.
Да как погиали солдат до Полтавы.
Вперед едут да всё генералы,
А по бокам едут да всё капитаны,
А позади едут да всё с барабанами;
Бьют-выбивают, — горе утешают,
Молодым солдатам жалоб не задавают.

Эх, да как погиали солдат до Полтавы:
Их заставили и рыть и копати.
«Видно, нам же, братья, усем пропадати!
Не будет знать ни отец, ни мати,
Ни огец, ни мати, ни родна родина,
Ни родна родина, жена молодая».

ПОЖАР МОСКВЫ

Ой, да нам не дорого, братцы, пиво пьяное.
Ой, да дорога, братцы, наша пир-беседушка-
от смиренная.
Ой, да во беседушке сидят люди добрые,
Ой, да говорят они речь-пословицу, все не-
годную,
Ой, да все не глупую речь-пословицу, все
старинную:
Ой, да отчего же Москва царская загора-
лася?
Ой, да загоралася Москва царская от
больших господ,
Ой, да от большого-то от барина, от
Гагарина.
Ой, да как у барина, у барина была
ключница,
Ой, да была ключница-ларочница, красна
девица,
Ой, да захотела же красна девица пива
пьяного,
Ой, да засветила красна девица свечу
сальную,
Ой, да заходила же красна девица в
потайной подвал,

Ой, да заронила же красна девица огню
искарку,¹
Ой, да от того же Москва царская загора-
лася.

¹ Искру.

ЧЕРНЫШОВ ЗАХАР ГРИГОРЬЕВИЧ

За Костринским то было славным городом,
За Костринскими было за воротами,
Там стояла-де да темна-тёмница,
Зла-злодеюшка да земляна тюрьма
И немшоная тюрьма, да непажоная;
Ворота-ти были укладныи,
Пробойчики были булатные,
Замочик-от был да ровно три пуда,
Ключёк-от был да полтора пуда;
А сиделед-от был да тут донской казак,
Чернышов Захар да сын Григорьевич,
Сеньки Разина был племяшицёк,
Оружейной был он заговорщицёк,
Карабельней был он постановщик.
Во тюрьмы-то сидит он, посниживают.
И во гусельды сам возыгрыват,
Таки речи да выговаривают:
«Зла-злодейка ты, да земляна тюрьма!
Ты немшоная, да непажоная,
Наделу-ле ты мие досталосе?
Але на жеребью ты мие повыпала?
Але из роду мие-ка бог судья?»
Из-за галани¹ тут кораб бежал,

¹ Гавани.

Бежал кораб, тут Брюнской король,
Ко тюрьмы кораб приворачивал,
У тюрьмы король стоял, выслушивал:
«Ой еси ты, донской казак,
Чернышов ты Захар Григорьевич!
Сколь служил ты да царю Белому,
Послужи ко мне друга стольки.
Есле послужишь, даک я и выпущу».
На то сиделец тут ответ держал:
«Была кабы у меня да сабля вострая,
Послужил бы я тебе да по белой шее».

ПУГАЧЕВ

В тем сударыня¹ простила,²
Жить по-старому пустила.
Полтора года страдали:
Всё царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского козака,
Емельяна Пугача
Сын-Ивановича.
Он со силой собрался,
Под Гурьев поднялся:
Стрельба была неспособна,
Стоять было не можно.
Он видит, что не взять:
Воротился взад.
С большой силой собрался
Под Яик поднялся:
Под Яик подходил,
Батальицу сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,

¹ Императрица Екатерина II.
² Казаков.

Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка пташка со гнезда.
Мелка пташка со гнезда¹
Укрепила Пугача
Сыц-Ивановича.

¹ Новые сообщники.

ПУГАЧЕВ И ПАНИН

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян
Иваныч,
Много ли перевешал князей и бойрей?» —
«Перевешал вашей братъи семьсот семи
тысяч.

Спасибо тебе, Панин, что ты не поонался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варбинны воожки,
За твою-то бы услугу повыше подвесил!»

Граф и¹ Панин испужался, руками спи-
бался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева.
Поведите-повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите!»²

Все Московски сенаторы не могут судити.

¹ Только для стиха «и».

² Чакажите.

ВОР ГАВРЮШКА

Ты, долина моя, долинушка, раздолье
широкое,
Ничего на тебе, моя долинушка, не
уродилось,
Уродился на тебе, долина, только садик
зелен;
Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
Никто по той дороженьке не идет,
не проедет,
Проезжает же по той дороженьке один
вор Гаврюшка,
Он на трех на своих троичках разно-
шерстных;
Перва троичка у него копей вороных,
Другая троичка у него-то копей гнедых
Третья троичка коней соловых.
Что гнались-то за вором Гаврюшенькой
три погоны:
Первая погоношка — все солдаты,
Другая погоношка — все жандармы,
Третья-то погоношка — все козаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку версты
за три, —

Приезжает вор Гаврюшенька в город
Воронеж.

Он атласу и бархату закупает, —
Никто-то вора Гаврюшу не признает,
Что за купчика Гаврюшеньку почитают.
Случилось итти вору Гаврюше мимо

Признавала вора Гаврюшку ^{также} своя братья:
«Уж ты, батюшка Гаврюша, разбей ты
темницу,

Уж ты выпусти нас всех, молодчиков,
на волю,

На ту же на волюшку — на матушку
на Волгу».

«Уж вы, братцы мои товарищи, мне теперь
не время,
За мной гонят же за Гаврюшенькой три
погони:

Первой-то я погонюшки не боюсь,
Второй-то я погонюшке не поклоняюсь,
Третьей-то я погонюшке — покорюся».

ВОР КОПЕЙКИН

Собирается вор Копейкин
На славном на устье Каастане.
Он со вечера, вор Копейкин, спать
ложился,
Ко полуночи вор Копейкин подымался,
Он утренней росой умывался,
Тафтяным платком утирался,
На восточиу сторонушку богу молился;
«Вставайте-ка, братцы полюбовны!
Не хорош-то мне, братцы, соп спился:
Будто я, добрый молодец, хожу по край
морю,

Я правою ногою оступился,
За крепкое деревцо ухватился,
За крепкое дерево — за крушину.
Не ты ли меня, крушинушка, сокрушила?
Сушит да крушит добра молодца печаль-
горе!

Вы кидайтесь, бросайтесь, братцы, в
лёгкие лодки.

Гребите, ребятушки, не робейте,
Под те ли же под горы под Змеины!»
Не лютая тут змёюшка прошипела, —
Свиндовая тут пульюшка пролетела.

ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

I

Ах по морю, по морю сиценькому,
Плавали-гуляли девяносто кораблей.
Как на каждом корабле по пятьсот
человек,
Хорошо пловцы плавят, весело песни поют,
Разговоры говорят, всё Рачеева бранят:
«Ты разбестия, каналья, Ракчеев дворянин!
Всю Россию разорил, солдат бедных
погубил:
Пропиваешь, проедаешь наше жалованье,
Харчевое, пьяновое, третье денежное».
Как на эти деньжонки граф палаты
себе скла,
Хороши белы палаты, стены мраморны,
Из хрустала потолок, позолоченный конёк,
Мимо этих ли палат быстра речка протекла;
Не сама собой прошла, фонтанами
возведена.
Как во этой ли во речке живá рыба
пущепá,
Жива рыба пущенá, серебряна чешуя.
Возле этой быстрой речки кровать нова
смошеноá.
Кровать нова смошеноá, периночка пухова.

II

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тут речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали гуляли
Девяносто кораблей:
Во всяkiem корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Все Ракчесва бранят:
«Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дороженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Берёзами усадил,
Бедных людей прослезилъ».

ПЕСНИ О 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

I

Молодой солдат да на часах стоит,
Стоючись-то солдат да расплакался,
Знаул ружьём солдат в сырь землю:
«Ты роздвинься, роздвинься, мать сырь
земля,
Ты откроися, откроися, гробова доска,
Розорвись-кё, розорвися, рущата камка,
Ты восстань-ке, восстань, наш благоверной
царь,
Благоверной царь Александ Павлович!
У нас всё-то иныче не попрежному,
Придумали, братцы, бояришка думу
крепкую:
«Кому, братцы, из нас да государём быть?
Государем быть, акитантом слыть?
Государем-то быть князю Вильянскому.
Аkitантом слыть князю Волжонскому».
Воспросыпало его да ухо правое,
Рассадили их по тёмным кибиточкам,
Развозили-то их да по тёмным тюрьмам».

II

Собирайтесь, мелка черниль,
Собирайтесь на совет —
Время тяжкое приходит —
Ладит турка воевать.
С англичанином они скумились,
Не могли России взять...
Не в иоказаншоё время,
Не в указанные часы.
Не в указанные часы,
Да во самую-то полночь,
Во самую во полночь
Да царя требуют во сенот.
Царь не долго сподоблялся,
На ямских он отправлялся,
Родну братцу говорил:
«Чтобы за мной погоней было».
Брат не долго сподоблялся,
На ямских он отправлялся,
Ко сеноту подъезжал
Да часовых от переспрощал:
«Господа вы, часовые,
Часовые страждвы!
Не видали ль здесь, робята
Афицера со вестям,
Да государя со кистям?»

Друг на друга поглядили
И сказали: «Не видал».
Один солдатичок, провор,
Левым глазиком повёл.
Никого князь не спрошалсε,
Часовых всех прирубал.
До сеноту доступал.
Трои двери изломал,
Он на четвёрты отворял, —
На коленях брат стоял.
Перед ним стоит полковник —
Сеноторская судья
И дёржиг саблю на весу —
«Что царю голову снесу».
Царь да брата увидал,
На резвы ноги ставал:
«Те спасибо, братец милой,
Те спасибо, брат родной,
Поманил бы час минуту,
Скоро не было меня,
Скоро не было меня,
Срубили голов у меня.
Нам не дороги сеноты,
Сеноторские судьи.
Из сеноту мы пойдём
Сеноторов сех прибъём.
Из сенотов вон пойдём.
Все сеноты все сожжем!»

БАЛЛАДЫ

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

1

Среди богатого материала русских фольклорных песен мы выделяем эпические песни балладного характера.

Основной балладный материал можно определить (вернее — описать) следующим образом. Баллады характеризуются наличием сюжетного содержания (в отличие от песен лирического характера), причем сюжеты их обычно довольно драматичны в смысле напряженности событий, и вместе с тем эта внутренняя драматичность передко находит выражение в диалогическом (то есть также драматическом) изложении. В отличие от былин и еще более от исторических песен, баллады не связываются с конкретными единичными фактами или лицами. Они не говорят нам о богатырях и богатырских подвигах, не связываются с традиционными именами богатырей, князя Владимира, Новгорода, Киева и т. п.; нет в них, как правило, гиперболичности и фантастичности, присущей многим былинам.

Обычно мы не можем также точно определить, какой именно конкретный исторический факт лежит в основе баллады; и если даже иногда мы можем предположительно указать, о каких исторических лицах говорит песня (например, песня о князе Волконском и Ваньке-ключнике), то сами эти лица оказываются и менее известными, чем в «исторических песнях» (где перед нами проходят, например, Иван Грозный или Степан Разин), и менее определенными: о котором именно Волконском и о каком случае из истории семьи Волконских идет речь, мы не установим.

Самый стиль баллад, с одной стороны, несколько проще былинного, с другой — динамичнее и драматичнее: нет такой медленности изложения, как в былинах; нет длительных повторений и мелочной детализации описаний; развитие действия значительно напряженнее.

Эти песни-баллады примыкают, с одной стороны, к былинам новеллистического характера, с другой — к так называемым семейно-бытовым и лирическим песням. Границы между различными группами песен неустойчивы, и в сущности мы имеем немало примеров песен, так сказать, переходного характера. Рядом с былинами собственно богатырскими стоят так называемые былины новеллистические, и эти новеллистические былины уже близки к песням-балладам; однако они связаны обычно с

теми же былинными героями, с конкретными лицами и местностями и потому обычно идут в числе былин (таковы, например, быlinы о Добрыне и Алеше, о Добрыне и Маринке и т. п.). Особенно близки к балладам, и в сущности могли бы уже быть названы балладами, такие «быlinы» (как их обычно называют), как о госте Торнтии или о Чуриле и Бермяте и т. п. Передки случаи и прямого перехода той или иной песни (при сохранении основного сюжета) из одного жанра в другой (такова, например, только что упомянутая былина о Чуриле и Бермяте или былина об Алеше Поповиче и братьях Збродовичах).

Точно так же в числе лирических песен семейно-бытового характера передко встречаются такие, в которых значительно развита повествовательно-сюжетная линия (таковы, например, песни о взаимоотношениях жены с мужем), и в отдельных случаях трудно решить, куда же именно следует отнести ту или иную песню.

Мы знаем баллады, как и большую часть нашего фольклорного материала вообще, по записям XVIII—XX веков в крестьянской среде. Однако самый характер баллад довольно ясно указывает на то, что среди них имеются песни и разновременного и различного социального происхождения.

Как правило, песни-баллады строятся по на мифологической основе. Мы найдем, однако, в них и мифологические представ-

ления. Можно даже выделить группу песен, для которых именно мифологические представления являются основой. Такова, например, песня «Змей Горынич и княгиня» с древнейшим мотивом связи женщины со змеем, причем любопытно, что даже этот древнейший мотив отнесен к «княгине» (понятие феодального периода), да еще в сафьяновых башмачках и в чулочках:

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на лята змея,
На лята змея на Горынич.
Кругом ее ножки змей обвился,
Кругом башмачка сафьянова,
Кругом се чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьет се в белые груди,
В белые груди человеческие,
Целует ее в уста сахарные.
От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очреватела.¹

И рождается от этой связи чудесный сын: он говорит еще в утробе матери и предсказывает, что будет богатырем и победит змея.

Несколько иного рода мифологические представления лежат в основе песни об

¹ «Памятники великорусского наречия», СПБ, 1855, стр. 124.

обращении женщины в дерево вследствие заклятия свекрови:

Ты поди, моя невестка, во чисто поле;
Ты стань, моя невестка, меж трех
дорог,

Четырех сторон,
Ты рябиною кудрявою,
Кудрявою, кучерявою...¹

К циклу тех же представлений о возмож-
ности превращения человека в дерево или
перехода сущности, жизненной силы, чело-
века в растение относятся песни, в которых
изображаются деревья, вырастающие на
могилах убитых. Такова, например, песня
о «Софьюшке и Васильушке» или «Цю-
рильё-игуменъё».

И здесь, однако, мифологический мотив
подается обычно в феодальном обличии
(монастырь, игумен, рай, ад).

Можно указать также в числе таких
мифологических баллад песню о том, как
река Смородина (представленная в виде
живого существа) топит похваставшегося
молодца, или песню о том, как Горе пре-
следует молодца или девицу.

Кроме таких мифологических песен, к
древнейшему слою баллад можно отнести

¹ Соболевский. Великорусские народные песни, т. I, № 79, стр. 129. Перепечатка из работы М. Халанского, Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде, Курской губернии («Русский филологический вестник», 1879—1883).

песни, в которых отразились те или иные черты первобытного уклада жизни.

Таков, например, цикл песен о кровосмешении (отца с дочерью, брата с сестрой); это также одна из очень древних тем, причем дается она обычно уже в бытовой обстановке позднейшего времени.

2

Основная масса баллад не имеет, как мы уже сказали, «исторического» характера в смысле связи с конкретными и иногда даже единичными фактами гражданской истории: характер их собственно новеллистический, то есть речь идет о безыменных и во всяком случае не единичных, а типичных, обобщенных, героях и герояньях, о каких-то общих явлениях бытового характера и т. п. Эта основная масса баллад довольно определенно по многим данным связывается с XVI—XIX веками, с периодом крестьянства. Отчетливо намечается в подобных песнях социальная дифференциация: они говорят о различных классах и социальных группах и при этом с различных точек зрения. Ряд песен имеет довольно четко выраженный феодально-служильный характер.

Такова, например, любопытная песня о дочерях Ивля Ивлевича.¹ Здесь дается изображение службы феодального типа.

¹ Киреевский И., Песни. Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1419, М., 1917, стр. 79 (песня записана в Москве).

У Ильи Павловича нет сыновей, только семья дочерей; он жалуется на свою судьбу, и меньшая дочь вызывается ити за него на службу, причем требует себе соответствующего костюма:

Сшей ты мне, батюшка, камзол да штаны,
Камзол да штаны, со манерами сапоги,
Купи же мне, батюшка, черную шляпу со
пером,
Перчаточки с серебром...

Костюм совершенно в духе XVIII века!

Очень интересна в этом отношении также песня, в которой девушка предлагает своему милому заложить ее, чтобы купить коня для царской службы:¹

И от Москвы заря-заря занималася,
На царя война-война подымалася.
Что на-всем князьям была служба
явлена,
Моему дружку было давно сказано,
Давно сказано — ему наперед идти.

* * * * *

А дальше следует неожиданное разъяснение: «служба царская» оказывается выбором девушек в хороводе:

¹ Соболевский, Великорусские народные песни, т. VI, № 274, стр. 211—212. Перепечатка из сборника Ю. Н. Мельгурова, Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные и с объяснениями изданные, в. 2, № 1, СПБ, 1883. Записана в б. Казахской губ.

Давно сказали — ему наперед идти,
Наперед идти — ему хоровод водить,
Хоровод водить — ему песни запевать,
Песни запевать — ему девок выбирать...

Повидимому, старая феодально-служилая новеллистическая песня превратилась здесь в хороводную (в сборнике Мельгунова она так и называется «хороводной»).

Любопытны также песни о смерти девушки, погибшей воеводским или боярским сыном:

У ворот сосна раскачалася,
Белая Дунюшка разыгралася,
Разыгралася, распотешилась...
Как боярский сын на крыльце стоит,
На крыльце стоит, Дуне речь говорит:
«Понграй, Дунюшка, понграй, белая!
Я тебя, Дунюшка, к себе возьму!».
Белая Дунюшка испугалася,
Испугалася, встрепенулася...
Как со вечера голова болит,
Ко полуночи она иона просит:
Как поутру-то в большой колокол
звонят,
Белую Дунюшку хороить несут...
Боярский сын на крыльце стоит:
«Прости, Душошка, прости, белая!»¹

¹ Соболевский, т. I, № 274, стр. 334—335.
Перепечатка из сборника К. Вильбоа, Сто русских
песен, записанных с народного папева, № 61, М., 1894.

В вариантах этой песни речь идет о генеральском сыне, о сержанте и проч. Эти песни, очевидно, более позднего происхождения (не раньше XVIII века). Очень любопытно и картино изображается, какой наряд «сержант» обещает девушке:

Играй, Дунюшка, играй, любушка!
Я тебя люблю, за себя возьму,
За себя возьму, башмачки куплю,
Башмачки куплю со чулочками,
Алы ленточки на подвязочки
И робронт куплю со юбочкой!¹

И самый наряд и иностранные слова для его обозначения переносят нас в XVIII век, причем уже, конечно, среда здесь не круино-феодальная, а мелкослужилая городская.

Довольно значительно количество песен, в которых изображается буржуазная, купеческая среда, причем изображается с такими подробностями, с таким знанием дела и обычно с такой определенной направленностью, что мы можем приписывать этим песням соответствующее буржуазное, купеческое происхождение. Такова, например, особенно богатая по своему оформлению песня о том, как «гостиный сын» увозит на корабль девушку. (Эта песня перекликается и со сказками о похищении красавиц).

¹ Соболевский, т. I, № 277, стр. 336—357.
Перепечатка из «Песенника» 1791 года, ч. 2, стр. 114.

виды-невесты.) Здесь дается и точная локализация действия (город Кронштадт), и красочное изображение богатства «гостиного сына» («И он носит красно золото на цевке, окатистый крупный жемчуг на атласе») и изображение самой обставовки похищения девушки.¹ Любопытен вариант этой песни, в котором девушку похищают уже «ржевские приказчики», причем для покушки нового струга они «складываются» (то есть складываются) по поптине; похищают они дочь богатого купца, «что под славной под губерней под Калугой», заманивая ее к себе игрой на скрипке;² все бытовое оформление песни здесь совершенно иное, хотя остав остов сюжета остается тот же самый.

Крепко связана с купеческой средой одна из весьма популярных песен о том, как у купца пропала дочь:

Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмоинке,
Близь гостиного двора,
У Софронова купца
Случилась беда
И не малая,
Что не сто рублей пропало

¹ Соболевский, т. I, № 243, стр. 322—324.
Перепечатка из «Песенника» 1780 года, ч. 3, стр. 61.
² Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 1932, стр. 100.

Пне тысяча его;
Прошла у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.¹

8

Как видим, среди баллад, записанных в крестьянской среде, немало таких, которые по своему происхождению не принадлежат крестьянству. Крестьянство унаследовало их (как унаследовало, например, былины и исторические песни) от господствующего класса феодалов и от городской буржуазии. Понятно, что эти чужие произведения не оставались в крестьянской среде познанными.

Нередко подобные изменения оказываются искажениями, прямой порчей текста вследствие исконимания его, несоответствия крестьянской психологии и обстановке. Но было бы грубейшей ошибкой думать, что «народ» питается только крохами со стола «господ», ничего не создает сам и только «спортит» доходящее до него «культурное наследие» господствующих классов.²

¹ Соболевский, т. I, № 247, стр. 325—327. Перепечатка из «Отечественных Записок», 1841, т. XVIII. См. съ, стр. 11. Запись из б. Костромской губ. Любопытно, что фамилии (Софронов и дальше — Машков) берутся весьма стойко; еще более стойко указание на Макарьевскую ярмарку.

² Так ставят вопрос многие немецкие ученые во главе с Г. Науманом.

Изменения далеко не сводятся к порче: мы знаем и такие случаи, когда устный крестьянский вариант оказывается картищнее и выразительнее книжного, литературного.

Большое количество произведений кроме того должно быть отнесено по своему происхождению непосредственно за счет крестьянства: они и говорят о крестьянстве и выражают его настроения.

К числу таких крестьянских песен нужно отнести значительное количество песен семейно-бытового характера, в частности сатирических и юмористических, передко примыкающих к анекдотам. Таковы, например, насмешливые песни о ленивых или неумелых женщинах или песня о муже, неудачно пытающемся выполнить роль жены-хозяйки. Жена, уезжая в гости, называет мужу:

Ты сиди, муж, дома, сиди, супостат!
И ты масло пахтай, пшеницу просей,
Цыплят стереги и дитя колыхай!

По возвращении она спрашивает:

Ты здорово-ль, мужицушка, спал-ночовал?

и получает ответ:

Я пе пуще здорово спал-ночевал:
И я масло промыл, пшеницу просыпал;
Прилетел коршун, ухватил цыплака,
Ухватил цыплака посерек живота;

А л кинулся-опрокинулся,
За копыл зацепил и дитя задавил!¹

Сюда же следует отнести песни о горькой участии женщины в чужой семье по выходе замуж и о плохих взаимоотношениях ее с мужем. Почвой для такого рода песен являлись крепостнические семейно-бытовые отношения, подневольное положение женщины, полное угнетение ее, браки поневоле. В качестве протеста против подобных условий жизни возникали и распространялись песни, в которых жена выражает свое враждебное или насмешливо отношение к мужу; в ряде песен изображается прямо расправа жены с мужем (то в более смягченном, то в более жестоком виде).

Так, есть песни, в которых изображается, как жена гуляет потихоньку от мужа, обманывая его; или жена бранит мужа, радуется тому, что мужа захватили в плен татары, и только опасается, как бы он не убежал; или жена не выпускает мужа в ворота, когда он возвращается из кабака:

Ты почуй, почуй, невежа, за вороты!
Вот те мягкая перина — белая пороша,
Шитый браный положок — частые звезды,
А высокое изголовье — подворотня,
Соболинno одеяло — лютые морозы!²

¹ Соболевский, т. VII, № 188, стр. 187—188.
Перепечатка из «Песенника» 1810 года.

² Соболевский, т. II, № 416, стр. 350—351 (из рукописного сборника XVIII века).

Очень любопытна одна из широко распространенных песен — о муже-недоростке. В основе этой песни, несомненно, лежит старое бытовое явление, о котором рассказывает еще Олеарий: малолетних ребят женили на взрослых девушках, чтобы скорее приобрести в дом новую рабочую силу. Песня изображает расправу такой взрослой и сильной жены со слабым мужем, изображает явно неправоподобно (вирочем, и самая песня приобретает в ряде случаев шутливый, игровой характер), но основное настроение — стремление женщины взять верх над мужем — совершенно реально.

Интересен по оформлению один из вариантов песни о недоростке, весь построенный на параллельных оборотах и изложенный в виде своего рода причитания жены («Ой, куда мие недоросточка, куда дети?»; вопрос повторяется четыре раза с различными ответами); любопытно применение пренебрежительных названий:

Заверну я недоросточка
В дерюженку,
Положу я недоросточка
В тележенку,
Запрягу я недоросточку
Лошаденку...¹

¹ Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, № 2063 (из б. Малоархангельского уезда б. Орловской губ.).

В одной из песен жена-модница, чтобы избавиться от мужа, покупает для него место в тюрьме. Наконец, в ряде песен жена убивает мужа разными способами: тонит, сжигает, вешает, зарезывает. Трудно думать, что подобные случаи были обычным бытовым явлением; но песня подхватывает исключительные факты и именно их-то и фиксирует — не столько как прямое отражение того, что было в реальной действительности, сколько как выражение настроений и пожеланий. Во всяком случае песни эти оказываются весьма популярными. Любопытна, в частности, запись песни о том, как жена сжигает мужа, сохранившаяся в следственном деле 1699 года (причем само следственное дело никакого отношения к тексту песни не имеет): это — один из немногих случаев записей ранее XVIII века.

На той же почве угнетения женщины выросла оригинальная песня о том, как женщины, сложившись «по полтине», покупают у «своеводы» волю над мужьями.

Жена, получившая «волю» над мужем, запрягает мужа в сани и едет в лес за дровами. Интересно использование увеличительных названий:

Запрягу я,
Запрягу я мужа ў сани,
Я поеду,
Я поеду ў лес по дровы,

Но я буду,
Но я буду погоняю
Чапельнищем,
Чапельнищем по бельмищам
Цомелищем по ребрищам,
Я поленом,
Я полепом по колену...¹

Если в этих песнях мы видим торжество женщины над мужчинами, то, конечно, имеются и такие песни, в которых муж исправляется с женой: старый муж побоями исправляет жену-насмешницу; муж отправляет жену в лодке вниз по Волге (а затем приглашает ее воротиться); муж желает смерти нелюбимой жены; наконец, муж убивает жену. Любопытно, что в жизни подобных случаев убийства мужем жены было, надо полагать, больше, чем случаев убийства мужа женой, в песнях же соотношение обратное; лишний раз здесь подтверждается та мысль, что песня по есть прямое воспроизведение реальной действительности: это — поэтическое создание, являющееся выражением определенной направленности.

4

Жестокость семейного быта, как мы указали выше, является одним из проявлений

¹ Добровольский, Смоленский архографический сборник, ч. 4, № 102-б, М., 1903, стр. 62.

крепостнического строя. Песен, в которых крепостнические отношения проявлялись бы непосредственно, сравнительно немного. Таковы в особенности так называемые «холопские» песни. Отчасти к их числу может быть отнесена одна из популярнейших баллад — песня о Ваньке-ключнике. Героем песни, на стороне которого сочувствие авторов и исполнителей, является здесь слуга (надо полагать, крепостной) князя Волконского. Песня сочувственно рисует его наружность и щегольской наряд, в особенности же эффектно передается гордый и пренебрежительный ответ князю. Даже такой исследователь, как О. Ф. Миллер, еще в 1876 году отметил, что песня о Ваньке-ключнике «отличается духом позднейшей вражды служилого человека к своему господину».¹

Любопытно отметить, что песня о Ваньке-ключнике была обработана поэтом Вс. Крестовским (1861 год), и эта обработка в свою очередь вновь проникла в устную традицию и в значительной степени вытеснила прежнюю песню о Ваньке-ключнике. При этом, однако, само стихотворение Крестовского не остается неизменным, а перерабатывается в устной традиции.

Еще ярче, пожалуй, «холопская» установка проявляется в песне о том, как «лю-

¹ Отчет о восемнадцатом присуждении наград гр. Уварова, СПБ, 1876 (рецензия О. Ф. Миллера на «Песни, собранные П. В. Киреевским»).

была княгиня камер-лакея», где княгиня причитает над телом камер-лакея, убитого по приказанию ее мужа.

Совершенно четко насмешка над барыней и торжество холопа рисуются в песне о любви холопа к барской дочери:

«Ах, негодница холоп, где ты спал,
ночевал?» —

«Боярыня, сударыня, у тебя в терему,
У тебя в терему, в щитом браном пологу
В щитом браном пологу, на перинах,
на пуху!» —

«Ах, негодница холоп, на что сказываешь?» —

«Боярыня, сударыня, на что спрашивашъ?
Кабы ты да не спросила, я бы век но
сказал!»

Песня эта принадлежит к числу распра страненных. Весьма распространена также песня о том, как молодец лазет к девушке через окно. В некоторых вариантах эта песня также приобретает характер «холопской»

Сержант ручку протянул,
Холоп плеткою стебнул:
«Да не ваша, сударь, честь
Под окошко к девке лазть.
А и ваша, сударь, честь
На сражельнице стоять
И с турками воевать;

¹ Соболевский, т. I, № 31, стр. 87—88 из «Десятника» 1780 года).

А холопская честь
Под дорогою стоять,
Кафтаны, шубы снимать,
Еще плеткою стебать...¹

В других вариантах обычно вместо «холопа» появляются денщик, ямщик и проч. Нет и характерного изображения «чести» холопа — «кафтаны, шубы снимать», то есть разбойничать.

Как раз разбойничество, являющееся одним из порождений крепостнических отношений, широко представлено в песенном балладном материале. Так называемые «разбойничьи песни» изображают обычно не рядовой грабеж бытового характера. В песнях перед нами проходят своеобразные архаические картины разбойничества (например, молодец убит разбойниками в кабаке, то есть «разбойники» эти не скрываются в лесу; или о разбойниках говорится: «стает целовальник разбойников и не сказыват»). Герои и факты — необычны, исключительны (например, в знаменитой песне «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» разбойник должен идти на допрос к самому царю; разбойником и даже отмашом разбойников оказывается девица, как в песне о Таньке Ростокинской). В ряде случаев довольно определенно звучат мотивы разинского цикла, только без упоми-

¹ Киреевский, Песни. Новая серия, в. 2, ч. 2, 1997-а, стр. 99—100.

нания имени Раина. Песни относятся к разбойникам с несомненным сочувствием, как к людям смелым, гордым и сильным. В этом проявляется своеобразный протест против существовавшего порядка вещей, находивший свое прямое выражение в самом факте разбойничества.

И по своему стилю, и по деталям исторического характера разбойничьи песни относятся преимущественно к XVI—XVIII векам, то есть к периоду весьма напряженной борьбы крестьянства против крепостничества. В песнях говорится, например, о том, что разбойника допрашивает царь Иван Васильевич, причем действие отнесено к Киеву; девица-атаман захотела «загулять во славное в Московское государство» и загуляла «на славное на Петровское на кружало», где ее поймали, повели «в полицу» и подняли на дыбу; в одной из песен речь идет о «славном селе Преображенском», где помещается «приказ государев». По своему характеру многие разбойничьи песни приближаются к историческим и даже к былинам.

В песнях-балладах находит отражение и такое социальное явление, как солдатчина. В отличие от ура-патриотических песен, насаждавшихся сверху, «государева служба» в крестьянских песнях изображается в отрицательных тонах. Молодец, записанный в солдаты, пьет «с кручины, с великия печали», называет «государево

солдатство» несчастьем, надеется откупиться от солдатчины золотой казной, горько плачет, отправляясь на службу, просится со службы в отпуск или прямо бежит из полка; изображается также тяжелое положение семьи взятого в солдаты. И эти песни обычно отводят нас к XVII и еще чаще к XVIII веку (нередко они и известны по текстам XVIII века, например Чулкова). Характерна, например, широко известная песня «Как на матушке на Неве-реке, на Васильевском славном острове, молодой матрос корабли счастил» и т. д., или песня о жалобе девушки на солдата, где типично само словесное оформление:

За столом сидит млад полковничек,
Что того полку бомбандирского,
Со своими со штапами-офицерами.
Перед ним стоит красна девица;
Она просит у полковника
На того сержанта имрека...
Да что возговорит млад полковничек:
«Ах ты гой еси, душа красна девица!
Неходить было тебе во чисто поле,
Несмотреть было солдатской экзерци-
ции:

У меня в полку солдаты молодые,
Молодые, холостые, неженатые...¹

Отметим еще группу песен, осмеивающих монахов, частью пародийного харак-

¹ Соболевский, т. VI, № 320, стр. 248 (из «Песенника» 1780 года).

тера (какова, например, песня о старце Игнатье), частью просто изображающих монашество отрицательными чертами. Возможно, что и эти песни являются продуктом крестьянского творчества; но подобные песни (особенно пародийного характера) могли возникать и в городской мелко-буржуазной среде и, в частности, среди семинаристов, выходцев из самого духовенства: как раз среди семинаристов были весьма распространены и антицерковные и антирелигиозные произведения.

Мы ограничиваемся в настоящей статье (и в самом сборнике), так сказать, «классической балладой». Именно эта «классическая» баллада является в основе своей феодальной. Совершенно несомненно, однако, что баллады не перестали существовать и в позднейший период. Многие баллады мелко-буржуазного характера возникали уже в период усиленного капиталистического развития, во второй половине XIX века и даже в XX веке: здесь они сближались с так называемыми «мещанскими романами». Продолжали существовать и трансформировались в соответствии с новыми условиями также баллады старого крестьянского и иного происхождения. Наконец, могли возникать — и действительно возникали — новые баллады и среди крестьян и среди рабочих. Так, В. А. Доснитский со-

общил нам о сложении баллады в период революции 1905 года в Горьковском (тогдашнем Нижегородском) крае на основе реальных событий того времени, причем баллада эта строилась по типу «старых» баллад. Некоторые песни рабочих, в сущности, также могут считаться балладами, но это уже материал для другой статьи и для другого сборника.

5

Наш беглый обзор балладного материала вскрывает пестрый и разнообразный состав его. Здесь перед нами и сказочно-мифологические темы, сюжеты и мотивы, и сюжеты былинные и исторические и сюжеты собственно бытовые. Отдельные элементы восходят к периоду еще дофеодальному; немало обнаруживается следов феодализма. Особенно же богато представлен период крепостнический; можно считать, что XVII и XVIII века — период наиболее интенсивного сложения и оформления баллад; вторая половина XIX века (особенно конец века) уже переводит баллады в романсы.

По социальному происхождению материал наш также чрезвычайно разнообразен: мы имеем здесь и песни, сложившиеся в среде господствующего феодального класса, и песни, идущие из кругов городской буржуазии, и песни собственно крестьян-

ские. И как раз это богатство и разнообразие материала придают ему особенный интерес и крупное значение: перед нами как бы воплощенная в словесных образах история (в широком смысле этого слова), раскрыть и уточнить которую — интересная и благодарная задача.

Естественно, разнообразен наш материал и по своему художественному оформлению. Во-первых, как мы не раз отмечали попутно, различное происхождение проявляется в различии стиля произведений: в одних случаях, например, мы имеем приближение к типу былин и исторических песен, в других — движение в сторону романса (с приближением к письменной литературе); одни произведения более архаичны, другие — более современны; одни отличаются торжественностью, пышностью изложения, другие — сатирическим или юмористическим характером. Во-вторых, как и во всяком художественном творчестве, проявляется значение творческой индивидуальности. Мы имеем иногда различные записи одного и того же сюжета, и среди этих записей оказываются более полные и менее полные, более выдержаные и спутанные, стройные и дефектные. В целом ряде случаев, не имея достаточного количества параллельных текстов, мы не можем выбирать лучшие из них и иногда не до конца раскрываем значение того или иного текста: остаются недоговоренности, недо-

мелкими, неясности (иногда, может быть, даже и сознательные, когда мысль автора той или иной песни вуалируется по соображениям тактически-политического характера). Встречаются, несомненно, и просто неудачные, нескладные тексты, исполнявшиеся, очевидно, недостаточно искусными певцами.

Но в основной своей массе и в тех случаях, когда мы имеем возможность пользоваться достаточно полным и искаженным текстом, баллады представляют значительную художественную ценность. Они характеризуются обычно драматизмом содержания, выразительностью и вместе с тем украшенностью изложения. Поэтика их своеобразна и, конечно, не может служить каким-то вечным образцом для создания новых художественных ценностей; но как памятник художественного мастерства прошлого баллады имеют, несомненно, достаточно крупное значение. Вот, например, коротенькая песня, вся насыщенная образными выражениями:

Что победные головушки солдатские,
Они на бой и на приступ люди первые,
А к жалованью люди последние.
Как со вечера солдатам поход сказан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты на приступ пошли.
Что не грозная туча подымалася,
Что не черные облака сходились,

Что подымался выше облак черный дым,
Загремела тут стрельба оружейная.
Что не камышики с крутых гор покатились,
Покатились с плеч головушки солдатские;
Что не алое сукно в поле заалелось,
Заалелася тут кровь солдатская;
Что не белые лебедушки восклинули,
Так восклинуты молоды жены солдатские.

Песня эта, изданная в 1773 году Чулковым (а подобных песен мы найдем немало), показывает, что в XVIII веке, когда литература в значительной мере характеризовалася напыщенностью и условностью (за исключением произведений наиболее талантливых авторов), безыменное фольклорное творчество нередко стояло на более высоком художественном уровне.

Н. Андреев.

СЕСТРА И БРАТ

С вечера позднехонько девки думали,
На белой-то заре в лес по ягоды они
За калинкою, за малинкой, за черной
В лесу все девушки, все красны ягод
Одна Машенька не набрала ничего,
Заплуталась красна девка в лесу,
Мимо девушки, мимо красной никто не
Только зайка серой пробежала.
Как за зинькой, за серым, лята львида
За львицей, за лютой, млад охотничек едет.
Недоехавши, охотник со добра коня слезал,
Не спрося он ума-разума своего,
Подошедши к красной девке, низко кланялся он ей.
Стал он с девкой шуточки шутить.

¹ Повторение неполного слова при пении в условиях музыкального размера.

Отшутимши шуточки, стал выспрашивать
ее:

«Скажи, девушка, скажи, красная,
Чьего матери отца?»
Отвечала красна девка:
«Я не царского и не барского, богатого
отца дочь;
Нас у батюшки было семь дочерей,
Восьмой-от братец ко царю служить попал,
А девятой братец в лес охоту возымел.

Узнает охотник — девка родная ему
сестра,
Вынимает млад охотник свой будатный
острый нож.
«Прощай, девка, прощай, красная,
Прощай, родная сестра».
Зарезал охотник сам себя.

ЦЮРИЛЬЁ ИГУМЕНЬЁ

У цюдного креста у благовещенья
Не было попа да всё не дьякона,
Не было большого да запевателя;
Было сорок девиць да со девицею,
Было сорок робиць да со робицею;
Тут было жило Цюрильё игуменьё.

Здумали девици к обедни ходить,
Здумали девици молебны служить.
Да на правом-то на крылосе Василий-от
поёт,
Да на левом-то на крылосе Снафидушка
поёт.

Тут Василий поёт: «Да подай, боже!»
Да Снафидушка поёт: «Да подай [поди?] всё
сюды»,¹
Я тобя пе вижу, жить, ни быть не могу». Тут Василий со Снафидушкой смигалисе,
Зладеным перстнём да помепялисе.

Тут уцюл-то Цюрильё игуменьё:
«Уж вы сорок девиць да со девицею,
Уж вы сорок стариць да со старицею!
Уж вы дайте-тко Снафиды да несушёной
ржи молоть;

¹ Вероятно, вместо: подайся сюды.

Ешие пустъ-то Снафидушка утешитьсе,
Ешие пустъ наша Давыдьёвна утры-
щетьсе».¹

Воспроговорил Василий Романович:
«Уж вы сорок девиць да со девицею,
Уж вы сорок стариць да со старицею!
Уж вы дайт-ко Снафицы звоицаты гусля
играть;
Ешие пустъ моя Снафидушка утешитьсе,
Да ешие пустъ моя Давыдьёвна уча-
житься»:

Тут уцюл Цюрильё да игуменьё;
Он пошел ко змеи да к серонегое:
«Змея, ты, змея, да серопегая!
Уж ты дай мне-ка зельиця лютого,
Лютого зельиця розлюцьнёго,
Розлудить мне Василия Романовича
Що со младой со Снафидушкой со
Давыдьёвицей»...

Наливаёт-то Цюрильё игуменьё,
Наливаёт стокан зельиця лютого;
Он да подаваёт Снафидушки Давыдьёвицей;
«Ты прими, Снафидушка Давыдьёвна,
Уж ты пашого пивъця да маластырского;
Пашо-то пивъцё да на просыпку легко».

Спроговорит Снафидушка Давидьёвна:
«Уши-ти выше не живут головы,
Жкононьки больше не живут мужовьей»...

Подаваёт-то Цюрильё игуменьё,
Он да подаваёт Василью Романовичю:

¹ Измучится — по объяснению сказительницы.

² Монастырского.

«Да ты прими, Василий Романович,
Наше нашего пивьца да маластырского,
З нашего пивьца да не болит голова,
Нашо-то пивьё да на просыпку легко».

Приимаёт Василий правой рукой.
Вытираёт-то Романович единым духом.
У Василья резвы ноги подломилисе,
У Василья белы руки опустилисе,
У Василья голова с плечь покатиласе.

Подавает-то Цюрильё игуменьё,
Подавает-то Снафидушки Давыдьёвной:
«Ты прими, прими, Снафидушка Давыдьёвна,
Уж ты нашего пивьца да маластырского;
С нашего пивьца да не болит голова,
Нашо-то пивьё да на просыпку легко».

Приимаёт Снафиды правой рукой,
Вытираёт-то Давыдьёвна единым духом.
У Снафиды резвы ноги да подломилисе,
Да у Снафиды белы руки опустилисе,
Да у Снафиды голова с плечь покатиласе.

Тут-то Цюрильё испужалосе.
Всё да на Васильевой могилы, на Снафидиной
Выростаю два деревьца кудрявые;
Они вместях кореньицем сросталисе,
Да они вместях вершиноцкой свивалисе.
Да тут царод, все люди здивовалисе.

Тут узюл Цюрильё игуменьё.
Он пошел-то ко старцу в келейку:
«Уж ты, старець, ты, старець в келейки!
Що же тако зюдо зюдилосе?
На Васильевой могилы, на Снафидиной
Да выростало два деревьца кудрявые;
Они вместях кореньицем сросталисе,

Они вместях вершиноцкой ссыпалися. —
«Стань-ко, Цюрильё, на праву да на
ногу,
Посмотри-тко ты, игуменъё, на леву на
руку;
Що на руки у тебя подписаноё,
Що на левой да напечатаноё?»
Стал-то Цюрильё на праву на ногу,
Посмотрел тут игуменъё на леву на руку:
«То на руки у меня подписаноё:
Василій со Снафидой в пресветлом раю». —
«Уж ты стань-ко, Цюрильё, на леву на
ногу,
Посмотри-тко ты, игуменъё, на праву на
руку.
Що на руки у тя написаноё,
Що на правой да напечатаноё?»
Стал тут Цюрильё на леву на ногу,
Посмотрел тут игуменъё на праву на руку:
«То на руки у меня написаноё:
Да Цюрильё игуменъё да в кромешной в адъ.

ДЕВУШКА-ВОИН

У Ивля Илевича было семь дочерей,
Осмая надчерица.
Сказана служба царская,
Царская, государская:
У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.

Скажет тут Ивлей Илевич:
«Дети-ль, дети милье!
Сказана мне служба царская, государская:
У кого сын, тот и сына снаряжай,
У кого дочь, тот и сам поезжай.
А у меня вас семь дочерей,
Семь дочерей, осмая надчерица».

Скажет тут, молвит большая-то дочь,
Средняя дочь молвит: «Я за него!»
Меньшая-то дочь молвит:
«Батюшка сударь!
Слей же мне, батюшка, камзол да штаны,
Камзол да штаны, со манерами сапоги,
Куни же мне, батюшка, черну шляпу со
пером,
Перчаточки с серебром.
Дай же мне, батюшка, доброго коня,
Во правую руку саблю вострую.
Но зду я, батюшка, на вой воевать,

Стану я батюшки по праву сторону,
Стану воевать и я, бодро поступать.

Царь государь похаживает,
С своими генералами разговаривает:
«Чье это дитё хорошо снаряжено,
Отдал бы я, отдал дочь за него.
Много бы за дочерью приданого дал:
Семь городов с половиною,
Семь сёл с половиною. —
«Это дитё Ивля Ивлевича.
У Ивля Ивлевича семь дочерей,
Осьмая падчерица». —
«Держите, ловите, хватайте её!»

ГОСТИНЫЙ СЫН УВОЗИТ ДЕВУШКУ НА КОРАБЛЕ

Во славном было городе Кронштадте,
Гостиный сын по улице гуляет,
И он носит красно золото на девке,
Окатистый круиний жемчуг на атласе.

Из высокого из нового терема
Увидела душа красная девица:
«Ах ты, душечка, удалый добрый молодец
Ты продай, продай красно золото на девке,
А окатистый круиний жемчуг на атласе!»
Да что взговорит удалый добрый молодец:
«Ах ты, душечка, душа красна девица!
Красно золото на девочке нечисто,
А окатистый кручен жемчуг не крупен.
Приходи, красна девица, к синю морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю,
Как в городе люди приумолкнут,
А в тереме свечки приутухнут,
И батюшка с матушкой спать лягут».

Красна девица по светлице ходила,
Она буйную свою голову чесала,
Русую свою косу заплетала.
Пошла красна девица к синему морю,
Ко тому ли ко хорошему кораблю.
Гостиный сын по бережку гуляет;

Она душу красную девицу дожидает;
Принимает красную девицу под ручки,
Берет ее за золоты за перстни.
Повели красную девицу во кораблик,
Посадили красную девицу на стулек,
Подносили красной девице сладкой водки,
Напоили красную девицу доильяна.
Поизволила девица почивати
У гостиного у сына на кровати.

Гостиный сын по кораблику гуляет
Молодым матросам повелевает:
«Ах вы, свет мои бурлаки молодые!
Вы отвязывайте кораблик, не стучите,
Душу красную девицу не будите!»

Середи моря девица пробудилась,
Пробудившися, девица стала плакать:
«Ахти, я перед богом согрешила,
Отца и мать навеки прогневила!»

Гостиный сын по кораблику гуляет,
В звончатах свои гусельчики играет,
Он душу красную девицу забавляет:
«Ты не плачь, не плачь, душа красна

девица!
Уж как бог нас донесет с тобой в наш
город,

И я буду просить у батюшки благословенья
На тебе, на красной девице, жениться;
Как станем мы с тобой жить во любви,
Отпущу тебя к своему батюшке побывать,
На своей тебе сторонушке погуляти».

ПРИНЦ НОЧУЕТ У ДОЧЕРИ КУПЦА

У Пенькова, у Пенькова,
У Пенькова у купца,

Принев:

Хорошая моя, пригожая моя!

У Пенькова у купца
Была дочь хороша,
Была дочь хороша,
Свет-Дуняша душа.

Как повадилась Дуняша
В особливой спальне спать
С единой плюшкою,
Со Татьянушкою.

Со Пенькова со двора
Младый принц приезжал,
Младый принц приезжал,
Штофик рому привозил,
Штофик рому привозил,
Таню пьяной напоил,
Таню пьяной напоил,
Авдотьюшку угостил,
Авдотьюшку угостил,
Он с собой гулять возил.

Родной батюшка хватился,
По всем горницам бросился,

По всем горницам бросился,
У соседей колотился:
«Вы, соседи, вы, соседи,
Вы, соседушки мои!
Не видали ли, соседи,
Вы Дуняши москви?» —
«Мы видать-то не видали,
Только слышали про неё:
Спит у принца на руки,
На суконном рукаве».

Родный батюшка идет,
Вдоль по улицы ведет.
Вдоль по улицы ведет,
Но белому лицу бьет,
По белому лицу бьет,
Приговаривает:
«Ты не будь такова,
Как моя прежняя жена,
Как моя прежняя жена,
Твоя матушка родна!»

ПРОПАВШАЯ ДОЧЬ КУНЦА

Как под липой, под липой,
Под кудрявой зеленою,
Сидел молодец такой,
Держал гусли под полой.
Ах вы, гусли, мои гусли,
Вы, гуселечки мои!
Разыграйте, гусли, мысли,
А я песенку спою
Про женитьбу про свою,
Как женила молодца
Чужа дальня сторона,
Макарьевска ярмонка!

Вниз по Волге по реке,
У Макарья в ярмонке,
Близ гостиного двора,
У Софронова кунца
Солучилася беда
И не малая,
Что не сто рублей прошало
И не тысяча его;
Пропала у него
Дочь любимая его —
Душа Катенька.

Как искали ту пропажу
По болотам, по лесам,

По Макарьевским пескам;
И нашли эту пронаижу
У Машкова на дворе,
В новой бане на полке.
Ее буйная головушка
Испроломанная,
Ее русая коса
Вся растрепанная,
Цветно платье
Все изорванное
Все изорванное,
Все издерганное.

Вот и сам-от победитель
Под окошечком сидит,
Таки речи говорит:
«Не ко мне ли гости едут,
Не меня ли хотят брать?»
Как по первой по порою
Трои саночки катят,
И звенят, и гремят,
Лишь копыточки стучат.
«Приворачивай, ребята,
К Акушинину двору».
Акушинушка бежит,
На ней платьице шумит.
«Акушинушка, постой,
Красавица, подожди;
Отворяй-ка ворота,
Отпускай-ка молодца!»
Уж как взяли молодца,
Подхватили удальца,
Посадили в крецку горенку—
В каменный острог...

ЖЕНЫ ПОКУЩАЮТ ВОЛИ НАД МУЖЬЯМИ

Летел голубь, (2)

Летел голубь через город, (2)

И он нес вести,

И он нес вести да невесте:

«Вы, девушки,

Вы, девушки, вы, подружки,

Мы складемся,

Мы складемся по полтине,

По полтине, по холстине.

Мы пойдемте,

Мы пойдемте к воеводе:

«Воевода, воевода,

Воевода, царь господский!»

Ты дай воли,

Ты дай воли на три годы,

На три годы,

На три годы над мужьями». —

«Не дам воли,

Не дам воли на три годы.

На три годы над мужьями». —

Я дам воли,

Я дам воли на полгода,

На полгода,

На полгода над мужьями». —

Запрягу я,
Запрягу я мужа ў сани,
Я поеду,
Я поеду ў лес по дровы,
Но я буду,
Но я буду погоняти
Чашельнищем,¹
Чашельнищем по бельмищам,
Помелищем по ребрищам,
Я поленом,
Я поленом по колену.

¹ Ухват.

ЛЮБОВНИК-БАРАН

Мой муж домой едет,
гостыльй домой едет.

Некуда гостя дети,
Некуда схоронити.
Я гостя в лукошко,
Войлоком накрыла,
Под лавку подбила.

Как муж приезжает,
Он жену пытает:
«Жена моя, жонка,
Жена боярыня,
Что у тебя в лукошке,
Войлочком накрыто,
Под лавку подбито?» —

«Уж ты, муж-мужишка,
Глупый, неразумный!
Черная овечка барана родила
С крутymi рогами,
С головой кудрявой,
С длинными ногами!» —

«Жена моя, жонка,
Жена боярыня,
Покажи мне барана
С крутими рогами,
С длинными ногами!» —

«Да ты, муж-мужинко,
Глупый, перазумный!
Этого барана
До трех дней не кажут,
До трех дней не любуют».
Денечек проходит,
Другой наступает,
Муж жену пытает:
«Жена моя, жопка,
Покажи мне барана.
Черного, кудрява!» —
«Этого барана
Я в сад отосила;
Свинья дверь отбила,
Барана упустила;
Этого барана
Серы волки съели».

МУЖ-НЕДОРОСТОК

Я у батюшки манешенек родился,
Я у матушки глупешенек женился,
Я привел жену молодую,
Словно ягодку в лесе боровую,
Словно яблочко в саду налитое.

Молодая-то жена меня не взлюбила,
Негодяем-то меня она называла:
«Ты пойдем-ка, негодный,
Пойдем к тестю в гости,
К тестю в гости, к тестю в гости,
К тесте побывать!»

А пришлось негодяю мимо итти рощи.
Привязала негодяя к белой березе,
А сама-то ли пошла, загуляла,
Ровно девять денечков к нему не бывала.
На десятый-ет денечек жена стосковалась,
Стосковалась, стосковалась, стала тужить-
плакать:

«Сходить было, пойти к негодяю!»

Не дошедши негодяя, жена становилась,
Низехонько ему поклонилась.
«Хорошо ли ты, негодный, в пиру

пировати?» —

«Государыня жена, мие-ка не до пира:
Мне соловушки головушку всеё пробили,

Мне комарики плечики искусили,
Мне муравушки ножки обточили!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня кормить хлебом?» —
«Государыня жена, стану калячами!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня поить квасом?» —
«Государыня жена, все стану сытою,
Я сытою, сытою сладкой, медовою!» —
«Уж и станешь ли, негодный,
Меня пущать в гости?» —
«Государыня жена, ступай хоть и вовсе!»

ЖЕНА СЖИГАЕТ НЕЛЮБИМОГО МУЖА

«Как, рябина, как, рябина кудрявая,
Как тебе не стынится,
Во сыром бору стоячи,
На болотину смотрючи?

Молодица, ты, молодушка,
Молодица ты пригожа,
Как тебе не стынится,
За худым мужем живучи,
На хорошего смотрючи,
На пригожего глядючи?»—

«Наварю я шива пьяного,
Накурю я виша зеленого,
Напою я мужа пьяного,
Наложу его средь двора,
Оболоку его соломою,
Зажгу его лучиною.

Выйду я на улицу,
Закричу я своим громким голосом:
Осудари вы, люди добрые,
Вы, соседи приближенны!

А иначе гром-от был,
А иначе молонья сверкала, —
Моего мужа убило,
Моего мужа она лило!» —
«А ты, б...ь-страдница!
А не гром убил, а не молонья сожгла,
А ты сама мужа извела!»

ЖЕНА МУЖА ЗАРЕЗАЛА

У нас было во новом городе,
Во новом городе во Саратове,
На заре было на утренней,
На восходе красна солнышка,
У куница ли, куница у богатого,
У богатого, у Шахматова,
Несчастьице в доме сделалось,
Несчастьице не малое,
Как женi-то мужа потеряла,¹
Вострым ножичком зарезала.
В холостой² его погреб бросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтым песком засыпала;
Сама взошла в нову горницу,
Во столовую светлицу;
Она села под окошечко,
Под хрустальное стекльшко;
Сама плачет, как река льется.
Прилетели к ней два сокола,
Два сокола, лва ясных,
Деверья ее любезные.
«Здравствуй, споха-невестушка,

¹ Погубила.

² Пустой.

Сноха, белая лебедушка!
Где же братец наш, Иванушка?» —
«Ваш братец увел коня поить». —
«Ты, сноха наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Его добрый конь в конюшеньке,
Шелкова узда на гвоздике.
Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Да что у тебя в избе за кровь?» —
«Белу рыбину я пластила,
Бела рыбинца больно билася!» —
«Ты, сноха ль наша, невестушка,
Сноха, белая лебедушка!
Да где братец наш, Иванушка?» —
«Соколы мои ясные,
Деверья мои любезные!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы срубите мне буйну голову!
Вашего братца я потеряла,
Вострым ножичком зарезала,
В холостой погреббросила,
Дубовой доской захлопнула,
Да желтым песком засыпала! ...»

МУЖ УБИВАЕТ ЖЕНУ ИО КЛЕВЕТЕ МАТЕРИ

Летела пава через улицу,
Ронила пава павино перо;
Мие не жаль пера, жаль мие павушки.
Ой, мие жаль молодца, — один сын в отца,
Один сын в отца, добрый молодец,
Он на службу идет государеву.

Он и год служил, и другой служил;
А на третий год ко двору идет.
Его мать встрела¹ середи поля,
А сестра встрела середи села,
А жена встрела середи двора.

Ой, п мать сыну поражаилась:
«А твоя жена увесь дом снесла —
Что коней твоих пораспродала,
Соколов твоих пораспустила,
А меды твои поразмышила».

Вынул молодец саблю вост्रую,
Он и снес жене буйну голову.
Голова жены покатилась
Ворону коню под праву ногу.
Ношел молодец во конюшеньку:
Кони стоят, сено-овес едят;

¹ Встретила.

Пошел молодец во соколенку:
Соколы сидят, почищаются;
И меды стоят по починены;¹
Пошел молодец на новы сени:
На новых сених колыбель висит,
Колыбель висит, там дитя кричит.
«Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты, баю, баю, мое милое!
У тебя, дитя, нету матушки,
У меня, молодца, молодой жены!»
Пошел молодец на высок терем,—
Как ударится он о дубовый стол:
«Что не мать ты мне и не матушка,
А змей же ты подколодная!»

¹ Не початы, не тронуты.

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК И КНЯЗЬ ВОЛХОНСКИЙ

В Москве было у князя у Волхонского,
Тут живет-то, поживаєт Ваня-ключничек,
Молодыя-то княгини полюбовничек.
Ваня год живет, другой живет, — князь не
ведает;
На третий-то годочек князь доведался
Через ту ли через девушку через сенину,
Через сенину, да через самую последнюю.
Закричал же князь Волхонский зычным
голосом:
«Уж вы, слуги ль мои, слуги, слуги
верные!
Ры сходите, приведите Ваню-ключника!»
И стал-же князь Ванюшу да выспрашивати:
«Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду
всю:
Ты который год с княгиней во любви
живешь?»
На первой-от раз Ванюша не покаялся.
Он выспрашивал Ванюшу ровно три часа;
Что и тут-то наш Ванюша не покаялся.
Закричал же князь Волхонский громким
голосом:
«Вы, слуги ли мои, слуги есть-ли верные!»

Вы ведите-ка Ванюшу на конюшни́й двор!»
Привели же ведь Ванюшу широким двором.
На Иванушке сибирочка пошумливает,
Александрийская рубашка ровно жар
горит,

Козловы новы сапожки поскрипывают,
У Иванушки кудеречки рассыпаются;
А идет-то сам Ванюша, усмехается.

Привели же ведь Ванюшу на конюшни́й
двор,
Там и начали Ванюшеньку наказывать.
Александрийская рубашка с телом сме-
шана,

Казимирова сибирочка вся изорвана,
Русые кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полны.

Закричал же наш Ванюша громким
голосом:
«Уж ты, барин ли, наш барин, ты, Волжон-
ский князь!

Поставлено зелено вино, — кто не пьет его?
Приготовлены закусочки, — кто не ку-
шает?

Как у нас-то с княгиней было пожито,
Виноградных вин с княгиней было пошито,
Приготовленных закусочек покушано».

Закричал же князь Волжонский громким
голосом:

«Ры, слуги ли мои, слуги, слуги верные!
Вы коните-ка две ямы, две глубокие,
Становите-ка вы два столба, два высокие,
Перекладину кладите вы кеновую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую,

**И повесьте тут Иванушку изменника,
Молодыя-то княгини полюбовника!»
Иванушка во петельке качается,
А княгиня-то во тереме кончается.**

ЛЮБИЛА КНЯГИНЯ КАМЕР-ЛАКЕЯ

Время проходит, время летит,
Время проводит, ничто не льстит
Любила княгиня камер-лакея,
Любила она четыре года;
На пятнадцатом году князь догадался,
На княгиню прогневался:
«Слуги мои, слуги вы верные, неза-
мерные!

Вы поймайте камер-лакея,
Вы поймайте молодого,
Руки вы, ноги связите,
И вы бросьте в тое реку,
В тое реку во Смородинку!»

Княгиня догадалась,
Молодая стосковалась;
Разболела, захотела свежей рыбы,
Свежей рыбы, белужины:
«Слуги мои верные,
Слуги мои незацемерные!
Возьмите вы щелковый невод,
Поймайте мне свежей рыбы,
Свежей рыбы, белужины!»

Сколько ловили, не изловили;
Только поймали белое тело,

Белое тело камер-лакея,
Камер-лакея молодого...

«Не кладите вы на землицу,
Вы положите на скамьицу,
Вы несите во светлицу,
Отворьте-откройте двери, окошки!
Подымитесь вы, буйные ветры,
Вывейте из князя душу,
Вы вложите в камер-лакея,
Вы вложите в молодого!»

Ее ветры не послушались,
Из князя душу не вывевали
И в камер-лакея не вдували.

«Ох, вы, мои резвые ноги,
Знать-то вы ко мне не находились!
Ох, вы, мои белые руки,
Знать-то вы меня не заобнимались!
Ох, вы, мои очи ясные,
Знать-то вы на меня не нагляделись!
Ох, вы, мои уста сахарные,
Знать-то меня не нацеловались!
Ох, вы, мои цветные платья,
Знать-то вас не носити!
Ох, вы, мои черные платья,
Знать-то меня вас надевати!
Знать-то мие цветное платье скидавати,
Надевать-то мие платье чернос!»

РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Во славном во городе в Киеве
Жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сыновей,
А дочка десятая.

Один брат с рук, другой на руки,
Третий брат в колыбель кладет:
«Баю, баю, сестрица ластушка!»
Возле левши сестру, гулять пошли,
По Русии воровать пошли.

Без них меня матушка выдала
За море, за морянина.
Я год живу и другой живу,
На третий год сына родила.
Сына родила — стосковалася.
Морянина стала в гости звать:
«Моряни, моряни, пойдем в гости!
Уж ты к теще, а я к матери,
Ты к шурьям, а я к родным братьям!»

День едем и другой едем,
На третий день остановились,
Остановились, огонь раскладали,
Огонь раскладали, кашу варили,
Кашу варили, дитя кормили.

Поналетели черны вороны, —
Понаехали злы разбойники.

Морянина они потеряли,¹
Моряниченка в воду бросили,
Морянушку во полон взяли.

Все разбойнички спать легли,
Один разбойник не спит, не лежит,
Не спит, не лежит, Богу молится,
Меня, моряничку, выспрашивает:
«Ты скажи, скажи, моя морянушка,
Ты чьего роду, чьего племени?

Ты купецкого, иль княжеского?» —
«Не купецкого я, не княжеского:
Во славном во городе в Киеве
Там жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынов,
А я, дочка, — я десятая.
Один брат с рук — другой на руки,
А третий брат в колыбель кладет:
«Баю, баю, сестрица ластушка!»
Возлесявши сестру, гулять пошли,
По Русии воровать пошли.
Без них меня матушка выдала,
Что за море за морянина».

Как возговорит злой разбойничек:
«Вы встаньте, мои братцы родные!
Не морянина мы потеряли,
Не моряниченка в воду бросили,
Не морянушку во полон взяли:
Мы потеряли зятя милого,
Илемяниченка в воду бросили,
Сестрицу ластушку во полон взяли!»

¹ Погубили.

Как возговорят злые разбойнички:
«Ты, сестрица наша, голубушка!
Ты возьми у нас золоты ключи,
Отворяй ларцы, ларцы кованы,
Ты бери злато, сколько надобно!» —
«Ах, вы, братцы мои, ясны соколы!
Мне не надо вашего золата, серебра,
Ни ни скатного, крупного жемчугу.
Приведите моего морянина,
Прищесите моего моряиченка!
Вы пустите нас к родной матушке!»

ВЕЩИЙ СОН ДЕВУШКИ У РАЗ- БОЙНИКОВ

Что повыше было села Лыскова,
А по ниже было Богомолова,
Как на той было Волге-матушке,
Там плывет-гребет легкая лодочка.
Хорошо лодка изукрашена,
Цунцам, ружьедам и гстановлена.

На носу сидит атаман с ружьем,
На корме стоит есаул с багром,
По краям лодки добрые молодцы,
Добрые молодцы, все разбойнички.
Посеред лодки стоит бел шатер,
Под шатром лежит золота казна,
На казне сидит красная девица,
Есаурова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.

Она плакала-заливалася, —
Но хорош-то, вишь, сон ей привиделся:
«Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застреленному,
Есаулу быть поимашу,

Добрим молодцам быть повешенным,
А и мне ли, красной девушке,
Во тюрьме сидеть, во неволюшке;
А за то, про то красной девушке, —
Что пятнадцать лет на разбой пошла,
Я шестнадцать лет души губила,
Я зарезала парня белокурого,
Из белой груди сердце вынула,
На пожу сердце встрапахнулося,
А и я, млада, усмехнулася!»

ДЕВИЦА — АТАМАН РАЗБОЙНИКОВ

Загуляла я, красна девица, загуляла,
Со удалимы, со добрыми молодцами,
Со теми ли молодцами, со ворами.
Не много я, красна девица, гуляла,
Гуляла, красна девица, тридцать шесть лет.
Была то я, красна девица, атаманом
И славным и преславным ясаулом,
Стояла я, красна девица, при дороге,
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Ногубила я, красна девица, двадцать тысяч,
А старова и малова в щет не клала.

Я ездила по городам, по уездам,
Захотела, красна девица, загуляти,
Во славное в Московское государство,
Захотелось мне, красной девице, посмо-
трести,

Богатых там купцов мне поглядеть;
Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.

Загуляла я, красна девица, загуляла
На славное Петровское на кружало.¹

¹ Кабак.

Без счету я, девица, деньги выдавала,
Не глядя рублевички за стоичку бросала:
«Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
Уж тут-то я, красна девица, бодрость
оказала,

Уж храбро я и бодро поступала,
Агамановы поступки показала.

Уж тут меня девицу признавали,
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали;
Назад руки красной девице завязали.
Новели меня, красну девицу, во полиду,
Подымали красну девицу на дыбу.
Уж смело красна девица отвечала:
«Чостойте, судьи мои, не судите!
Чего вам от меня больше желати?
Сама я вам, красна девица, повинуюся.
Немшого-то я, красна девица, гуляла,
Гуляла я, красна девица, тридцать шесть
лет,

Была я, красна девица, атаманом
И славным и преславным ясаулом;
Стояла я, красна девица, при дороге,
Со вострым я со щожичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда.
Не много я, красна девица, душ губила,
Погубила я, красна девица, двадцать
тысяч,

А старого и малого в щет не клала.
Захотела я, красна девица, загуляти
Во славное в Московское во царство,
По широким по улицам походить,
Богатых там купцов поглядеть,

Мне каменны полаты поломати,
Железные запоры отпирати.
Загуляла я, красна девица, загуляла,
На славное Петровское кружало,
Не глядя, я рублевички вынимала,
За стончку без счету подавала,
Атамановы поступочки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали,
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали,
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, во полиду.

Судите, судьи, меня поскорее,
Раскладывайте огни на соломе,
Вы жгите мое белое тело,
После огия мне голову рубите!
Вы слушайте, судьи, моево приказа:
Ведите меня с товарыщи в чисто поле,
Зачинайте вы класть всех с ряду,
Меня, красну девицу, напоследок!»
Я, лежа там, красна девица, взорыдала,
Об товарыщах своих я пожалела,
Что рано я вас, девица, погубила,
Я в сей вине, красна девица, причина,
Простите, мои приятели, доброхоты!

МУЖ-СОЛДАТ В ГОСТИХ У ЖЕНЫ

Уж как или-прошли солдаты,
Они или-прошли слободкой;
В слободке становились,
У вдовушки попросились:
«Ты, вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, постояти!
Пас немножечко, маленько:
Полтораста нас на конях,
Полтретъяста пешеходов».

А вдова им отвечала,
Ночевать их не пущала:
«У меня дворик маленек,
А горенка не величка!
У меня детей семейка!»

Они силой ворвались,
Во горенку вобралися.
Они сели по порядкам:
Нешеходы все по лавкам,
А конница по скамейкам;
А большой гость впереди сел,
Впереди сел под окошком,
А вдова стоит у печки,
Поджав свои белы ручки;
Стоит она, слезно плачет.

А большой гость ушмает:
«Не плачь, вдова младая!
Ты давно-ль, вдова, о довела?» —
«И я в горе позабыла». —
«Уж и много-ль, вдова, деток?» —
«У меня деток четвёро». —
«Уж и много-ль, вдова, хлеба?» —
«У меня хлеба осьмина». —
«Уж и много-ль, вдова, денег?» —
«У меня денег полтина». —

«Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мне пониже!
Ты скинь, вдова, с меня кивер,
В кивере — полотенце:
Не твого ли рукodelьца?
На правой руке колечко:
Не твого ли обрученья?»

А вдова-то испугалась,
Во новы сени бросалась,
Малых детушек будила:
«Вы вставайте, мои дети!
Вы вставайте, мои малы!
Не светел-то месяц светит,
Не красное солице греет, —
Пришел батюшка родимый!»

А большой гость отвечает:
«Не буди ты малых деток!
Я пришел к вам не надолго:
На один я на денечек,
Что на едный на часочек!»

СТАРЕЦ ИГРЕНИЩЕ

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игремище, Игремище
Кологренище.

А и ходит он по монастырю,
Просил честных милостыни,
А чем бы старцу душа спаси,
Душа спаси, душа спаси, ее в рай
спуски.

Пришел-то старец под оконечко
Человеку к тому богатому.
Просил честную он милостыню:
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белая,
А третий свеклы красныя.
А тот удалой господин
Добре сосла редечки горькия,
И той капусты он белая,
А и той свеклы красныя,
А с тою ли девушкий повареною.

Сошла та девка со двора она
И за те за вороты за широкие.
Посмотрит старец Игремище Кологренище
Все четыре он во стороны.
Не увидел старец он, Игремище,
Бо всех четырех во сторонушках

Никаких людей не шатаются, не мотаются.
А не рад-то старец Игренище
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третыи свеклы красныя,
А и рад-то девушке чернаушке.
Ухватил он девушку чернаушку,
Ухватил он, посадил в мешок
Со тою-то редъкою горькою
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.

Пошел он, старец, по монастырю;
И увидели его ребята десятильниковые,
И бросались ребята оне ко старцу,
Хватали оне шилья сапожные,
А и тыкали у старца во шелковой
мешок.

Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
И с красной свеклы росол пошел.

А и тут-то ребята десятильниковы,
Оне туто со старцем заздорили.
А и молится старец Игрешице,
 а Игрешице Кологрешице:
«А и гой вы сси, ребята десятильниковы,
К чему старца меня обидите!
А меня вам обидеть не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов
 монастырь,

А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-то носить, да не износить,
А другому дам камчат кафтан,

Он весь-то во тятивочку повыстеган,
А третьему дам саножки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими».
А и тут ему ребята освободу дают.

И ушел он, старец Игреище,
а Игреище Кологреище.
Во убогие он свои во келейки.
А поутру раненько-рашененько
Не изробели ребята десятильниковы:
Промежу обедни, заутрени
Пришли они, ребята десятильниковы;
Ходят они по монастырю,
А и спрашивают старца Игреища,
Игреища Кологреища.

А увидел сам старец Игреище,
Он тем-то ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-то, ребята разумные,
Найдем-ка ко мне в келью, идите».
А всем рассказал им подробно все,
А четверть пройдет, другой приди,
А всем рассказал, по часам рассказал.

Монастырски часы были верные,
А которой побыстрее из ребят наперед
пошел

Ко тому старцу ко Игреищу.
Первому он дал пухов колпак:
А брал булаву в пол-третья пуда,
Был молодца по буйной голове,—
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить, да не износить,
Номинать старца Игреища.

И по тем часам монастырским

А и четверть прошла, другой пришел.
А втапоры старец Играинце
Другому дает кафтан камчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок его, десину, донага,
Полтораста ударов ему в спину влепил.
А и тех-то часов монастыреких
Верно-то их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Играинце,
Допрошался старца Играинца.
И завидел его старец Играинце,
 Играинце Колограинце,
А скоро улобрил и в келью взял.
Берет он полено березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
«**А** вот вы, ребята десятнниковы,
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Червому дал пухов колпак,
А тот ведь за кельей валяется;
А другому — наделил я камчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря,
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить, да не износить».

РАЗГУЛЬНЫЕ МОНАХИ

Против солнца на востоке,
Монастырь Ращен стоял.

Как в келейке монашники спасаются:
По три раза они на день напиваются.

Как к обедне зазвонят,
Так чернец пойдет в кабак
Свою рясу пропивать,
Клобук закладывать.

Целовальник не принимает,
Чернца в шею толкает:
«Поди прочь, кавалер!
Казначей пить не велел!»

Чернец вышел за врата;
Его взяла разнота:¹
«Чем мне в келейку ити,
Лучше в роще погулять!»

Девки в роще грибы брали,
Чернеченька не видали;
Доходили до конца,
Увидали чернца...
Чернец ходит по тропе
Во высоком клобуке.
Становились девки в круг:
К ним идет сердечный друг.

¹ Недоумение.

Девки песенки запели,
Вот чернец пошел плясать,
А молоденька монашишка похаживати.
С ноги на ногу монашинка постукивати,
Про свое житье монашеско рассказывати:
«Распроклятое тако
Наше монашеско житье!
Распроклятая такая
Наша келья земляная!
Оставлю в тебе, келейка, спасенье,
Свое спасенье, свое монашеское!»

ПРИМЕЧАНИЯ

БЫЛИНЫ

Составители настоящего сборника ставили перед собой задачу выбрать из фольклорного материала наиболее ценное и значительное в художественном и социальном отношении. В то же время мы стремились ввести в литературный обиход свежие тексты, известные лишь узкому кругу специалистов. Поэтому при выборе преимущественно отдавалось малоизвестным текстам перед вариантами, хотя и имеющими большой художественный и социальный вес, но исоднократно включавшимися в антологии.

Публикуемые тексты былин, исторических песен и баллад сохраняют лишь некоторые особенности местного произношения, главным образом тогда, когда они связаны с формой и интонацией песенного стиха или представляют особые словообразования.

Большинство былин записано на севере. Главные особенности окающих говоров: произношение неударяемого о как о (хороший, а не хороший), т как т, а не б в окончаниях прилагательных (доброго, а не

добра), смена *у* и *ч* («щоканье» и «чеканье»), мягкость *ц* и др. согласных, замена *а* посредством *е* и *о* посредством *у* (петь вместо пять, войлучек), отдельные случаи замены согласных (блад вместо млад, дак вместо так) др.

В настоящем издании мы отказались от сохранения резких отклонений от общепринятого литературного языка, наличие которых затруднило бы чтение; тем более, что не все собиратели одинаково точно проводили диалектический пригуч.

Чтобы познакомить с подлинным звучанием, даются образцы отдельных диалектических записей («Про Чурилу», «Небылица в лицах», «Цюрильё-игуменъё»). Мы стремились сохранить характерную черту исполнения былин и песен,—варьирование одних и тех же слов или звуковых сочетаний в качестве своеобразного художественного приема мелодики и инструментовки стиха.

При переводе со старой орфографии на новую окончания *аго*, *яю* и *ыя*, *ия* сохранены лишь в тех случаях, когда можно с уверенностью предположить о соответствии этих форм произношению, на том основании, что собиратель наравне с данными формами употребляет и формы *ою*, *его* и *ые*, *ие*.

Примечания к отдельным былинам и песням ставят задачу раскрытия исторического и социального их смысла и сообще-

ния кратких сведений о генезисе. Объяснение отдельных оборотов дано в подстрочных примечаниях, а местных и архаических слов — в словаре. Полные заголовки исследований, упоминаемых в примечаниях, вынесены, чтобы не загромождать комментария, в особый список.

В библиографический список исследований включены и устарелые, но дающие большой фактический материал, который может быть использован.

Первая поездка Ильи Муромца

Марков, № 68. Б. Архангельская губ., дер. Нижняя Золотица. Записано в 1899 г. от Г. Л. Крюкова, 77 л.

В былине следует видеть, с одной стороны, воспоминания о борьбе с разбойничеством, порожденным жестокой эксплуатацией и угнетением народных масс с самого начала государственности, с другой стороны — отклики на неустанныю борьбу древней Руси с врагами-кочевниками. Есть попытки прикрепить эту былину к определенной местности: к Черниговскому княжеству XII—XIII веков, в котором был город Моровийск и недалеко город Каравчев. Близ Каравчева находится река Смородицкая и село Девятидубье, которые местные жители связывают со сказаниями о Соловье-Разбойнике. Илья Муромец, по старым записям,—Муровец, богатырь Моровийска, — Муравленин или Моровлин. По кон-

цепции Вс. Миллера¹⁸, былина сложилась на основе слияния и обработки двух местных черниговских преданий: об освобождении Чернигова от врага и о каком-то знаменитом разбойнике. Предположения эти, однако, еще спорны, так как не установлен сам факт существования преданий, указанные же местные названия села и реки могли появиться и в более позднее время.

Имя Соловей довольно часто встречается в древней Руси. Отчество — Рахманьевич, тоже позднейшая вставка, указывает что на образе Соловья-Разбойника отразились воспоминания татарицы (Рахманьевич — по другим вариантам Рахматович — вор-Ахматович. Хан Ахмат известен своим походом на Москву в XIV веке).

В печатаемом варианте интересны позднейшие социальные черты — противопоставление «мужичонка» Ильи «бояринкам кособрюхим» и посрамление последних.

Бой Ильи Муромца с сыном

Марков, № 4. Из старин Терского берега. Б. Архангельская губ., дер. Нижняя Зыянья Золотица. Записано в 1899 г. от А. М. Крюковой, 45 л.

Былина является обработкой широко распространенного международного сюжета о бою отца с неузнанным сыном. На эту тему известны иранские сказания о Рустеме и Сохрабе (Зорабе), немецкие — о Гильдебранде и Алибранде, эстонские — о Кивви-

аль, кельтские — о Клизаморе и Картоне, киргизские — о Гали и Сайдильде и др. По общему характеру — трагическому исходу для сына — русские былинные обработки ближе к восточным, но в целом ряде деталей сходятся с западными.

Бытовая историческая обстановка, отраженная русскими обработками, говорит о древнем и южном их происхождении. Образ сына соответствует традиционному быльному изображению врага — кочевника — с чертами коварства и злобы.

Были попытки определить более точно время и место создания былины, исходя, главным образом, из имени матери: Латыгорка, Златыгорка (А. В. Марков⁹). Но они успехом не увенчались, и вопрос остается открытым.

Номециаемый вариант — единственный, в котором мать Подсокольника именуется Маринкой Кайдаловной, взимающей торговую пошлину с кораблей князя Владимира — персонаж, перенесенный из редкой былины о Глебе Володьевиче, записанной Марковым в двух вариантах также в дер. Нижняя Зимняя Золотица. В варианте, записанном от той же сказительницы, упоминается Илья Муромец как «дружок» Маринки, которому она «скопляет золоту казну». В связи с этим воздействием другой быльни данийский вариант принимает и необычайный конец: Илья Муромец после покушения сына на его жизнь не убивает его, а

отпускает к матери. Следует убийство матери, которое в других вариантах предшествует покушению на убийство отца, и затем новая попытка Подсокольника погубить Илью Муромца, — в рассказе о ней снова фигурируют корабли князя Владимира.

Изображение сторожевого поста — «заставы» дало возможность развернуть в позднейшей переработке показ богатырей. Особенности характеристик вскрывают социальные тенденции исполнителей. В этом отношении особенно замечательен один из северных вариантов, помещенный в сборнике Киреевского («Песни», т. I, вып. 1, М., 1863, стр. 46). Даётся состав богатырей:

На заставе атаман был Илья Муромец;
Податаманье был Добрыня Никитич млад;
Есаул — Алеша, поповский сын;
Еще был у них Гришка, боярский сын;
Был у них Васька Долгополой.

При обсуждении, кого послать за нахвальщиком, Ильей Муромцем поочередно отводятся все богатыри:

«У Васьки полы долгие;
По земле ходит Васька, заплетается,
На бою, на драке заплетается, —
Погинёт Васька поизрасоному».
«Гришка — рода боярского;
Боярские роды хвастливые;

**На бою-драке призахвастается, —
Погинёт Гришка понапрасному».
«Алешенька рода поповского;
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие;
Увидит Алеша на нахвальщике
Много золота, серебра,
Злату Алеша позавидует, —
Погинёт Алеша понапрасному.**

В целом ряде других вариантов характеристика дается в личном плане и вызывается осмыслинением прозвищ богатырей.

«Да послать нам ведь Мишку Торопа-
нишка —
Да и тот он ведь рода торопливого,
Потеряет свою буйную голову...»
(Ончуков, № 4)

«Мы пошлем тихого Дупая сына Ивано-
вича —
У Дуная повороты были тихие
Он не за веды положит буйну голову».
(Киреевский, в. 1, № 1)

Добрыня и Алеша Попович носят исторические имена: Добрыня по летописи является дядею князя Владимира Святославича, Александр Попович упоминается в летописной заметке о битве при Калке в числе остальных «храбров», погибших в сражении.

Илья Муромец и Идолище

Рыбников, И. № 6. Б. Олонецкая губ., Кизи. Записано в 1860 г. от Т. Г. Рябинина, 78 л.

Былина об Илье Муромце и Идолище — позднейшая переработка былины об Алеше Поповиче и Тугарине, явившаяся в результате стягивания целого ряда легендарных подвигов к популярному имени Ильи Муромца. Тугарин — возможно, Тугорхан половецкий хан конца XI века, имевший то враждебные, то дружественные отношения с киевским князем Святославом. Алеша Попович — Александр Попович, упоминаемый древнерусской летописью как «храбр», богатырь, живший в XIII веке и погибший в битве с татарами на реке Калке. Этот Александр — Алеша Попович — является героем многих былин, причем к его имени прикрепляются и более ранние предания. В основе былины об Алеше Поповиче и Тугарине, очевидно, лежат какие-то древние сказания о борьбе русских с кочевниками, в частности с половцами. По другому объяснению генезиса этой былины (Б. М. Соколов¹⁸) источник ее — местное ростовское сказание о борьбе с идолом. Однако трактовка Тугарина-Идолища, как концептуированный образ насильника-кочевника, является более убедительной.

Наряду с идолищем в данной былине заслуживает внимания образ калики.

Помимо скоморохов, в сложении и формировании эпоса сыграла роль и церковно-паломническая среда. См. вступительную статью, стр. 49.

Апофеозом каличества явилась былина «Сорок калик», как апологией скоморошества — «Путешествие Вавилы». См. примечание к «Путешествию Вавилы со скоморохами» (стр. 406). В былинах о Тугарине-Идолище калика изображается могучим богатырем, по силе почти равным главному герою, а в некоторых вариантах и превосходящим его.

Илья в ссоре с Владимиром

Гильфердинг, № 47. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., Купецкая вол., дер. Бураково. Записано в 1871 г. от Н. Прохорова (по прозвищу «Утка»), 51 г.

Былина несомненно позднего происхождения и отражает социальные отношения начала XVII в. Об историческом смысле данной былины о ссоре Ильи с Владимиром см. вступительную статью, стр. 22.

В публикуемой былине образ Ильи-бунтаря раскрыт с огромной художественной силой, что делает этот текст вообще одним из лучших в русской быловой традиции.

Илья Муромец и голи кабадкие

Гильфердинг, № 257. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано в 1871 г. от И. М. Кропачева (Лядкова), 65 л.

Интересное объединение двух разновременных по своему происхождению былин. Первая часть, о голях кабадких, существующая и в виде отдельной былины, должна быть отнесена к XVII в. по тем же основаниям, как и былина о ссоре Ильи Муромца с Владимиром. Вторая часть является сокращенной былиной о Калинедаре, создавшейся на основе сказаний о первых встречах русских с татарами. Напоследок некоторых вариантов этой былины — в изображении самой борьбы с Калином. Описание нашествия татар дано в них в ярких и сильных образах, свидетельствующих о силе испытанного потрясения. Таково, например, знаменитое описание в варианте сборника Кирши Данилова (№ 24):

Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?

А от пару было от кониного
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видит луча света белого,
А от духу татарского
Не можно крещеным нам жить.

В более позднее время к былине о Калинедаре стали присоединяться эпизоды ссоры, заточения Ильи Муромца в погреб, отъезда разгневанных па князя богатырей, что сообщило ей большую социальную заостренность, подчеркивая отрицательные черты Владимира (см., например, Гильфердинг, № 57, 75; Ончуков, № 2; Марков,

№ 2). Печатаемый текст отличается особой социальной насыщенностью, выделяя образ Ильи как великодушного защитника страны и населения, но не князя. Интересны еще варианты, в которых роль доносчиков и клеветников приписывается боярам толстобрюхим, завидующим подарку (шубе), сделанному князем Илье Муромцу (печорские и беломорские варианты).

Василий Игнатьев

Ончуков, № 18. Б. Архангельская губ., Усть-Цылемская вол., д. Боровая. Записано в 1902 г. от А. Д. Осташевой, 42 л.

Былины о Василии Игнатьеве представляют позднейшую обработку преданий времен татарщины, отразив, вероятно, воспоминание о разгроме Киева Батыем в 1240 г. Многие варианты этой былины (олонецкие) сохранили и самое имя хана (Батыга). Рядом с более старыми обработками сюжета о нашествии на Киев татар (былины о Калине-царе) данная былина интересна перенесением роли обычного спасителя Киева, Ильи Муромца, на представителя голя кабадкой. Таким образом, эта былина должна быть поставлена в один ряд с былинами о голях кабацких и о ссоре Ильи с Владимиром, преломивших настроения социального протesta угнетенных масс — участников народных движений начала XVII в. См. об этом вступительную статью, стр. 22—23. Данный вариант принад-

лежит к числу тех, которые выражают этот протест с особой силой, но направляют его не столько против князя, сколько против «бояр толстобрюхих». В этом отношении интересны по своей социальной насыщенности два мезенских варианта сборника Григорьева. В одном (№ 65) Василий наказывает татарам:

«Уж вы грабьте князей да ионче бояров,
Уж вы тех же купчай, людей торговых,
Уж вы грабьте у их да золоту казну,
Не ворошите только князя да Владимира».

В другом (№ 59) еще более социально четко:

«А бар то у нас казните-вешайте».

Запев о турах златогорих является осколком старинной легенды, связанной с представлением об охране Киева богородицей. У старообрядцев Поморья этот запев обработан в самостоятельную песню и представляет плач о гибели «христианской», то-есть старообрядческой веры.

Сухматий (Сухман)

Марков, № 11. Из старин Терского берега, Б. Архангельская губ, дер. Нижняя Зимняя Золотица. Записано в 1899 г. от А. М. Крюковой, 45 л.

В основе былины лежит предание о каком-то столкновении русских с татарами.

Все попытки установить конкретное событие, послужившее источником, могли только вскрыть некоторые отдельные и иногда отдаленные черты сходства. В целом они лишь заставляют предполагать целый ряд влияний, через которые прошла данная былина, вплоть до XVI в. отложившего в образе Владимира черты деспотизма московских дарей. Конец разработан в стиле поэтических сказаний о происхождении названий рек, следы которых мы находим и в других былинах, например в былине «Дунай». Былина — одна из самых редких, известна всего в нескольких версиях.

Неудавшаяся женитьба Алеша
Марков, Маслов, Богословский, т. II, № 24.
Терский берег, б. Архангельская губ., Варзуга. Записано 1901 г. от У. Е. Вопияшиной, 62 л.

Былина-новелла о Добрыне и Алеше — песенная обработка распространенного международного мотива о муже на свадьбе своей жены (Одиссей и Пенелопа, Ашик-Кериб — имеется обработка у Лермонтова, предания о Карле Великом). Трудно сказать, почему этот сюжет приурочен к Добрыне Никитичу. Алеша же Попович включается в былину вследствие тех черт изворотливости, склонности к обману и проч., которыми наделяется его образ в руках скоморохов. См. об этом вступительную статью, стр. 29. Время создания не установлено. Одна

из самых популярных былин. Печатаемый текст относится к той группе вариантов, которые заключают яркую и выразительную социальную сатиру благодаря внесению своднической роли Владимира, наделяемого чертами интригана и насильника.

Алеша Попович и сестра Збродовичей

Киреевский, в. 2, стр. 67. Б. Архангельская губ., Шенкурск.

Былина-новелла на характерный для феодальной эпохи сюжет — о девушке, запятнавшей фамильную честь и осужденной за это братьями на смерть. Возможно, что вначале это была просто безыменная песня, в которую имя Алеши Поповича было внесено позднее, когда определился тип Алеши как «бабьего прелестника». Об этом заставляет предполагать наличие вариантов, в которых вместо Алеши мы находим безыменного молодца, в одном же варианте героем является Чурила по аналогии с близкой былиной о неверной жене. Время и место сложения данной былины неизвестны.

Ставр

Рыбников, I, № 30. Б. Олонецкая губ., Повенецкий у., дер. Горка. Записано в 1863 г. от А. Е. Чукова (по прозвищу «Бутылка»).

Былина о Ставре, очевидно, новгородского происхождения, несмотря на приуро-

чение действия к Киеву. Никаких следов этой былины в южной и средней России, за исключением одного случайного варианта из Владимирской губ., мы не находим. Купеческий характер былины очень силен. Некоторые исследователи полагали, что историческим основанием к ее сложению мог явиться эпизод начала XII в. — столкновение Владимира Мономаха с новгородскими боярами и заточение сотского, боярина Ставра. Оформление предания о заточении Ставра киевским князем в былину произошло не позднее XV в. при помощи ряда литературных мотивов — о жене, переодевающейся в мужское платье для освобождения мужа, о решении дела состязанием в стрельбе, в игре в шахматы и т. п. (Вс. Миллер¹²), но не исключена возможность и простого совпадения имен. Вся группа вариантов, сохранившихся в нынешней Карелии, носит явные следы позднейшей обработки скоморохами — общий балагурный тон, внесение способов испытания пола постелью и баней. Сибирские варианты отличаются более серьезным характером и, возможно, более архаичны.

Дюк

Гильфердинг, № 159, Б. Олонецкая губ., Петрозаводский у., дер. Космозеро. Записано в 1871 г. от И. А. Касьянова, 40 л.

Сложение основы былины главный ее исследователь Вс. Миллер¹¹ относит к

Галичу в период его расцвета в XII—XIII вв. В ряде вариантов Дюк едет из Волынца в Галич. Имя и отчество героя ведут к Византии, югославянским странам и западной Венгрии, с которыми южные области находились в оживленных сношениях. Былина иссытала на себе несомненное влияние «Сказания об Индии богатой», которое доказывало превосходство Индийского царства над Византийским. (Известно было в русской письменности в XII—XIII вв.). Сходство былицы со сказанием — не только в основном замысле, но и в фабуле. В былине видны отголоски соперничества южных бояр, богатых и независимых, с князьями. Пышный расцвет Галича и параллельное ослабление Киева — та историческая обстановка, на почве которой могла окончательно сложиться былина. Впоследствии она впитала черты пышного боярского и дарского быта московского периода.

Публикуемый вариант с большой силой заостряет сюжет именно в сторону соперничества Дюка в богатстве и роскоши с князем Владимиром. Чурила является в нем представителем Киева.

Про Чурилу

Рукописное хранилище Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР. Северный край, Лешуконский район, дер. Усть-

Низема, 30 июня 1928 г. Записано А. М. Астаховой от М. Г. Антонова, 59 л. Печатается в первый раз.

Былина представляет типичную новеллу. Богата бытовыми деталями. Одна из самых популярных на севере «бабьих старин», то есть особенно любимых женщинами-сказительницами.

Кроме данного сюжета, с именем Чурилы существует былина о приезде героя в Киев на службу к Владимиру. Чурила является также одним из главных действующих лиц в былине «Дюк Степанович». Место и время происхождения былин о Чуриле не установлены.

Некоторые исследователи, опираясь на южное имя героя, склонны относить эти былины или древнейшие их основы к югу России и к сравнительно раннему времени (А. Н. Веселовский³ и М. Г. Холанский²⁰), другие, по бытовым чертам, приурочивают их к северу — к Новгороду эпохи XV в. (Вс. Миллер¹⁴) или даже к Москве XV—XVI вв. (А. С. Архангельский²).

Развязка в данном варианте является типичной для былины. Но следует отметить характерный вариант с усиленным трагизмом: после убийства жены и Чурилы муж убивает чернавку за донос, а затем и себя (Гильфердинг, № 189).

Сказитель М. Г. Антонов — «баличий» (овечий) пастух (1929 г.) — принадле-

жит к числу замечательнейших мастеров Мезени.

Записанные от него тексты еще никогда не печатались.

Василий Буслаев

Кирилл Данилов, № 9.

Фабула и бытовые картины настолько густо насыщены чертами исторической обстановки Новгорода времен его самостоятельности, что можно с несомненностью говорить о местном новгородском происхождении былины в XIV—XV вв. В ней, как показал в своем исследовании И. Н. Жданов,⁵ отразились воспоминания о борьбе общественных партий Новгорода на почве классового расслоения в среде торговой буржуазии. В лице Василия Буслаева и «мужиков новгородских» изображено столкновение двух конкурирующих слоев социальной верхушки Новгорода — аристократии, крупных землевладельцев-бояр, с одной стороны, и новгородского купечества — с другой. Попытки отыскать конкретное событие, которое могло лежать в основу былины, и исторические прототипы действующих лиц остались безуспешными. Правда, имя героя былины встречается в Никоновском летописном своде XVI в., где под 1175 г. имеется заметка о смерти новгородского посадника «Васка Буславича». Но возможно, что в летописную заметку имя это попало уже из устного

источника, так как ни в местных новгородских летописях, ни в списках новгородских посадников мы этого имени не находим.

Значительные следы влияний XVI в. в обрисовке некоторых образов этой былины (черты опричны, юродивого и др.) вызвали попытку С. К. Шамбина²³ истолковать ее как исторический памфлет на Ивана Грозного, разгромившего Новгород в 1570 году. Неубедительность доводов Шамбина²³ вскрыта Вс. Миллером.¹⁷

Былина о Василии Буслаеве является довольно распространенной на севере. Публикуемый вариант сильнее сохранил новгородский колорит, в других он снижен, и в ряде вариантов Василий Буслаевич превращается в обычновенного хулигана, в пьяном видезывающего мужиков на драку в порядке простого хвастовства. Былица часто контаминируется со второй — о гибели Василия Буслаевича, что свидетельствует о конечном осуждении его поведения, хотя в первой былине отношение к герою скорее сочувственное. В этой противоречивости сказалось скрецение настроений, идущих от различных социальных групп: новгородского боярства, купечества, позднее — крестьянства. Наиболее интересный случай позднейшего переосмысления образа Василия в крестьянской среде мы находим в варианте, записанном А. Марковым на Зимнем берегу («Беломорские былины»,

№ 52, 1901 г.), где Василий Буслаевич оказывается сыном богатого князя и «дворянскими забавами да и забавляйтде: малых деток на улки пообиживает», что и вызывает у мужиков новгородских решение его убить.

Василий Буслаев молиться сядил

Кирша Данилов, № 18.

Былина, очевидно, является отражением воспоминаний об «ушкуйничестве», военно-промышленных походах новгородцев для завоевания и грабежа новых областей, которые носили то организованный характер, то характер самочинных разбойных набегов. Можно предположить, что былина оформилась уже тогда, когда ушкуйничество стало подвергаться порицанию, как наносящее ущерб торговым операциям с Поволжьем (с конца XIV в.), а, следовательно, явилась выражением идеологии новгородского купечества (И. Н. Жданов⁵). Печатаемый вариант интересен тем, что наиболее заостряет образ Василия Буслаевича как вольнодумца, не верующего «ни в сон, ни в чох», исторически сложившийся в Новгороде на почве сильных западных влияний.

Былина заключает следы влияний книжной литературы (эпизод с черепом), а также наслоения XVII в. (казачий элемент былины).

Садко

Рыбников, № 134. Б. Олонецкая губ.,
Пудожский у., Сумозеро. Записано в 1860 г.
от А. П. Сорокина, 32 л.

Историческая обстановка, отображенная в былине, сильно выраженный купеческий характер, изображение таких моментов, как заморская торговля, торговая конкуренция и проч., убеждают в несомненном новгородском происхождении. Эпоха, с которой связана эта былина, — эпоха наивысшего расцвета торгового могущества Новгорода. Имя героя является историческим новгородским. В ряде северных летописей упоминается «Садко Сытинец», «Садко богатый», построивший в 1167 г. каменную церковь в честь Бориса и Глеба. Возможно, что в основу и легли предания об этом историческом лице, разработанные в былину при помощи целого ряда других источников, главным образом сказочных (мотивы о водяному царю и его дочери) и церковно-легендарных (о спасении посредством человеческой жертвы погибающих среди моря).

Печатаемая былина, так же как и второй вариант ее от того же сказителя, записанного Гильфердингом («Онежские былины», № 70), являются самыми полными, подробно разрабатывающими все три основных эпизода, а также сохраняют старейшую связку эпизода состязания с Новгородом.

В некоторых, очевидно, более поздних обработках победителем оказывается Садко, выкупавший при помощи Миколы Можайского все товары.

Таким образом, былина, являющаяся по замыслу восхвалением торговой мощи Новгорода, переключается впоследствии в разряд обычной героической былины с победителем-героем.

Соловей Будимирович

Гильфердинг, № 68. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Гагарка Шальского погоста. Записано в 1871 г. от П. Т. Антонова, 70 л.

Принадлежит к числу былин-новелл, с заезжими «гостями» в качестве героев. С чертами южного цикла данная былина совмещает явные северные элементы: оснастка корабля (в некоторых вариантах еще ряд северных мореходных терминов), образ типичного новгородского «гостя», есть даже варианты, в которых Соловей Будимирович при теремах строит и гостинный двор (см., например, Гильфердинг, № 199), черты богатого новгородского быта, мотивы русских свадебных песен, неизвестных на юге, и др. Кроме того некоторые варианты включают и географические названия, связывающие былину с севером: море «Виряиское» или «Верейское» (искаженное варяжское или, может быть, от Wironia — эстляндский берег Финского залива) и др. Северный

элемент настолько силен, что заставляет предполагать северное, именно новгородское, происхождение, за что говорит и самое содержание, типичное для новгородского цикла. Время создания — очевидно XV—XVI вв. Южные черты могли быть привнесены позднее под воздействием других былин, где действующие лица группируются вокруг Киева и князя Владимира.

Гудимирович — в большинстве вариантов Будимирович. Запава Утятична — Забава Путятична, часто упоминаемая в былинах как племянница князя Владимира.

Вариант этой былины из Западной Сибири, помещенный в сборнике Кирши Данилова, известен своей запевкой:
«Высота ли, высота поднебесная» (см. вступ. статью, стр. 40).

В ольга

Гильфердинг, № 91. Б. Олонецкая губ. Петрозаводский у., Сennая Губа. Записано в 1871 г. от К. И. Романова, 80 л.

Былина является, повидимому, контаминацией и сложной переработкой при помощи ряда сказочных и легендарных мотивов двух древних песен — о необыкновенном охотнике и о походе и завоевании чужого царства каким-то героем. Имя «Вольга» было включено позднее по аналогии этих песен с преданиями о князе Олеге и княгине Ольге («ловы» Олега, о которых упоминают

летописи, походы на Царьград). Оборотничество Вольги могло тоже явиться позднее в результате истолкования символических образов охоты (как лютый зверь, как сокол и т. д.) под воздействием новгородского предания об оборотне Волхе, залегшем на дне реки Волхова. Следы этого воздействия сохранились в имени героя «Волх», которое встречается в ряде вариантов вместо Вольги.

Вольга и Микула

Гильфердинг, № 73. Б. Олонецкая губ., Петрозаводский у., Кижи. Записано в 1871 г. от Т. Г. Рябинина, 78 л.

Былина, как и предшествующая — «Вольга», вызвала обширную литературу. Главные исследования принадлежат Фс. Миллеру¹³, Н. И. Коробка⁷, С. К. Шамбина²⁴, М. Г. Халанскому²¹, Б. М. Соколову¹⁹. Но до сих пор все решения относительно происхождения былины нельзя считать окончательными.

Начало былины — результат сближения, под воздействием тех же сказаний о князе Олеге (см. предыдущее примечание) песен о чудесном охотнике и о князе дружиннике, едущем на «полюдие» (сбор дани). Местом окончательного оформления былины скорее всего можно считать Новгородскую область — на основании целого ряда типичных северных и новгородских черт в пейзаже, быте, социальных отношениях.

Напечатанный вариант один из лучших и наиболее полных, четко передающих торжество пахаря над князем, но не имеет окончания, встречающегося в некоторых других вариантах и представляющего исторический интерес: Вольга и Микула приезжают в первый город, мужики готовы покориться, Вольга жалует Микуле наместничество:

Я жалую от себя тремя городами со
крестьянами,
Оставайся здесь да ведь наместником,
Получай-ко ты дань да ведь грошевую.

(Гильфердинг, № 156)

Святогор

Гильфердинг, № 270. Б. Олонецкая губ.
Кенозеро. Записано в 1871 г. от И. А. Гурьшина, 60 л.

Образ Святогора — один из труднейших для анализа по своему происхождению и составу.

Представители мифологической школы делили весь эпос на две группы — былины о «старших» богатырях и о «младших». К первым наравне с Вольгой и Микулой причисляли и Святогора. Образы этих богатырей они считали мифологическими, принадлежащими глубокой древности. Однако совершенно ясно, что многие былины этого цикла возникли в результате позд-

нейших влияний сказочных и церковно-легендарных мотивов. Данная былина особенно характерна в этом отношении. В ее основе лежит религиозно-аскетическая тенденция, идея бренности земного существования, нашедшая свое воплощение в образе «земной тяги» (А. Н. Веселовский⁴). Другая идея былины — смерть как возмездие за похвальбу — тоже свойственна религиозно-легендарной поэзии. Под тем же влиянием происходит также постоянное объединение в эпосе богатыря Святогора с библейским апокрифическим Самсоном. Многочисленные исследования, направленные на отыскание литературных параллелей в эпосе других народов: кавказских (Вс. Миллер¹⁰), восточных (И. Н. Жданов⁸) финско-эстских (С. К. Шамбина, ²² Вс. Миллер¹⁰) — к вполне убедительным решениям не привели.

Путешествие Вавилы со скоморохами

Григорьев, т. I, ч. 2, № 85. Б. Архангельская губ., Чинежский у., дер. Шотогорка, записано в 1900 г. от М. Д. Кривополенова, 57 л.

Принадлежит к числу «скоморошин», то есть произведений, сложенных самими скоморохами. В отличие от других скоморошин она имеет серьезный характер. Совершенно ясна основная тенденция, вызвавшая ее к жизни. В ответ на преследование церкви скоморохи создают своего

рода апологию, где сила скоморошьего искусства уравнивается с силой, исходящей от святых. В таком же плане средневековые жонглеры создали свое знаменитое фабльо о жонглере-акробате, обработанное впоследствии Анатолем Франсом.

Гость Терентьища

Кириша Данилов, № 2.

Типичная новелла, вышедшая из буржуазной среды и получившая скоморошью обработку. Версия этого сюжета широко известна восточной и западной письменной литературе. Наряду с былинной существуют также и сказки. Подчеркнутость роли скоморохов в некоторых вариантах выступает еще резче. Так, например, в варианте из сборника Киреевского (в. 7, стр. 48, Приложение) в уста Терентьища вкладывается следующее обращение к скоморохам:

Вы много по земле ходаки,
Вы много всем скорбям знатоки,
Вы скорби ухаживаете,
А недуги уговариваете,—
У меня, братцы, жена скорбна.

Птицы

Гильфердинг, № 280. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано в 1871 г. от А. В. Георгиевской, 40 л.

Былина создалась на основе древнерусского литературного памятника, известного

под названиями «Сказания о птицах» и «Совет птичий», имевшего распространение с конца XIV и начала XVII в. Памятник содержит, с одной стороны, сен-тениции птиц религиозно-поучительного характера, с другой — сатирические изображения в лице птиц разных сословий. Этот последний бытовой элемент и послужил источником для былины. Общий сатирически балагурный тон говорит несомненно об участии в ее сложении скоморохов, которые не раз использовали свое искусство для социальных обличений. Некоторые варианты этой былины, кроме птиц, заключают и характеристики зверей, например:

Лев тот на мори мясник был,
Медведь от был кожедёрник,
Много он кож продираёт,
Сапогов на ногах не видаёт,
Волк тот на море овчинник,
Много он овчин прибираёт.
Ай шубы он на плечах не видаёт,
Велику соби стужу принимает.
Олень-то скорып посланик,
Зайко-то на мори калачник,
А ножки тонёньки, белёньки,
Калачики пекет он и мяконьки,
А лисица молода молодица,
Долог хвост и не наступит,
Сделает вину она не скажёт.
А собака та зла лиха свекрова,

День она ночи варайдает,
Дела никакова не скажёт,
А й кошки эти были вдовицы
То-то сироты да бобылицы;
Днем кошкі лежа по печкам,
Ночью пойдут по добычкам,
А криночки горшочки открывают
Без ложки сметанку снимают,
За то же их бьют и беспощадно.

(Гильфердинг, № 62)

Приведем еще из других вариантов несколько наиболее ярких образов в социальном и художественном отношении.

Ястреб на мори стряпчий,
С богатого двора берет по куренку,
Со вдовы-сироты берет по две и по три,
То есть великая в нем неправда,

(Гильфердинг, № 130)

Сорока кабацкая женка,
Черные чéботы держала,
С ножки на ножку скакала,
На груди подолы подымала,
Молодых ребят приманияла.
Без калача да есть не сядёт,
Без молодца да спать не ляжёт,
Пеш же она, курвá, не ходит,
Всё ль то едё на подводах,
А пара у ней коней вороных.

(Гильфердинг, № 62)

Песни о зверях и птицах использованы А. С. Пушкиным в его неоконченной сказке о медведице.

Агафонушка и другие пародии

1. *Кирша Данилов*, № 25-а. 2. *Григорьев*, т. III, № 93. Б. Архангельская губ., Мезенский у., дер. Юрома. Записано в 1901 г. от Е. В. Бешенкина, 89 л. 3. *Григорьев*, т. I, ч. 2, № 87. Б. Архангельская губ., Пинежский у., дер. Шотогорка. Записано в 1900 г. от М. Д. Кривополеновой, 57 л. 4. *Ончуков*, № 29. Б. Архангельская губ., с. Усть-Цильма. Записано в 1902 г. от П. Р. Поздеева, 65 л. 5. Рукописное хранилище Фольклорной секции Института антропологии, этнографии и археологии Академии Наук СССР. Северный край, Лешуконский район, дер. Малые Нисогоры, 13 июля 1928 г. Записано А. М. Астаховой от И. И. Поздеева, 57 л. Печатается в первый раз.

Среди скоморошин значительное место занимают пародии на былины. Из них «Агафонушка», пародирующая богатырскую былицу, — одна из самых замечательных. Запев ее явно пародирует знаменный запев былицы «Соловей Будимирович» из сборника Кирша Данилова: «Высота ли высота поднебесная».

Так как обе эти былины находятся в одном сборнике и в других записях неизвестны, то совершенно ясно, что они создались в среде одного и того же певче-

ского коллектива и, может быть, сложены одним и тем же лицом. Концовка второй пародии «Старина о льдине» заставляет предполагать, что пародия пелась в виде вступления к серьезным былинам.

«Небылица в лицах» представляет интересный пример дальнейшего развития пародии — веселую песню о «небывальщиках», в которой характерный пародийный зачин небылиц: «Старина сказать да стародавия, стародавия да небывалая» — превращается в песенный припев и теряет свой пародийный смысл. «Пародия» и «Как во славном во городе Нижове...» являются местными пародиями. Первая возникла, как рассказал исполнитель, по следующему поводу: «Объелся в деревне Ниже человек молоком и помер. Про него самоскладена старина. Травят нижовцев». Вторая — составлена на местного пропойду.

Скоморошья прибаутка

Гильфердинг, № 60. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Мелентьево. Записано в 1871 г. от И. Фепонова, 50 л.

Характерная скоморошья прибаутка, развернутая почти до размеров отдельной небольшой скоморошины. В качестве зачина или концовки присоединяется к былине «Василий Игнатьев» в олонецких вариантах.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Авдотья женка - Рязаночка

Рыбников, № 182. Б. Олонецкая губ., Кенозеро. Записано от И. П. Сивцева (Поромского).

Хотя в песне упоминается «турецкий даръ», однако, совершенно несомненно, что в данном тексте мы имеем отголосок воспоминаний о татарщие, в частности о разгроме татарами Рязанской земли (1237 г.). Песня представляет образец переходной формы — от исторической песни к балладе.

Татарский полон

Киреевский, в. 7, стр. 195. Б. Тульская губ.

Песни о полонянках, о татарине или турке-зяте записаны во многих вариантах, что свидетельствует о довольно значительном их распространении. Как предшествующая песня «Авдотья Рязаночка», данная песня испытала позднейшую замену татар турками. Относится к разряду тех исторических песен, которые стоят на грани бытовых, то есть историзм которых заключается в изображении типового эпизода определенной исторической эпохи.

Взятие Казанского государства

Кирил Данилов, № 28.

Взятие Казани в 1552 г. — решительный шаг к захвату Новолжского пути

и плодородных поволжских земель — было тем крупнейшим событием внешней политики московского правительства, которое объединило интересы всех командующих общественных групп: феодального боярства, торгового класса, средних землевладельцев. Особенно популярен был казанский поход среди этих последних, видевших в Казанском царстве «подрайскую землицу», «всем угодную». Песня ярко отразила это отношение к событию, связав его с фактом «воцарения» Ивана Грозного и трактуя его как начало «великой славы Москвы». Основные эпизоды песни передают подлинные исторические факты: взрыв городской стены, который решил судьбу города, отказ казанского царя Едигера (в песне Симеона) изъявить покорность Ивану Грозному.

Песни о попе Емеле

*Аристов, стр. 25. Киреевский, в. 7, стр. 19.
Б. Орловская губ., Малоархангельский у.*

Относятся к так называемому «Смутному времени». Связаны с конкретным фактом активного участия духовенства в событиях. Быть может отразили предание об историческом попе Еремее — активном участнике борьбы с поляками (Сперанский²⁶). Сложились несомненно в кругах, настроенных оппозиционно в отношении первого Димитрия и его приверженцев: демократический переворот начала XVII в.

изображается как разбойничий набег. Но впоследствии, спустившись в крестьянскую среду, центральный образ попа Емели-Семена приобретает черты идеализации путем выделения своеобразного молодечества и удальства, которые сближают эту песню с циклом разбойничих песен. Крест на рамени — характерный штрих эпохи; указывает на связь попа Емели с католицизмом.

Песни о Михаиле Скопине

*Вс. Миллер, № 207. Киреевский, в. 7,
стр. 113. Марков, № 39. Б. Архангельская
губ., дер. Зимняя Золотица. Записано от
А. М. Крюковой, 45 л.*

Сложились в атмосфере сложных классовых взаимоотношений Смутного времени. Племянник царя Василия Шуйского, Скопин, предводитель наемных шведских отрядов, вел успешную борьбу с тушинцами и поляками, очищая от них северные пути к Москве. Это сделало его популярным в широких массах купечества и землевладельцев, заинтересованных в ликвидации движения, связанного с именем второго Дмитрия, так как оно к этому времени приняло характер «холопьего бунта». Внезапная смерть Скопина (занемог 23 апреля 1610 г. на крестинах у Ивана Михайловича Воротынского и умер спустя две недели), последовавшие затем военные неудачи (проигранные сражения преемни-

ком Скопина, Дмитрием Ивановичем Шуйским, братом царя, переход шведских отрядов, не получивших жалования, на сторону противника) породили слухи о насильственной смерти, об отравлении Скопина сторонниками Шуйского (непосредственно женой его брата Дмитрия — дочерью Малюты Скуратова), который якобы боялся его возрастающей популярности. Эти слухи опирались на враждебное отношение боярства к Михаилу Скопину-Шуйскому как к представителю служилых людей. На основе этих слухов и возникли обе песни. Первая из них записана была в 1619 г. для англичанина Ричарда Джемса. В ней хорошо переданы противоположные настроения московского посадского населения и боярства. В соответствии с общей направленностью песни получил трактовку и факт перехода шведских отрядов к противнику. Песня является лирической композицией, созданной непосредственно после события. Во второй песне сюжет оформлен в стиле былины. Введена роль матери, дающей сыну совет, — мотив, встречающийся в ряде былин. В некоторых вариантах события переносятся даже на пир князя Владимира с обычным его атрибутом — похвальбой. Эту вторую песню-былину нельзя рассматривать (как это делали некоторые ученые) как развитие и переработку первой. Обе они возникли независимо друг от друга. То, что вторая песня

тоже возникла в период, близкий к событию, подтверждается тем, что в стиле дошедшей до нас повести об отравлении, относящейся к XVII в., мы находим следы несомненного влияния этой песни-былины.

Земский собор

Рыбников, № 158. Б. Олонецкая губ., Пудожский у., дер. Уная Губа. Записано от Г. Амосова.

В основе песни лежит факт сдачи поляками Смоленска в 1654 г., в эпоху войны Москвы с Литвой и Польшей за возвращение русских областей, когда-то от нее отторгнутых. Земского собора, на котором якобы был решен вопрос о Смоленске, история не знает. Но, изобразив именно так данное событие, песня запечатлела характерную черту эпохи — то значение, которое получили в XVII в. в связи с экономической и политической реставрацией съезды-соборы. На них, кроме внутренних дел, порой решались и вопросы внешней политики. Возвращение Смоленска было одним из самых ярких эпизодов внешней политики на западе (как взятие Казани в последнем фазисе борьбы с татарами), а потому и оставило такой сильный след в историческом эпосе. Интересны варианты этой песни, в которых царь шведский предлагает выменять Смоленск на Хинскую землю, — отголосок тех переговоров, кото-

рые действительно велись между осаждавшими Смоленск русскими и поляками. В этих вариантах упоминается имя Милюславского, — действительно, двое Милюсавских принимали участие в этих переговорах (см. Рыбников, 1, № 32).

Песни о Степане Разине

1. Аристов, стр. 45. Б. Тамбовская губ.
2. Киреевский, в. 7, Приложение, стр. 149; Лозанова, № 14.
3. Киреевский, в. 7, стр. 41; «Новиковский песенник»; Лозанова, № 22.
4. Киреевский, в. 7. Приложение, стр. 153; Лозанова, № 23.

Песни о Степане Разине — один из самых богатых и популярных исторических песенных циклов. В них нашли яркое выражение настроения угнетенных социальных групп феодально-крепостнической эпохи в период народных революционных движений. Первая из печатаемых песен — о сыне Степана Разина — является самой распространенной, известной во многочисленных записях. Один из вариантов записан А. С. Пушкиным. Текст песни довольно устойчив.

«Сын», «сынок», как именует себя герой песни, — вероятно, один из агентов Разина, посланный в Астрахань на разведку и схваченный властями. Известен конкретный факт такой поимки и казни, который и мог послужить поводом к сложению песни (Н. Аристов¹, А. Н. Лозанова²). Публикуе-

мый вариант — один из наиболее социальноп насыщенных (противопоставление «сынка» крепостным крестьянам, ожидание избавления «невольничков»).

Среди вариантов этой песни следует отметить запись от крестьянки-мордовки, которая дает концовку, изображающую осуществление отмеченных выше народных ожиданий:

Пришел батюшка воскосна,
Новокаменшу мою тюрьму
Все по каменкам разобрал,
Все невольничек распустил.

(А. И. Лозанова, «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», стр. 13)

Вторая песня о походе разинцев и расправе с астраханским губернатором, с одной стороны, отразила воспоминание о действительном факте расправы с астраханским воеводой-князем Иваном Семеновичем Прозоровским, с другой стороны сконцентрировала оппозиционные настроения казачества и других угнетенных социальных групп в отношении ряда астраханских воевод и губернаторов и более раннего и более позднего времени. Четвертая песня представляет социальное переосмысление в плане песен Разинского цикла более ранней песни о молодцах-«тюремчиках» и беглых людях.

Князь Голицын

Киреевский, в. 8, стр. 46. Б. Московская губ.

Имеется в виду возвращение князя Василия Голицына с неудачного и позорного для него похода на Крым в 1686 году. Несмотря на полный провал, Голицын, пользуясь расположением правительницы царевны Софьи, получил торжественную встречу в Москве и награду.

Песня, повидимому, сложилась в среде, настроенной оппозиционно к партии Софьи. Тот ее явно насмешливый. В одном из вариантов Голицын прямо назван «первым изменщиком». Есть варианты, которые даже изменяют развязку, включая отказ в награде и обещание «пожаловать двумя столбами с перекладиной». Нечтаемый вариант представляет интересное переосмысление песни в социальном плане. Очевидно, указанные позднейшие прибавления об угрозе Голицыну дали повод воспринять образ Голицына как обличителя исправды и вложить ему в уста протест против разорения народа. Однако органической переработки всей песни в этом плане не произошло, и начало и конец сохраняют полностью первоначальную редакцию.

Песни о казни стрельцов

Киреевский, в. 8, стр. 18. Сызрань. Киреевский, в. 8, стр. 22. «Песенник» Чулкова.

Обе песни отразили событие 1698 года — жестокую расправу со стрельцами, которые пытались во время отсутствия Петра вернуть свое прежнее положение в государстве.

Первая песня, быть может, заключает отзвук тех переговоров, которые велись между Шейном и взбунтовавшимися стрельцами до прибытия Петра, когда Шейн требовал сдачи оружия, а стрельцы добивались предварительного пропуска в Москву, обещая служить царю, как служили раньше. Симпатии песен явно на стороне стрельцов. В изображение их внесены черты твердости, мужества и чувство достоинства. На обработке первой песни заметно сильное влияние былины: выезд атамана, его боевое снаряжение, скачка, приезд — воссоздают типовой образ былинного богатыря.

Шведский поход

Киреевский, в. 8, стр. 126. Б. Калужская губ.

В песне отражено воспоминание о каком-то эпизоде шведской войны при Петре Первом. Большой барин — Борис Петрович Шереметев, упоминаемый в других вариантах.

Передача впечатления от кровавых столкновений со шведами во второй части песни смыкается с оппозиционными настроениями рекрутских песен (см. в. 2 настоящей серии).

Ладожский канал

Киреевский, в. 8, стр. 262.

Песня связана с фактом прорыва Ладожского канала при Петре I. Образец песни, переходящей в безыменную бурлескую.

Прусский поход

Киреевский, в. 9, стр. 113. Б. Симбирская губ.

Довольно многочисленные песни о прусском походе, сложившиеся в солдатской среде, содержат в себе обычно жалобы на тяготы похода, на продолжительность его, на тяжкие потери.

Данная песня интересна тем, что, помимо таких жалоб, заключает еще и некоторые элементы социальной сатиры. Упоминание о вестях с Тихого Дону перенесено из песен донских казаков, а «чистое поле Лебедян» перешло из старших песен о Полтаве. Кистрин — Кюстрин, прусская крепость, постоянно фигурирует в песнях о прусской войне, очевидно потому, что в казематы этой крепости заключались русские пленники.

Лопухин - Потемкин

Киреевский, в. 9, стр. 100. Б. Калужская губ.

Генерал Василий Абрамович Лопухин был убит во время прусской войны 19 августа 1775 года в сражении под Гросс-

Егерсдорфом. Публикуемая песня создалась, в солдатской среде и отразила оппозиционное настроение этой среды, возлагающей вину за кровавые потери на генералов. Имя Потемкина, как в других вариантах Румянцева, заменило собой первоначальное имя Абрюсина, как думает Бессонов, Апраксина, действительного участника данного сражения.

В дальнейшем, повидимому, под влиянием запрещения, из песни были выкинуты все личные намеки, и песня превратилась в безымянную. В таком виде она сохранилась в песенниках Чулкова, Новикова и некоторых других.

Работы на линии

Киреевский, в. 9, стр. 213. Б. Симбирская губ.

Песня составителями сборника Киреевского отнесена к эпохе Екатерины II. Возникла, бесспорно, в солдатской среде, и хотя, может быть, и имеет в виду какой-то определенный факт, но затрагивает общую тему, характерную для солдатских песен,— о тяжелой жизни и работе на чужбине.

Пожар Москвы

Нальчиков, № 40. Б. Уфимская губ., Мещенниковская вол., с. Николаевка.

П. А. Бессонов, комментировавший песни, собранные Киреевским, отнес песни

о московских пожарах к XVII в., хотя и указал, что «случай, увековеченные былиной, имели место и позднее, даже в XVIII в.⁴ В действительности никаких данных в самой песне для отнесения ее к XVII в. не имеется. По стилю она ближе всего стоит к песням XVIII в. Возможно, что в XIX в. эта песня ассоциировалась с событием Двадцатого года. Имя «барина», от которого якобы начался пожар, неустойчиво. Есть варианты с именем Шерemetева.

**Чернышов, Захар Григорьевич
Онцикоб, № 42. Б. Архангельская губ.,
Усть-Цильма, записано в 1902 г. от Г. И. Чупрова.**

Песня имеет большую и сложную историю, чрезвычайно характерную для жизни фольклорного произведения вообще. В основе ее — эпизод заключения прусским королем русского генерал-фельдмаршала графа З. Г. Чернышова в Кюстринскую крепость в эпоху семилетней войны. Возможно, что песня об этом эпизоде была сложена вскоре после возвращения русских войск из-за границы. По исследованию А. Н. Лозановой²⁵, песня эта в своем первоначальном виде представляет переработку песни об Азовском пленнике (см. Киреевский, в. 8, стр. 78—81) и является типичной полковой исторической песнею, направленной на прославление русского дара и

его полководцев (таков, например, вариант Киреевского, в. 9. стр. 130—131).

Печатаемый текст несет яркие следы уже иной социальной среды — оппозиционно настроенных слоев крестьянства и казачества, куда попадает в дальнейшем песня о Чернышове. Сохраняя общую композиционную структуру первоначальной редакции, он превращает графа Чернышова в донского казака и племянника Разина, а Кюстрин — в «Костринский городок» по ассоциации с названием села Кострина, игравшего роль в Разинском движении. Ответ Чернышова в конце песни воспринимается уже не в плане патриотических настроений пленника, который угрожает прусскому королю, предлагающему измену, а как выражение независимости и бесстрашия — постоянных мотивов в песнях Разинского цикла. Подобная трансформация песни о патриоте графе Чернышове обусловлена ассоциированием с именем Чернышова воспоминаний об одном из активных пугачевцев — Иване Никифоровиче Зарубине, прозвищем Чика, носившем при Пугачеве имя графа Чернышова, подобно тому как другие приближенные Пугачева назывались именами разных вельмож петербургского двора. В дальнейшем песня еще более отходит от своей первичной редакции и окончательно принимает типовые черты разинской безыменной песни о добром молодце, заключенном в тюрьму. В се-

рии песен о Чернышове интересен еще вариант, заключающий явные отголоски декабряского события с упоминанием Петра, Петропавловской крепости и с перенесением роли прусского короля на «православного царя».

Песни о Пугачеве

Киреевский, в. 9, стр. 245. Б. Симбирская губ.; Лозанова, № 3. *Киреевский*, в. 9, стр. 248. Б. Симбирская губ.; Лозанова, № 8.

Песни о Пугачеве известны в немногих записях, но довольно разнообразны по содержанию. Первая из печатаемых песен изображает поход пугачевцев под Гурьев и Яик. Отношение к Пугачеву явно сочувственное. Вторая явила откликом на эпизод встречи Панина с Пугачевым, доставленным в клетке в Симбирск (см. Лозанова⁶, стр. 386). Эта песня — одна из наиболее ярких и классово-насыщенных.

Вор Гаврюшка

Аристов, стр. 89; *Киреевский*, в. 10, стр. 112. Б. Саратовская губ.

Трудно с точностью определить, о каком историческом лице здесь идет речь. Это мог быть атаман волжских разбойников Гаврила Быков, который в 1776 году бежал из Новохоперской крепости (Мордовцев), или беглый солдат Гаврила Кремнев, который в 1766 году выдавал себя за Петра III в Воронежской губернии (Н. Аристов¹).

По словам Аристова, песня «выражает мысль, что миновало прежнее раздольное житье, когда разбойники были сильны, брали часто города, разбивали остроги и выпускали своих братьев на свободу».

Вор Копейкин

Киреевский, в. 10, стр. 108. Сызрань.

Имя героя песни нашло отражение в знаменитом рассказе Гоголя в «Мертвых душах» о капитане Копейкине, который после похождений в Петербурге делается атаманом разбойников в Рязанских лесах.

Как в предыдущей, в данной песне черты историчности в значительной степени стерты, и песня стоит на грани перехода в безыменную разбойничью.

Песни об Аракчееве

Киреевский, в. 10, стр. 209. Б. Оренбургская губ. *Киреевский*, в. 10, стр. 211. Б. Псковская губ. Запись А. С. Пушкина.

С таким же содержанием известны более ранние песни, связанные с именами Долгорукова, Репнина, Меньшикова и Гагарина, но традиционная формула укора еще более усиlena и заострена в вариантах, приуроченных к Аракчееву. Вторая песня замечательна тем, что записана в 30-х годах А. С. Пушкиным. Она заключает ряд кон-

крайних черт аракчеевских мероприятий. Вторая часть первой песни встречается также в песнях о Гагарине. В приурочении ее к Аракчееву можно видеть отражение впечатлений от роскоши его Грузинского дворца.

Песни об Аракчееве созданы, вероятно, сейчас же после смерти Аракчеева (1834 год), а может быть еще и при его жизни.

Песни о 14 декабря 1825 года

Ончуков, № 100. Б. Архангельская губ., б. Пустозерская вол., дер. Нарыга. Записано в 1902 г. от В. А. Никонова. *Соколовы, № 24,* стр. 315. Б. Новгородская губ., Кирилловский у., дер. Роговская. Записано от Н. И. Охутина, 80 л.

Обе песни относятся к известному событию 1825 г. Первая песня представляет использование традиционного плача о смерти царя (песни о смерти Петра I, о смерти Екатерины II). Вторая заключает чрезвычайно искаженный и сиутизированный отклик, очевидно, на основе отдаленных слухов о восстании, руководимом офицерством и сенаторами, направленном на свержение или ограничение самодержавия, о проектах убийства царя, о каких-то взаимоотношениях двух братьев Николая и Константина.

Эти песни иллюстрируют знаменитый тезис В. И. Ленина о далеко стоящих от

народа декабристах. Симпатии во второй песне явно склоняются на сторону царского брата, причем в некоторых вариантах героем является даже солдат, подслушивающий и раскрывающий заговор; в нашем варианте солдат тоже оказывает брату содействие. В первой песне тоже заметно отрицательное отношение к заговору — к «бояришкам».

БАЛЛАДЫ

Специального сборника песен-баллад до сих пор не было (в настоящее время «Библиотекой поэта» выпускается обширный сборник, составленный В. И. Чернышевым).

Наиболее богато балладный материал представлен в I томе известного издания А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» (СПБ., 1895). Однако, с одной стороны, не все песни этого тома действительно могут считаться балладами; с другой стороны, немало балладных песен имеется в других томах того же издания; немало баллад также и в различных других сборниках песен.

В нашем сборнике мы даем лишь очень немногие образцы песен-баллад, по возможности, более типичные и вместе с тем представляющие историю балладного материала, намеченную во вступительной статье.

Сестра и брат

Печатается по тексту из указанного выше сборника В. И. Чернышева. Аналогичная песня (но менее полная) имеется у Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 2, № 1998, стр. 100 (из б. Малоархангельского у.).

Цюрильё и гуменьё

Печатается по сборнику Григорьева, т. I, № 25 (61), стр. 221—223. Записана песня от крестьянки М. П. Пашковой, тридцати семи лет, жены церковного старосты, в дер. Почезерье, на левом берегу реки Пинеги. Песня по характеру своему приближается к духовным стихам, отчасти к былинам (в одном из вариантов у Григорьева, № 95 (131): «Василий и дочь князя Владимира София» — действие отнесено ко времени князя Владимира, и героиня оказывается дочерью Владимира; отправляет ее не «гуменьё», а мать).

Песня принадлежит к числу весьма распространенных (обычно в виде «Василий и Софья»). См. в сборнике Соболевского, т. I, № 82—89.

Девушка-воин

Эта любопытная песня известна нам только по тексту Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1449, стр. 79). Записана она в Москве от семидесятилетнего московского мещанина.

Гостиный сын увозит девушку на корабле

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 245, стр. 322—324. Соболевский, в свою очередь, печатает песню по тексту песенника 1780 года («Новое и полное собрание российских песен», ч. III, стр. 64); в том же песеннике, ч. I, стр. 153, помещена сходная песня о том, как «понизовые бурлаки» увозят «стольникову дочь». Любопытный более поздний вариант, в котором речь идет о «ржевских приказчиках», напечатан в сборнике Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 60, № 1932).

Принц ночует у дочери купца

Печатается по сборнику Киреевского (Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1180, стр. 6); записано в г. Холмогорах в 1843 году П. Н. Базилевским. В сборнике Киреевского есть еще ряд вариантов этой песни (например, № 1223, стр. 15). У Соболевского, т. II, стр. 73, № 90, напечатан вариант также из Холмогор («У Целькова у купца») по записи П. И. Якушкина (Сочинения, СПБ., 1884, стр. 590).

Пропавшая дочь купца

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, стр. 325—327, № 247. В свою очередь Соболевский перепечатал текст из журнала «Отечественные Записки» за 1841 г., т. XVIII,

Смесь, стр. 11. Записано в б. Костромской губ. Одна из популярнейших «купеческих» (по содржанию) песен (у Соболевского приведено 6 текстов, № 247—252).

Жены покупают волю на дому жильяни

Печатается по сборнику В. Н. Добровольского «Смоленский Этнографический Сборник», ч. 4, стр. 62, № 102-б. Очень любопытный текст этот отнесен Добровольским к числу «колядных» песен. Известны еще немногие подобные варианты, но менее полные (в том числе в том же сборнике Добровольского, ч. 4, стр. 62, 151, № 102-а, 131. Киреевский, Новая серия, в. 2, ч. 2, стр. 106, № 2018).

Любовник - бараш

Печатается по сборнику Соболевского, т. VII, № 184, стр. 183—184. Записано в б. Терской обл., перепечатано из «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», в. 15, стр. 189. У Соболевского приведено еще три текста (один из «Песенника» 1780 г., один из б. Курской губ., один из б. Вологодской).

Муж - недоросток

Печатается по сборнику Соболевского, т. III, № 557, стр. 451—452. Записано в б. Владимирской губ. Одна из популярнейших песен. Известны многочисленные варианты

ее; в том числе есть такие, в которых муж наказывает жену (напр, Соболевский, т. III, № 558, стр. 452—453, из «Вологодского сборника», т. IV, стр. 374). У Соболевского приведены десять текстов (№ 553—562).

Жена сжигает нелюбимого мужа

Печатается по сборнику Соболевского, т. III, № 139, стр. 111—112. В свою очередь, Соболевский перепечатывает текст из «Истории России» С. М. Соловьева, т. XIV, Приложение 2, где он заимствован из столбда приказного стола 1699 г., № 3313. Песня интересна как один из образчиков сравнительно ранних записей песен и притом сохранившихся своеобразным способом (в судебном деле). Соболевский приводит еще три варианта в записях XIX в. (№ 140, 141, 142), два — из б. Курской губ., один — из б. Воронежской.

Жена мужа зарезала

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 126, стр. 185—187. Соболевский берет текст из сборника А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомарова — «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии» («Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым», т. IV, 1862). Один из типичных балладных сюжетов. Соболевский приводит еще четыре текста (№ 127—130).

Муж убивает жену по клевете матери

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 70, стр. 119—120. Записано в б. Курской губ.

Песня эта известна в многочисленных и разнообразных вариантах. Соболевский приводит еще пять подобных текстов (№ 71—75). Кроме того близко примыкает сюда песня о князе (двенадцати лет), княгине (девяти лет) и старицах, по клевете которых князь убивает жену (Соболевский, т. I, № 76; известен еще ряд текстов). Сходны также песни № 77, 78 у Соболевского.

Ванька-ключник и князь Волхонский

Печатается по сборнику Соболевского, т. I, № 28, стр. 55—56. Записано в б. Вологодском у. Н. Иваницким (Статистический сборник, издаваемый Вологодским Губ. Статистическим Комитетом, т. III, стр. 318).

Песня принадлежит к числу наиболее популярных. В сборнике Соболевского помещено двадцать три варианта (№ 25—47); кроме того ряд вариантов опубликован в других изданиях. Известны две основных редакции песни: более древняя, представителем которой является печатаемый нами текст, и более новая, являющаяся переработкой стихотворения В. Крестовского,

основанного в свою очередь на фольклорной песне. Вот начало одной из подобных переделок:

Что не ягода лесная
Спела, зрея и красна,—
Одна княгиня молода
С князем в тереме жила.
Как у князя был Ванюша,
Кудреватый, холостой,
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.

(Шейн, т. I, в. 1, № 882,
стр. 238, б. Костромской губ.)

Любила княгиня камер-лакея

Печатается по сборнику Киреевского, в. 5, стр. 180 (перепечатано также у Соболевского, т. I, № 49, стр. 85—86). Записано в б. Симбирской губ. Известны также тексты этой весьма драматичной песни в песенниках XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. 3, 1780, стр. 168; М. Попов, «Российская Эрат», ч. 3, 1792, № 110).

Повидимому, в основе этой песни, как и песни о Ваньке-ключнике, лежат какие-то подлинные факты.

Разбойники и сестра

Печатается по сборнику Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 1, № 1361; записано

в Новгороде. Песня принадлежит к числу популярнейших; у Соболевского приведено семнадцать текстов (т. I, № 178—194); много текстов также у Киреевского (Новая серия).

Песня обычно поется исполнителями былин и духовных стихов и часто включается в сборники былин.

Вещий сон девушки у разбойников

Печатается по сборнику Соболевского, т. VI, № 408, стр. 318—319 (запись Якушкина из б. Костромской губ.). Песня эта известна еще в песенниках XVIII в. (Соболевский, т. VI, № 404) и также относится к числу весьма популярных (у Соболевского двенадцать текстов, № 404—415; кроме того близки также № 416—417).

Девица — атаман разбойников

Печатается по сборнику Киреевского, Песни, в. 9, стр. 192—195. Песня эта основана на преданиях о разбойнице Танько Ростокинской (в Ростокине под Москвой), которая будто бы наводила ужас на проезжих и прохожих.

Муж-солдат в гостях у жены

Печатается по сборнику Киреевского, Новая серия, в. 2, ч. 2, № 2974, стр. 344—345 (из б. Звенигородского у.). Эта песня — одна из типичнейших и популярнейших баллад;

у Киреевского она имеется во многих вариантах, в сборнике Соболевского приведено восемь текстов (т. I, № 330—337; близок также № 338).

Простой и вместе с тем драматический сюжет этой песни, близкий и понятный крестьянству, повидимому, является причиной ее популярности.

Старец Играюще

Печатается по сборнику Кирши Данилова, стр. 142—144 (в изд. Публичной Библиотеки).

Любопытна эта песня по изображению старца-монаха в виде богатыря, наказывающего своих противников; получается своеобразная пародия на былину.

Разгульные монахи

Печатается по сборнику Соболевского, т. VII, № 346, стр. 310—311; записано в б. Пермской губ. Соболевский приводит еще три текста этой песни (№ 345 — из б. Иркутской губ., № 347 — из б. Казанской губ., № 348 — из б. Архангельской губ.). Это один из образчиков сатирического изображения монахов.

Для сравнения с «классической» балладой приводим образец новой баллады, строящейся в значительной степени на литературных основах.

Мальвина

Тихо стонет сине море,
Тихо зыблятся луна,
По долине, по дубраве,
По дорожке столбовой
Рыцарь бениный все спешит
Ко Мальвине молодой.
Тут Мальвину снаряжают
Мёртву бениную к венцу.
Она плачет, слезы льются,
Што со слез рудъя шумят.
«Вы, подружки, не спешите,
Дайте сердцу погрустить,
Вы ядино мне скажите,
Как мие мýлаво забыть?
Мне забыть ево не можно,
Отдалась ему душой.
Праву руценьку давала,
Мне велел родитель мой».
Долго ехал гость нежданный:
«Позно, рыцарь молодой!»
Для злодея все не поздно:
Рыцарь саблю обнажил.
Обнаживши саблю востро,
Да словечушка сказал.
Сабля вострая взвиласе,
Тут Мальвина померла!
Померла наша Мальвина,
С ней скончалася любоф.
Полотном тело прикрыли
И послали за попом;
Поп-от с певцием приехал

Мёртво тело отпевать,
Громко певшие запели,
На кладбище понесли.
Приносили на кладбище,
Востонула вся земля,
Вся седённая сказала:
«От любови померла».
Тело в гробе говорило:
«Подойди, милой, сюда,
Подойди, милой, поближе,
Стань ко гробу моему,
Помолися, милой, богу,
Телу душу возрати». —
«Помолиться богу можно,
А воротить душа нельзя».

Песня записана бр. Соколовыми в 1908 г.
в дер. Терехове-Малаховой, б. Белозер-
ского у., от крестьянки Т. А. Шарашовой
(Б. и Ю. Соколовы, «Сказки и песни Бело-
зерского края», № 685, М., 1915, стр. 503).
Песня эта часто встречается в песенниках
1911—1912 гг., но с именем Маруси, а не
Мальвины.

ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОТМЕЧЕННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Былины и исторические песни

1. Аристов И. Об историческом значении русских разбойничьих песен, Воронеж, 1875, стр. 45 и 89—90.
2. Архангельский А. С. Рецензия на «Очерки русской народной словесности» Вс. Мильлера. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1898, III, стр. 905—923.
3. Веселовский А. Н. Южнорусские былины, III—XI, 1884, стр. 69—124 (12).
4. Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бериском. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1906.
5. Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 192—424.
6. Жданов И. Н. Повесть о королевиче Балтасаре и былины о Самсоне Свято-горе. «Кури. Мин. Нар. Просв.», 1901, V, стр. 1—24.
7. Коробка Н. И. Сказания об урочищах Овручского у. и былины о Вольге Святославиче. «Изв. Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1908, кн. I.

8. *Лозанова А. Н.* Песни и сказания в Рязане и Чугачеве. М., 1935, стр. 4—7 и 386.
9. *Марков А. В.* К былине о бое Ильи Муромца с сыном. «Этногр. Обозр.», 1905, XII.
10. *Миллер Вс.* Кавказско-русские народные. Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892. Приложение.
11. *Миллер Вс.* Очерки русской народной словесности, М., 1897, стр. 97—142.
12. *Миллер Вс.* Ibid., стр. 263—282.
13. » » Ibid., стр. 166—186.
14. » » Ibid., стр. 187—200.
15. » » Очерки русской народной словесности, т. III, М.—Л., 1924, стр. 91—135.
16. *Миллер Вс.* Ibid., стр. 159—174 (№ 19).
17. » » Рецензия на исследование С. К. Шамбушаго, «Вест. Европы», 1913, V.
18. *Соколов Б. М.* Былины об Идолище Цоганом. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1916.
19. *Соколов Б. М.* О житийных и апокрифических мотивах в былинках. «Русск. Филолог. Вестник», М., 1916.
20. *Халанский М. Г.* Великорусские былины Киевского цикла, 1888.
21. *Халанский М. Г.* Отношение былин о Вольге—Волхе к летописным сказаниям об Олеге Вещем. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1903, XI.

22. Шамбинало С. К. Старины о Святогоре и эстонская поэма о Калевии-поэто. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1902, № 1.
23. Шамбинало С. К. Песни-памфлеты XVI в., М., 1913.
24. Шамбинало С. К. К литературной истории старин о Вольге. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1905, № 11.
25. Лозанова А. Н. Социальные переосмысления песен о графе Захаре Григорьевиче Чернышове. «Советский фольклор», в. 2—3, 1935.
26. Сперанский, М. Н. Пон-разбойник Емеля. Slavia, R. II, с. 4, 1924, стр. 655—659.

ГЛАВНЕЙШЕ СОБРАНИЯ БЫЛИЙ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН¹

- * *Кирша Данилов.* «Древнейшие российские стихотворения», изд. 3, М., 1878; то же, Сборник Кирши Данилова, изд. Нубличной Библиотеки, под. ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901. Первый печатный сборник былий, составлен в конце XVIII в. Былины Западной Сибири и Уральской области.
- * *Чулков М. А.* Собрание сочинений М. А. Чулкова, изд. «Отд. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», СПб., 1913. Помещены несколько былий и исторических песен.
- * *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, М., 1909—1910. Былины и исторические песни, записанные в 60-е годы в б. Олонецкой и западной части Вологодской губ.
- * *Киреевский Н. В.* Песни, собранные Н. В. Киреевским, десять выпусков, М., 1860—1874. Былины и песни из разных м. ст. России. Среди лиц, записавших и доставивших песни: В. И. Даля, А. С. Пушкин, Н. М. Языков и др.

¹ Звездочками обозначены источники, из которых взяты публикуемые тексты.

- * Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, СПб. 1873; изд. 2-е, СПб. 1894—1900.
- Мякушин Н. Г.* Сборник уральских и казачьих песен, 1890. Былины и исторические песни, сохранившиеся среди казачества.
- Тихонравов Н. С.* и *Миллер В. Ф.* Русские былины старой и новой записи, М., 1894. Несколько былин, извлеченных из рукописных списков XVIII в. Новые записи былин из разных мест России. Особенный интерес представляют записи сибирских былин Н. С. Гуляева.
- Пивоваров.* Донские казачьи песни, Новочеркасск, 1895.
- Соболевский А. И.* Великорусские народные песни, т. I, 1895. Былины-баллады.
- * *Нальчиков Н.* Крестьянские песни с Николаевки Мензелинского у. Уфимской губ., Л., 1896. Есть исторические песни.
- Соколов М. Е.* Былины, исторические песни, разбойничьи и воровские Саратовской губ., Петровск, 1896.
- * *Марков А. В.* Беломорские былины, М., 1901. Записи былин в 1898—1899 гг. на Зимнем берегу Белого моря. Часть былин — Терского берега.
- Богораз В. Г.* Колымское русское областное наречие, «Сборник II Отд. Акад. Наук», т. LXVII, 1901. Есть тексты былин, записанных в Якутской области.
- * *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904;

т. III, СПб., 1910. Записи 1899, 1900 и 1901 гг. в Новоморье, на Пинеге и на Мезени.

* *Ончуков И. Е.* Печорские былины, СПб., 1904. Записи по средней и нижней Нечоре 1901—1902 гг.

Листопадов и Арефин. Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг., изд. Войска Донского, 1911. Есть былины и исторические песни.

Шайжин. Олонецкий фольклор. Былины, Петрозаводск. 1906.

Миллер В. Ф. Былины новой и недавней записи из разных местностей России, М., 1908.

Мякутин А. И. Песни оренбургских казаков, Оренбург, 1905.

* *Марков А. В., Маслов А. Л. и Богословский Б. А.* Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. «Труды Муз.-Этногр. Комиссии», т. II, М., 1911, № 8. Былины Терского берега и Кандалакши.

* *Миллер Вс. Ф.* Исторические песни русского народа XVI и XVII вв. «Сб. II Отд. Акад. Наук» т. X, 1915.

* *Соколовы Б. и Ю.* Сказки и песни Белозерского края, М., 1915. Былины и исторические песни в Кирилловском у. Новгородской губ.

Озаровская О. Э. Бабушкины старины, изд. «Огни», II., 1916. Записи былин от пинежской сказительницы М. Д. Кривоцаповой.

* *Лозанова А. И. Песни и сказания о Рази-
не и Пугачеве.* М., 1935.

* Рукописное хранение Фольклорной
секции Института антропологии, этнографии
и археологии Акад. Наук СССР. Ленин-
град. Записи 1921, 1926—1929, 1931—1932,
1935 гг. в Карелии, на Нишеге, Кулос, Ме-
зени и Нечоре.

Фольклорный отдел Архива Литератур-
ного Музея, Москва. Записи 1926—1928 гг.
в Карелии.

Антологии и хрестоматии

*Сперанский М. Памятники мировой лите-
ратуры. Русская устная словесность, т. I
и II, М. 1916—1919.* Избранные тексты
со вступительными статьями и коммен-
тариеми.

*Лацкий Е. А. Былины — старинки богатыр-
ские,* СПб., 1911. Вступительная статья,
тексты.

Соколов Б. Былины, изд. «Задруга», М., 1918.
Исторический очерк, тексты, коммен-
тарии.

*Бродский, Мендельсон, Сидоров. Историко-
литературная хрестоматия, ч. I. Устная
народная словесность,* ГИЗ, 1923.

*Былины. Примечания и объяснительные
статьи В. А. Келтулла.* «Дешевая би-
блиотека классиков», М.—Л., 1929.

*Андреев Н. И. Хрестоматия по фольклору.
Чисчитается.*

ГЛАВНЕЙШИЕ СОБРАНИЯ БАЛЛАД

- Григорьев.** — Григорьев А. Д., Архангельские быличы и исторические песни, т. 1, М., 1904.
- Добровольский.** — Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник, ч. 4, М., 1903 («Записки Русск. Геогр. Об-ва по отд. этнографии», т. XXVII).
- Киреевский.** — Песни, собранные Н. В. Киреевским, в. 5, М., 1864; в. 9, М., 1872. Песни, собранные Н. В. Киреевским, Новая серия, в. 2, ч. 1. М., 1917; ч. 2, М., 1929.
- Кирилла Данилов.** — Сборник Кирилла Данилова, изд. Публичной Библиотеки, под ред. И. Н. Шеффера, СПб., 1901.
- Соболевский.** — Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. I, СПб., 1895; т. III, СПб., 1897; т. VI, СПб., 1900; т. VII, СПб., 1902.
- Шейн.** — Шейн И. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, в. 1, СПб., 1898.

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Былины

Общие обзоры и библиография
Лобода А. М. Русский богатырский эпос,
Киев, 1896.

Скафтылов А. Н. Поэтика и генезис былини,
гл. IV. Материалы и исследования по
изучению былини с 1896 по 1923 г., Са-
ратов, 1924.

Сперанский М. Н. Былины, т. I, М., 1916,
и т. II, М., 1919. Вступительные статьи
и комментарии.

Соколов Б. Былины, М. 1918. Указана основ-
ная библиография по отдельным сложе-
там.

Соколов Б. Былины, «Литературная энци-
кlopedia», т. II, 1929.

Бродский, Гусев, Сидоров. Русская устная
 словесность. Л. 1924.

История изучения

Пыпин А. Н. История русской этнографии;
 1892.

Лобода А. М. Русский богатырский эпос,
Киев, 1896.

Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности, 1896.

Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917. Введение.

Соколов Б. Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу, «Худож. фольклор», II—III, М., 1927.

Вопросы происхождения русского эпоса

Майков А. О былинах Киевского цикла, СПб., 1863.

Веселовский А. Южнорусские былины. СПб., 1881.

Жданов И. И. К литературной истории русской быловой поэзии. Сочинения, т. I, СПб., 1904.

Жданов И. И. Русский былевой эпос, СПб., 1895.

Халанский М. Великорусские былины киевского цикла, Варшава, 1885.

Миллер Вс. Экскурсы в область русского народного эпоса, М., 1892.

Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897; т. II, М., 1910; т. III, М.—Л., 1924.

Соколов Б. М. Русский фольклор, в. I. Былины, М., 1931.

Условия бытования и исполнители

Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. В сборнике «Онеж-

ские былины», СПб., 1873; изд. 2, т. I, СПб., 1894.

Вступительные очерки в сборниках былин.

Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897. Первые три очерка.
Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917.

Миллер Вс. Казацкие эпические песни XVI—XVII вв. Очерки русской народной словесности, т. III, М.—Л., 1924.

Соколов Б. М. Русский фольклор, в. 1. Былины, М., 1931.

Соколов Б. М. Сказители, Госиздат, М., 1924.

Соколов Ю. По следам Рыбникова и Гильфердинга. «Худож. фольклор», II—III, М., 1927.

Астахова А. М. Былина в Заонежье. «Крестьянское искусство СССР», в. 1, Л., 1927.

Астахова А. М. Былинная традиция на современном севере. Сб. статей, посвященных ак. А. С. Орлову, Л., 1934.

Поэтика былин

Веселовский А. Н. Поэтика. Собр. соч., т. I.

Миллер Вс. Очерки русской народной словесности, М., 1897.

Скафтынов А. Н. Поэтика и генезис былин, М.—Саратов, 1924.

Габель М. О. К вопросу о технике русского былевого эпоса. Формы былинного

действия. «Наукові записки науково-дослідчої кафедри історії європейської культури», т. X, 1927.

Габель М. О. Форма диалога в былинах, «Збірн. на пошану ак. Д. Багалієва». Харьков, 1928.

Корш Ф. Е. О русском народном стихосложении. Былины, «Сб. V Отд. Акад. Наук». т. XVII, № 8, 1901; «Изв. Русск. Яз. и Слов. Акад. Наук», 1896, № 1; 1897, № 2.

Жирмунский В. М. Введение в метрику. Вопросы поэтики, в. 6, Л., 1925.

Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория, Л., 1923.

Маслов А. А. Былины, их происхождение и мелодический склад. С муз. прилож. «Изв. Об-ва любит. естеств., антропол. и энтомол.», Труды Муз.-Этногр. Комиссии, т. II, М., 1911.

Б. Исторические песни

Аристов Н. Об историческом значении русских разбойничьих песен, Воронеж, 1875.

Сперанский М. Русская устная словесность, М., 1917, стр. 328—358.

Сперанский М. Былины, т. II, М., 1919, стр. 317—337. Вступительный очерк к историческим песням.

Лозанова А. Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве, М., 1935.

СЛОВАРЬ СТАРИНЫХ ПОБЛАСТИЧЕСКИХ СЛОВ

Акитант — адъютант

Баберёковый — из баберека, шелковой ткани
баско — красиво

братьчина — братство,¹ товарищество из церковных прихожан

бұса — большая долбленая лодка

Вальжный — 1) резной, точеный; 2) прочный, крепкий; вальяк — резная, чеканная работа

вальячный — см. вальжный

варайдать — кричать браниться, брюзжать

варовицкий — веревочный, пеньковый

вольжский, волжаный — из дерева таволги (род ивняка), таволжаный

войный — наружный, тот

вяз — род дерева, дубина из вяза

Галера — большое весельное судно

глаздырь — итенец, не умеющий еще лепить, молокосос

гбоголь — род утки

голь — голытьба, бедняки

горюч камень — известковый камень

гость богатый — купец
гридия — комната, покой
грядочка, грядка — перекладина для вешания платья и др.

Доброхбы — доброжелатели.

Егерь — в войсках солдат из стрелковых частей

Жуковицье — перстень

Заводь — залив на реке, защищенный от ветра

завбрьдал — зарыдал

задленица — житель «задлённой» стороны, окраины — от слов: за Двиной — «задвений»

зарыснуть — попадать куда-нибудь рыская

затюремщик — узник

здынуть — поднять

зелено — эпитет вина. Собственно, «зеленое», от зелье — растение, злак. Следовательно — хлебное вино

Изрёбный — статный, видный, красивый

иншиное — ильное, инос

ишё, ишшё — сще

Кадбы — канаты

калика — странник, богомолец (от греческого слова «калига» — особого рода обувь, которую носили странники)

камка — шелковая китайская ткань с разводами
кашаватиной — из канавата, старинной цветной узорочной ткани
канун варен — пиво, сваренное к празднику
кичиги — палки, которыми молотят хлеб
клюхá — клюка, посох
козарочка, казарка — в былинках эпитет меди, очевидно от слова хазарская
колник — птица из рода цапель
комухá — лихорадка
косач — тетерев
косынчато вместо косящато — сделанное из косяков, гладко отесанных брусьев
косыца — бровь, висок
кёсная лодка — легкая лодка для разъездов, но для груза
кряковистый — кряжистый, коренастый, крецкий
крестобный брат — поменявшийся крестом
кружало — питейный дом
круичатая камка вместо хрущатая — плотная шуршащая при движении
круинна — род дерева
кужель вместо кудель
куронок — куранатка-самец

Левый зверь — лев
ложия — спальня

Марьбаха — глухарка
матереть — становиться матерым, возмужальным, дородным.

Накош — раз, прием
на полы — пополам
не за веды — ни за что
новой — иной, другой
несудимый — не подлежащий суду, которо-
го нельзя судить

Обжá — оглобля от сохи
б зень — на землю
бкарачъ — на караках, четверенках
омёшик — сошиник, лемех
опочин держать вместо опочив держать —
отдыхать, почивать
опричь — кроме
опружишка — подпруга
отужишка — веревка, которую привязывают
седло
очёсливый — вежливый, **обходительный**,
умеющий воздать честь

Пабедье — время около пабеда — еды до
обеда.
Переладец — род дудки
перелётник вместо переветник — измениник
пересок, перс — перст, палец
переставился — преставился, умер
неструха — тетерка
пилигрим — странник по святым местам
новалёниое — сбор с валька, за стирку
белья на плотах
повенечное — сбор с венчанья
погищёт — погибнет
полтён — чуши, разрубленные пополам

поляковать — рыскать, отыскивал приключения

поляница — богатырь, богатырка, от поляковать

помёлечко — помело, которым обметается печь под посадку хлебов

понюгальцё — понукальце, киут

похабно стало — показалось унизительно

прироссылькивать — глядеть подслеповатыми глазами

Рамень — рамёнек, оплечье, часть одежды, кроющая плечо

руда кровь

рущатый вместо хрущатый — см. круичатый.

Сажень печатная — спабженная государственным клеймом

синочка — вместо синичка

сливной — сплошной

солбая — желтоватой масти

сника — вершина горы

сорочинский — сарацинский (сарацины — арабы)

стольный — престольный, где пребывает князь, правящий класс

спибаться руками — всилеснуть

сынь — складчина, взнос

сыть — корм, еда

Түес — берестяная кубышка, бурак

тур — дикий бык (зубр)

тюби — сапоги из оленьего меха
тычок — шест, багор

Упружинка — см. опружинка
ураз — рана, ушиб
уродует — безобразничает
утин — боль в пояснице

Чапельница — ухват
чёботы, чёботы — башмаки, сапоги
чебурацкий — от «чебрак» — бруск
червлёный — багряный, красный
черкальский — черкасский
чернавушка — служанка для черной работы
чох — чихание, в былине — приметы, свя-
занные с чиханием
чумаки — целовальники — продавцы казен-
ного вина

Шалыга — плеть, кнут
шамахильский вместо шемаханский — шелк,
получаемый из Шемахи (на Кавказе)
шарбовый вместо жарбовый — высокостволь-
ный
шебура или шабур — крестьянская ткань,
а также армяк, зипун, балахон из этой
ткани
шёминура, шамшура, шамумра — род ша-
почки, надеваемой на кокошник
ширинка — полотенце
шилик — женский головной убор
шиёнышек — шин

Щаплый — щегольской
щелье — гора на берегу реки или вэморья
щёпетло — щегольски, нарядно
Ярабк — указ, объявление, записка
ярбчатый — из дерева явора (чишары)
ярый воск — чистый, белый
ячший — ячменный

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
<i>A. Астахова. Русские былины</i>	11

Былины

Первая поездка Ильи Муромца	55	583 ¹
Бой Ильи Муромца с сыном	66	584
Илья Муромец и Пдолице	76	588
Илья в ссоре с Владимиром	80	589
Илья Муромец и голи кабацкие	85	589
Василий Пгнатьев	92	591
Сухматий (Сухман)	102	592
Неудавшаяся женитьба Алени	110	593
Алеша Попович и сестра братьев Збродовичей	125	594
Ставер	128	594
Дюк	139	595
Про Чурилу	155	596
Василий Буслаев	161	598
Василий Буслаев молиться ездил	171	400
Садко	181	401
Соловей Будимирович	194	402

¹ Первая колонка цифр обозначает страницу стихотворения, вторая — примечания.

Вольга	201	403
Вольга и Микула	208	404
Снятогор	215	405
Путешествие Вавилы со скоморохами	217	406
Гость Терентьище	224	407
Птицы	231	407
Агафонушка	234	410
Старина о льдине и бое женщин	237	410
Небылица в лицах	238	410
Народия	240	410
Пародия	241	410
Скоморошья прибаутка	242	411

Исторические песни

A. Астахова. Исторические песни	245	
Авдотья женка-Рязаночка	251	412
Татарский полон	255	412
Взятие Казанского царства	257	412
Нон Емеля	260	413
Нон Емеля	261	413
Плач о Михаиле Скопине	262	414
Михаил Скошин-Шуйский	263	414
Земский собор	266	416
Сын Степана Разина	269	417
Степан Разин	271	417
Смерть Степана Разина	273	417
Песня разинцев	274	417
Князь Голицын	276	419
Стрелецкая казнь	278	419
Казнь атамана стрелецкого	281	419
Шведский поход	283	420

Ладожский канал	284	421
Прусский поход	285	421
Лопухин-Потемкин	286	421
Работы на линии	288	422
Пожар Москвы	289	422
Чернышов Захар Григорьевич .	291	423
Пугачев	293	425
Пугачев и Нанин	295	425
Вор Гаврюшка	296	425
Вор Конейкин	298	426
Песни об Аракчееве, I	299	426
» » » II	300	426
Песни о 14 декабря 1825 года, I .	301	427
» » » » II .	302	427

Баллады

<i>П. Андреев. Песни-баллады в русском фольклоре.</i>	307	
Сестра и брат	333	429
Цюрильё игуменьё	335	429
Девушка-воин	339	429
Гостиный сын увозит девушку на корабле	341	450
Принц почует у дочери купца .	343	450
Прошавшая дочь купца	345	450
Жены покупают волю надмужьями	347	451
Любовник-бараан	349	451
Муж-недоросток	351	451
Жена сжигает нелюбимого мужа.	353	452
Жена мужа зарезала	354	452
Муж убивает жену по клевете матери	356	453

Валька-ключник и князь Волхон-	
ский	358 433
Любила княгиня камер-лакея . .	361 434
Разбойники и сестра	363 434
Вещий сон девушки у разбойников	366 435
Девица — атаман разбойников . .	368 435
Муж-солдат в гостях у жены . .	371 435
Старец Игренище	373 436
Разгульные монахи	377 436

Примечания

Былины, исторические песни и	
баллады	381
Исследования, отмеченные в при-	
мечаниях. (Былины и историче-	
ские песни)	439
Главнейшие собрания былин и	
исторических песен	442
Главнейшие собрания баллад . .	446
Исследования	447
Словарь старинных и областных	
слов.	451

*Отпечатано типографией «Советский Печатник», Ленинград,
Моховая ул., 40 для Издательства «Советский Писатель» в
количестве 15500 экз. Авт. л. 15.
Заказ 9554. Ленорглит № 51845.
Переплет по макетам художника
В. Д. Двораковского. Сдано в
набор 9/IX 1955 г. Подписано
к печати 25/XII 1955 г. Формат
72×110¹/₈. Тип. зн. в 4 дуи.
листов 179200. Бум. лист. 5⁵/₈.
Ответств. редактор Е. Добин
Техн. редактор Ал. Кукуричкина
1955*

Цена 2 р. 75 к. Перепл. — 1 руб.